

Абрам Рубенчик. В Минском гетто и партизанах

Документальная повесть узника гетто и малолетнего партизана Абрама Рубенчика никого не оставит равнодушным.

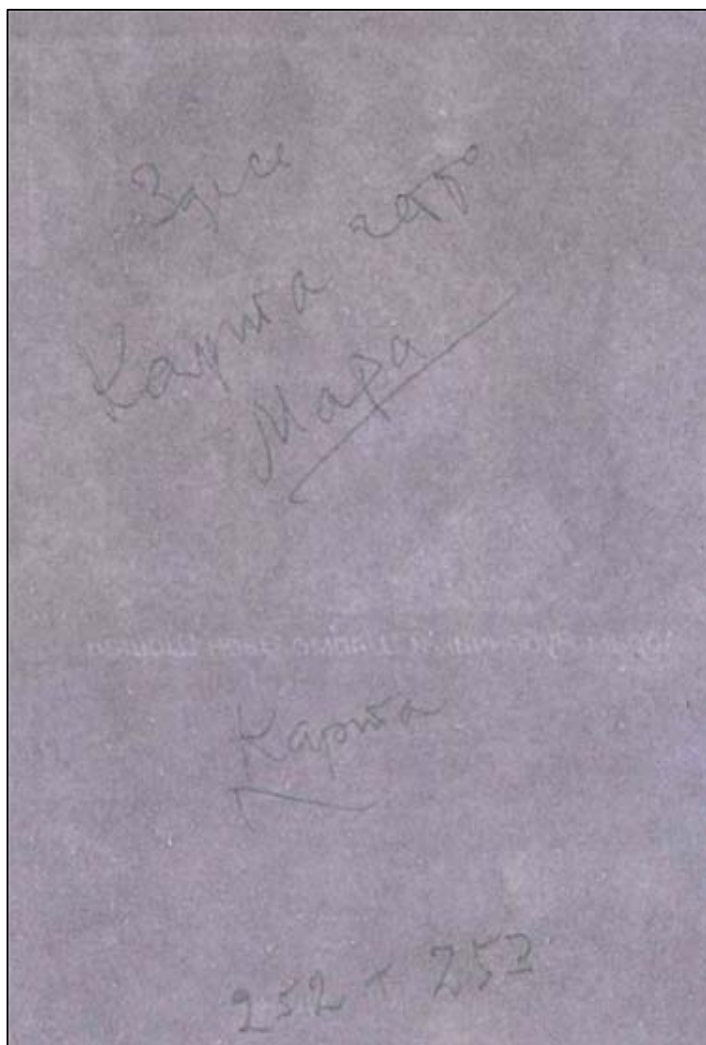
Страшные испытания выпали на долю большой семьи Рубенчиков и Узлянов в захваченном врагом Минске. Одним из участников тех событий оказался и подросток Абраша Рубенчик. Благодаря его зорким глазам, удивительной памяти, мы становимся свидетелями геноцида евреев и преступлений, которые нацисты и их пособники совершали на земле Белоруссии.

Покойным матери Нахаме и отцу Исроэлу, всем Рубенчикам и Узлянам, более 100 моим родственникам, погибшим в Минском гетто, посвящаю эту книгу

Автор

Литературная запись и редактирование Григория Розинского и Галины Куковенко. Компьютерный набор и верстка Инны Ковнер. Обложка и оформление Маши Розинской,

© Все права принадлежат автору.
Типография: Дфус офсет Исраэли Лийтцу ЛТД. Израиль,
2006 год

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
Глава первая. Мое детство.....	9
Глава вторая. Все, что знаю о Рубенчиках и Узлянах.....	13
Глава третья. Начало войны.....	22
Глава четвертая Мы остаемся в Минске.....	25
Глава пятая. Концлагерь в Дроздах.....	28
Глава шестая. Кровавый понедельник.....	34
Глава седьмая. Как создавалось гетто.....	40
Глава восьмая. Юденрат.....	46
Глава девятая. Подвиг Маши и Сони.....	52
Глава десятая. Ноябрьские погромы.....	57
Глава одиннадцатая. Евреи из „зондер-гетто“. .	66
Глава двенадцатая. Исчезновение Ёхи.....	71
Глава тринадцатая. Стремление выжить.....	76

Глава четырнадцатая. На новом месте.....	81	Глава двадцать восьмая. Боевая работа.....	182
Глава пятнадцатая В „малине" у дяди. . . .	88	Глава двадцать девятая. После блокады.....	189
Глава шестнадцатая Сосед Едидья.....	93	Глава тридцатая. Встреча с родителями.....	199
Глава семнадцатая Хава.....	101	Глава тридцатая первая. Будни отряда	205
Глава восемнадцатая. Будни в гетто.....	105	Глава тридцать вторая. Гирш Смоляр - руководитель подпольщиков.....	215
Глава девятнадцатая. Черный день нашей семьи	111	Глава тридцать третья. Освобождение.....	221
Глава двадцатая. спасаю маму.....	119	Глава тридцать четвертая. Черный обелиск ..	235
Глава двадцатая первая. Ёха уходит в партизаны.....	124	Послесловие.....	238
Глава двадцать вторая. Маршрут к избавлению.....	133	Заключение.....	247
Глава двадцать третья. Второй поход Ёхи.	138	Карта Минского гетто.....	252
Глава двадцать четвертая. На птичьих правах.	143		
Глава двадцать пятая. Первое партизанское задание.....	147		
Глава двадцать шестая. Семейный лагерь Зорина.	153		
Глава двадцать седьмая. Акт возмездия...	168		

ПРЕДИСЛОВИЕ

Давно мечтал я рассказать всем людям, особенно евреям и израильтянам в частности, о трагедии, происшедшей в 1941-1944 годах в Минске. Это у меня наболело, и память (от нее никуда не денешься) требует поведать о том, чему я был свидетелем. Написав эту книгу, я надеюсь, что тогда, может быть, успокоится мое сердце....

Многие задают мне вопросы, как все там было на самом деле. Голод, холод, расстрелы... Что означали „массовые акции“? Каким образом удалось некоторым выжить? Как из гетто добирались до партизан?

Пытаюсь без прикрас восстановить картину того, что случилось в гетто, в каких нечеловеческих условиях жили люди, как нам удалось уйти в лес к партизанам.

Работая над текстом этой книги, я спрашивал у многих, кто так же, как и я, пережил то страшное время и спасся. Это, прежде всего, мои близкие: сестра Ёха, мама Нахама, двоюродная сестра Гинда. Я прочитал мемуары и воспоминания Гирша Смоляра, Ани Красноперко, Симы Чертковой, написавших свои

Таким был Абраша Рубенчик, вернувшись из партизанского отряда в освобожденный Минск

записки о страшных днях в гетто. Это и «Чёрная книга» И.Оренбурга и В.Гроссмана. Ценнейшие документы и свидетельства собрала минчанка Раиса Черноглазова. Я цитирую в многих главах их строки, а также немецкие документы и уверен, что это тоже правда о жизни евреев в захваченном врагом городе...

Волею судьбы большая „мишпоха“ Рубенчиков оказалась в эпицентре событий в гетто. Наше существование там стало кошмаром. Оккупационные власти - немцы и полиция - сознательно и целенаправленно создавали невыносимые условия. У них цель была одна - как можно быстрее и больше уничтожить евреев.

В той жуткой обстановке и жили все мы: отец и мать, братья и сестры, бабушка, дяди и тети, многочисленные двоюродные братья и сестры. Большинство из них погибло. И я хочу всех их назвать, обо всем, что помню, рассказать. Конечно, трудно это сделать спустя полвека, но это необходимо, и для мертвых, и для живых. Потому что история повторяется. Признаки новой коричневой чумы уже видны в СМИ и передачах телевидения, показывающих сборища неонацистов в Европе, в России, Франции и других местах.

Те, кто остались жить, обязаны вспомнить все, что произошло и сохранилось в памяти, рассказать об этом всему миру, чтобы дошло до каждого. Пусть наши потомки знают, какие страшные муки пришлось нам перенести, но мы не покорились, а с оружием в руках воевали против захватчиков.

К сожалению, долгое умолчание в Советском Союзе о судьбе еврейского народа в годы Второй

мировой войны привело к тому, что выросли поколения, не имеющие представления о нашем трагическом и героическом прошлом. Из уважения к памяти о погибших считаю себя обязанным рассказать о трагедии Минского гетто - четвертого по величине в Европе.

Это - долг, цель и смысл моей жизни. Память неумолимо требует этого. И я листаю ее волнующие страницы...

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Прошло пять лет с тех с тех пор, как была издана моя книга „Правда о Минском гетто“. За это время получил я сотни писем от читателей: от бывших узников гетто и их родственников, от историков, журналистов и писателей, от школьников и молодых воинов.

Люди просят меня продолжать свои воспоминания. Они напоминают мне, что нас, бывших узников, осталось мало, кто на себе испытал все ужасы нацистского режима.

Минское гетто было особое. Сюда, кроме евреев Минска и ближайших городов и местечек Белоруссии, свозили для уничтожения евреев Европы. Здесь разрабатывали и применяли разнообразные методы умерщвления людей, а затем, когда нацисты почувствовали приближение краха, они спешно искали способы заметания следов своих чудовищных преступлений.

Я уверен, что мои воспоминания и новые подробности о происшедших событиях вызовут у читателей ответную реакцию: нельзя допустить, чтобы

народы пережили снова что-то подобное.

Особенно укрепило веру в то, что я делаю богоугодное дело, письмо ученика ешивы Моти из Нахалима (это близ Петах-Тиквы), написанное на иврите и русском, 13-летнего мальчика А.И.Середы (таким каким я был по возрасту в гетто). Его утверждение категорично: моя книга должна быть на столе в каждой еврейской семье.

Знаю, что моя книга заинтересовала американских и канадских евреев, поэтому я с помощью моей внучки перевел ее на английский язык. Необходимо такой перевод сделать и на немецкий, ибо в Минском гетто погибли многие тысячи немецких евреев. Сейчас в Германии живут евреи, которые почти ничего не знают об этой трагедии. Конечно, ознакомление зарубежного читателя со страданиями еврейского народа на примере Минского гетто - сегодня крайне актуально.

Второе издание книги значительно расширило картину происшедших событий. Я ввел в повесть новые эпизоды из жизни Минского гетто, описал судьбу моих близких. Более подробно показано сопротивление в гетто.

Глава первая

МОЕ ДЕТСТВО

Себя я помню с раннего возраста. Тогда в нашей семье было шестеро детей, седьмая сестричка родилась в гетто. Детство у нас было тяжелое. Папа заканчивал строительство дома. Несколько лет мы жили в нем без пола.

Запомнилось, как мама нас по очереди купала возле печки, потому что в общей комнате всегда было прохладно. Только, кажется, в тридцать девятом году, папа настелил в доме пол. Как мы, дети, радовались! Сразу в доме стало уютнее и теплее.

Дом, в котором мы жили перед войной по Зеленому переулку № 21, рядом папа и мама.

Перед глазами стоит такая картина: раненько утром малышня один за другим бежит, чтобы справить нужду над тазиком (туалетов в частных домах тогда и в помине не было). А когда я возвращаюсь в постель, то вижу папу с накинутым талесом, раскачивающегося в молитве. А если он уже закончил молиться, то снимал с обнаженной руки длинный черный ремешок от тфилим, наматывал на коробочку и складывал в мешочек...

По профессии папа был строителем. Выполнял штукатурные и малярные работы. Но в холодное время года отделочных операций было мало и снижались заработки. Тогда с приходом морозов папа нанимался добывать лед из реки Свислочь.

Толстый слой льда разбивали на глыбы и тащили на берег. Потом его грузили на сани и везли на склад, где набивали ледники. Рабочие на этих операциях со льдом неплохо зарабатывали... Но это было опасное занятие, случалось, что рабочие в полыньях тонули.

Еще одно воспоминание из детства встает перед глазами: мы, малышня, в нашем садике прячемся в зарослях малины. И раньше обеспокоенной мамы нас каждый раз обнаруживала коза. Прежде всего она коварно подходила и просто писала на наши притаившиеся тела, а уж потом пронзительно бляла: Бэ-э...бэ-э...

Это была „волшебная" коза. Она совсем мало ела, но давала очень вкусное молоко...

После первого класса, помнится, во время летних каникул мама отвела меня на детскую площадку. Там дети играли, днем нас кормили обедом, который привозили в армейских термосах.

Чтоб нас баловали - не помню. Однако из того трудного детства вынес одно приятное воспоминание. Если кто-то заболел, мама брала деньги из тощего семейного бюджета и шла на непредвиденные траты - покупала очень сладкую халву и белую сдобную булку. Какая это была радость для всех, не только для больного! И каждый очень хотел заболеть...

Второе видение детства - мне уже семь лет и мама ведет меня в еврейскую школу в первый класс. Школа была на Интернациональной улице. До сих пор помню номер - тридцать. И даже запомнилась фамилия учительницы - Каплан. Когда стал постарше, узнал, почему ее не любили ученики. Звали ее Фаина. И уже тогда дети знали, что эсерка Фанни Каплан ранила дедушку Ленина...

Первых три года я ходил в еврейскую школу. Потом ее закрыли и меня перевели в четвертый класс школы №12, расположенной на улице Мясникова. Уже тогда, кроме учебы, я старался помочь маме. Не чурался физической работы. Ходил с пацанами на заработки: пилил и колол дрова, на лугу собирал сено. В летнее время на базаре разгружал арбузы, таскал ящики и мешки - и никогда не жаловался, что мне тяжело. Делал все, что подвернется под руки. Скажу больше: я был счастлив, что мог помочь семье.

Думаю, что родители воспитали меня в духе трудолюбия и человеческой справедливости. Мы жили дружно и все время друг другу помогали...

Но не только физическим трудом занимался я в свободное время. Как у любого школьника, у меня была тяга к знаниям. Во Дворце пионеров посещал разные кружки: рисования, шахмат, шашек. С ребя-

тами на улице играл в карты, лапту, „маялки“, „ножики“ и многое другое.

Конечно, во время оккупации никто из еврейских детей в школах не учился, об этом мы не смели и думать. Германские власти даже давали по этому поводу специальные указания.

Из приказа доктора Кайзера, комиссара Минского округа: „Евреям запрещается: ..АПосещение школ всех видов...“ В обращении генерал-комиссара В.Кубе к населению: „...Для жидов не устанавливается никакого обязательного обучения, жидовские школы нельзя организовывать“. (Из кн. „Трагедия евреев Белоруссии“, Мн. 1988)

Еврейские дети не только не могли учиться, но и просто спокойно жить. Нас преследовали повсюду: в домах, на рынке, в местах скопления людей на Юбилейной площади и тем более в русском районе: на железнодорожной станции, на вокзале, на рынках, где продавали и обменивали продукты на вещи, и в других местах.

И росло понимание: чтобы продолжать жить -нужно бороться! Как? Я этого еще толком не знал, но был полон решимости и отчаянной мальчишеской лихости: „Ничего не бояться!“

Глава вторая .

ВСЕ, ЧТО ЗНАЮ О РУБЕНЧИКАХ И УЗЛЯНАХ

У папы Исроэла и мамы Нахамы семья была многодетная: семеро детей. Работал только отец. Среди строителей он был известен как опытный маляр и штукатур. Жили мы в собственном доме, он находился в северо-западной части города в Зеленом переулке и числился под номером двадцать один.. Вся наша улица была еврейской.

Старшую сестру звали Ёха, потом я - Абрам, за мной - Элька, Гесл, Хая, Ярухам и самая младшая -Тайба. Пятеро братьев и сестер погибли в Минском гетто. Остались и выжили только двое: старшая сестра Ёха и я.

Много позже я узнал, что мой дедушка Гесл Рубенчик и его предки - все жили в Минске и занимались извозом. В том месте, которое называется теперь Яма (по улице Ратомской), добывали песок длястроек. Фактически это был карьер. Вот дедушка на лошади и развозил песок по объектам.

Помню, мой отец говорил:

- Твой дедушка много трудился. Из этой ямы развозил песок на стройки города. Однажды, очень уставший, он прилег отдохнуть на сырой песок, простудился, заболел воспалением легких и умер в возрасте пятьдесят четыре года.

Карьер был удобен, потому что он находился близко от центра города. Отсюда возили песок в раз-

ных направлениях, и здесь его можно было заготавливать в неограниченном количестве.

Постепенно яма углублялась и расширялась. Во время оккупации этот карьер немцы 2 марта 1942 года превратили в место погребения евреев. Об этом я расскажу в отдельной главе.

Я хочу перечислить всех наших родственников с папиной стороны - Рубенчиков. У папы было пять сестер и столько же братьев. Чтобы читатель их более зримо представил, я хочу назвать места, где кто жил и чем занимался. Конечно, не всех мне удалось запомнить, но то, что я знаю, расскажу.

Напротив нас стоял дом под номером двадцать, в котором жила большая семья папиной сестры Тайбы.

Там же, по правой стороне, в доме номер восемнадцать, жил папин брат Хаим, печник. У него была жена и двое детей. Все они погибли. В том же доме, кроме Рубенчиков, жила семья моей тети Юдес. По профессии она была поваром. Муж военнослужащий работал в ансамбле Белорусского военного округа. Юдес со своей маленькой дочкой погибла в гетто.

В том же доме жила еще одна папина сестра - Эшка. У нее был муж Лейбе Шифрин, скромный работяга, и имели они троих детей. Их тоже постигла такая же трагическая участь - все погибли в гетто.

Про четвертую папину сестру Геню Соловейчик хочу сказать несколько слов: муж у нее был партийным работником. В семье воспитывалось трое детей: две девочки - Роза и Майя, младший сын | Гесл. Вот она и муж, и сын Гесл - все погибли. Из троих детей у нее один ребенок каким-то чудом уцелел. Это Майя.

Она сейчас живет в США. Нельзя не вспомнить о героической жизни и страшной смерти Розы Соловейчик. Перед войной она закончила десятилетку.

Роза хорошо знала немецкий язык и, когда пришли немцы, стала переводчицей. Этим она воспользовалась и помогала евреям Минского гетто.

Она была отважной девушкой и много раз ходила к партизанам. О ее мужестве и подвигах никто еще не писал, и я делаю это впервые. Роза спасла много людей. По заданию минских подпольщиков она уводила евреев в лес. И делала это несколько раз.

Как-то моя мама ей сказала:

- Роза, почему ты снова пришла за людьми в гетто? Это ведь верная смерть.

- Пока я могу, тетя Нахама, чем-то помочь, я должна это делать.

На ее долю выпала страшная судьба. Беда все-таки ее настигла. Кто-то Розу предал, а, может быть, ее выследили. Схватили ее и отвезли в тюрьму, которая была на улице Володарского. Тогда мы поняли, что оттуда, из гестаповского застенка, она уже не выйдет. Над ней долго и изощренно издевались. Мне рассказал ее друг Гопл Дулец, что какой-то палач втолкнул ей в горло канализационную трубу и привязал ее к ней, чтобы отходы лились внутрь... Этим она и отравилась, умерла в страшных муках...

У папы еще была сестра Сима и двое братьев - Лева и Лазарь. Вот, что мне известно об этих трёх семьях.

Сима перед войной окончила Минскую зубоврачебную школу. Она не была замужем и в 1943 году ушла к партизанам. Брат Лева, строитель, с первых дней войны ушел на фронт, а его семья -

жена Рутенберг и дочь погибли в гетто.

В той же школе, где училась Сима, работал преподавателем папин брат Лазарь. Он тоже ушел на войну и дожил до Победы. Сейчас он живет в Иерусалиме. В моей судьбе Лазарь сыграл немалую роль. Благодаря его помощи я тоже получил профессию зубного врача...

Теперь о старшем брате папы Ароне Рубенчике, который жил по Кустарному переулку. Это он и его жена не хотели эвакуироваться и отговорили нас. Хотя кто его знает, успели ли бы мы вырваться из горящего города или нет? Минск немцы захватили уже на пятый

Так вот Арон, его жена Маша и их малолетние девочки Эстер и Маня - все погибли в гетто. Был у них еще взрослый сын Яша. Он учился на третьем курсе мединститута. Мы все гордились, что вот он из

Дядя Арон, его жена Маша и их сын Яша

рабочей семьи и сумел учиться на врача.

Его убили уже в лесу, в партизанском отряде. Придумали чудовищное обвинение, будто он по заданию немцев принес яд и должен был отравить командование.

Несусветная ложь! Он прятал отраву для себя, если вдруг попадет в лапы к немцам...

Из папиных братьев я еще не назвал Генаха. В его семье росло трое детей. Они жили на улице Даумана, потом переселились в гетто и тоже все погибли при погромах. А сам Генах Рубенчик ушел в лес к партизанам. Только в Израиле мне стала известна его трагическая судьба.

Вот, что написано в книге „Уничтожение евреев СССР“, выпущенной профессором М.Жидовецким:

„...В отряде имени Пархоменко, созданном в основном евреями Минского гетто, командир зачитал приказ, гласивший, что следует освободиться от партизан-евреев, находившихся в отряде вместе с женами. Этот командир собственноручно расстрелял одного из первых партизан, пришедших из гетто в отряд, Рубенчика Генаха...“

А мы все время думали, что дядя Генах просто сбежал из города. Оказывается, он хотел не только воевать, но, обосновавшись в отряде, вернуться в Минск и вывести всех Рубенчиков, кто в состоянии был уйти в леса...

В книге „Еще горит свеча“ (на иврите) Якова Гринштейна тоже есть эпизод расстрела Генаха:

„Рубенчик шел последним. Он отставал, потому что ноги у него были потерты и в мозолях, идти ему было очень трудно. Перед этим он только вернулся с задания. В лагерь привел стадо

коров, которое он со своей группой у немцев увел из-под носа. Рубенчик в нашем отряде был одним из первых партизан-евреев. Он два раза получил ранения в боях с немцами. Когда начался поток евреев в лес, он занимался приёмом бежавших из Минска в Старом Селе...

Командир захотел проверить, все ли здесь:

- Рассчитайсь!

И покатались номера от начала до конца.

- Одного не хватает! - послышалось в темноте. Командир первой группы отрапортовал:

- Рубенчик отстал. У него ранены ноги. Он нас догонит... Командир, как укушенный, вскочил на коня и поскакал по

дороге. Вдруг донеслась стрельба из автомата.

Вскоре в ночной тишине послышался приближающийся топот копыт. Командир остановил коня прямо перед нами.

- Яшка, Сёма и Гриша, вставайте! - приказал он злобным тоном.. - В двухстах пятидесяти метрах отсюда лежит расстрелянный. Идите туда, кидайте его в кусты!

- Вы стреляли в Рубенчика?!

- Я приказываю! - заорал он.

- Кто вам разрешил стрелять в Рубенчика? - закричал Борис, парторг.

- Я командир и отвечаю за отряд, а не вы!.."

Вот такая трагическая нелепость - Генах Рубенчик погиб от своих же.

Еще я должен кратко рассказать о наших родственниках с маминой стороны - Узлянах. Это ее девичья фамилия. Дедушку звали Авраам, но умер он до войны, а у бабушки было имя Ципэ. Жила она на улице Даумана. У нее было шестеро детей. Называю их по старшинству: Нахама, Гидали, Нотэ, Моше, Яйнкл, Фрейда.

23 июля сорок первого года, когда образовалось гетто, братья переселились с улицы Даумана на Заславский переулочек. Вместе с бабушкой Ципэ в дом к маминому брату Моше перебрался ребе Пейсах с

ребецун - они были бездетные...

В семье Узлянов старшей дочерью была моя мама Нахама. Перед войной ей исполнилось сорок лет. Вторым был дядя Гидали. Ему было тридцать восемь лет. По профессии - строитель. Первый раз он женился неудачно и детей у них не было, а со второй женой они родили двоих девочек.

Третьим по возрасту следует назвать тридцатилетнего дядю Нотэ. Его часто называли: шлимазл*. Был он работающий человек, но жил на Заславском переулочке очень бедно. Как только грянула война и объявили мобилизацию, он ушел на призывной пункт, даже не получив повестки. А жена его и двое маленьких детей погибли в Минском гетто во время второго погрома.

Следующий Узлян - Моше. Очень большой труженик. Кстати, именно в его новый просторный дом в Заславский переулочек переселилась наша семья с Зеленого переулочка. Думаю, что это и спасло жизнь мамы, папы, Ёхи и мою. Моше был женат на очень красивой еврейской женщине. Звали ее Нахама. Детей у них не было. На второй или третий день войны Моше вместе с братом Нотэ ушли в военкомат на призыв. Больше мы их не видели и ничего о дальнейшей судьбе не знаем.

О жене Моше нужно еще рассказать и такое. Яркая красота ее и сгубила. Она никого не боялась и часто ходила в сельскую местность обменивать вещи на продукты. Где-то она нарвалась на жандармский патруль. Они не только ее схватили, но эти изверги женщину изнасиловали и убили.

* Несчастный, неудачник (с идиш).

Хочу еще сказать вот о чем. Жены маминых братьев жили очень дружно. С самого начала войны все старались помочь старшей братовой - моей маме Нахаме. Этого требовала и бабушка Ципэ. Ведь у мамы было семеро детей...

Был у мамы еще младший брат - Янкл. Высокий такой мужчина, ему было лет тридцать. И вообще, все Узляны были рослыми мужчинами. Судьба у Янкла непростая. В тридцатые годы, когда на селе шло раскулачивание, его судили. Помог он какому-то зажиточному крестьянину продать фуру с зерном. За помощь кулаку ему дали полтора или два года.

В Витебске Янкл женился, родился у него сын. Перед войной, помню, Янкл появился в Минске у бабы Ципы. А потом, когда город захватили немцы, стал он обдумывать, как уйти в лес. Поддержал его в этой затее старший из братьев Гидали. Вдвоем они - старший и младший - несколько раз уходили на поиски партизан. Но без оружия евреев в партизанские отряды не принимали, и они каждый раз ни с чем возвращались в гетто.

Пытался попасть в партизанский отряд и их сосед Едидья. Через партизанского связного, которого звали Янкл дер Шейхет, они пробовали установить связь с каким-то отрядом, но из этой затее тоже ничего не вышло. И последнее, что мы слышали тогда, если память мне не изменяет, эти трое смельчаков-евреев снова ушли в лес, но нарвались на засаду карателей и погибли.

И младшая мамина сестра Фрейда. Печальна судьба ее детей: маленькая дочка была задушена в „малине“, а старшая погибла во время облавы. Саму же тетю Фрейду Гинда вывела в лес к партизанам.

Таковы мои краткие сведения о многочисленных родственниках - Рубенчиках и Узлянах. И я все время мечтаю, что если мою книгу прочтут многие, кто спасся из Минского гетто, то я узнаю еще более подробные сведения и сумею рассказать людям новые эпизоды из этой трагической жизни.

Глава третья. НАЧАЛО ВОЙНЫ

Трагедия евреев Минска началась буквально с первых часов неожиданного наступления гитлеровских полчищ. Почему это произошло? Я не знаю, как готовились к войне советское правительство и военное командование. Но для населения все оказалось неожиданным и страшным. Никто не предвидел такого быстрого развития событий.

„22 июня 1941 года многие минчане отправились на открытие Комсомольского озера, которое находилось в поселке Веселовка. Но услышав выступление Молотова по радио, вернулись назад. Вечером над городом появились немецкие самолеты и послышались первые выстрелы зениток...”

(Из кн. „Минское антифашистское подполье”, Мн. „Беларусь”, 1995)

Меня война тоже застала на открытии Комсомольского озера. В школе начались каникулы, но мы, дети, с утра работали на стройке - должны были ускорить торжественное открытие озера. Поэтому туда нас возили из школы, и все старались успеть, побыстрее закончить земляные работы. На тачках мы доставляли грунт, трамбовали его, убирали стройматериалы. Естественно, вначале все дети трудились с охотой, но когда усталость брала свое, вели себя беззаботно: шутили, смеялись, пели песни...

И вдруг перед торжеством открытия кто-то из

Мы даже сначала не поняли, что это такое. А когда вернулись домой, то по озабоченным лицам старших почувствовали, что случилось что-то непредвиденное и непоправимое...

Из-за неосведомленности среди населения стали распространяться всякие тревожные слухи. А тут еще немцы сбросили на парашютах десант за городом. Началась паника.

„Хроника событий: 24 июня. Минск подвергся массовой бомбардировке.. Штаб Западного фронта, правительство республики, руководство... переехали в г.Могилев. В ночь с 24 на 25 июня ЦК КПББ и правительство оставили Минск. Эвакуация населения и материальных ценностей не состоялась...”

(Из кн. „Минское антифашистское подполье”, Мн., „Беларусь”, 1995).

Беспрерывно происходили налеты авиации. На жилые кварталы падали зажигательные бомбы. В разных местах вспыхнули пожары.

В нашей семье росла тревога. Братья и сестры папы, а их жило в Минске восемь человек, собрались и стали решать: что делать? Многие говорили, что надо уходить из города, добыть где-то лошадь с повозкой, уложить на нее самое необходимое: продукты,

одежду - и быстрее спастись от огня и бомбежек.

Все ждали прихода старшего брата отца - Арона. Он пришёл с женой. Все звали ее „Маше ди Геле”. Она действительно была белокурая симпатичная женщина, считалась умницей, всезнающей. Стали спрашивать ее мнение.

Ведь в семьях уже запакованы все необходимые в дорогу вещи. Что делать?

Собравшиеся стали спорить между собой. Одни

взрослых сказал:

- Дети, война!

города, а другие не хотели трогаться и доказывали, то все обойдется.

- Мы - народ рабочий, чего нам бояться?- рассуждал кто-то.- Коммунистов среди нас нет...

Мне запомнилась фраза, сказанная на идиш тетей Машей:

- Бросить хлеб и идти искать объедки („скоринкес")? Нет, я на это не согласна!

Такие же дискуссии были и у соседей. Все волновались и спорили. Вокруг нас в основном жили еврейские семьи. Но о том, что немцы преследуют евреев, не знали. Мы остались в городе.

„26 июня. Германские танковые части достигли предместий г.Минска. 26-28 июня. Оборонительные бои частей Красной Армии в Минском укрепленном районе...29 июня. Н-ское подразделение 100-й дивизии (комдив генерал И.Н.Русианов) в районе Червенского рынка уничтожило группировку противника... Неизвестный красноармеец-пулеметчик вел бой с противником V моста через р.Свислочь..."

(Из кн.Минское антифашистское подполье", Мн. Беларусь", 1995)

Паника в городе нарастала. Помню, в сквер на Юбилейной площади стали свозить товары из Центрального ГУМа. Там дежурили милиционеры.

Глава четвертая.

МЫ ОСТАЕМСЯ В МИНСКЕ

В городе продолжало нарастать напряжение. Я видел растерянность и суматоху людей. Полагаю, причина была одна - повсюду наблюдалось безвластие, взрослые думали лишь о себе и своих близких.

Что такое война, я еще не понимал. По-мальчишески мне нравилась вседозволенность, возможность всюду бегать, как говорят, „совать свой нос" туда, где собирались люди, быть самим собой, принимать решения самостоятельно.

На базаре было пусто, магазины не работали. В мечети на улице Димитрова был продуктовый склад. 25 и 26 июня население стало растаскивать оттуда продукты. Я тоже стал запасаться: выкатил из мечети бочонок маргарина, притащил домой ящик с конфетами. Оказались мои любимые карамельки „подушечки". (Впоследствии эти продукты, когда не стало еды, очень пригодились нашей семье).

Вдруг я увидел недалеко от мечети первых немцев. Они въехали на улицу Димитрова в мотоцикле с коляской. У мечети остановились. Офицер соскочил с мотоцикла, выхватил из кобуры пистолет и выстрелил вверх. Он сделал это, потому что у мечети, превращенной в склад продуктов, собралась большая толпа.

От этого неожиданного выстрела в воздух многие мгновенно разбежались, а некоторые с пере-

пугу даже попадали на землю. Мотоциклисты - их было трое - вошли в мечеть. Помню их одежду и оружие. У них были серо-зеленые кителя, впереди на поясе парабеллумы, а на груди немецкие автоматы - „шмайсеры" (названия стали мне известны позже).

В мечети офицер крикнул:

- Вас ист да люс!?!*

За ним стояли двое автоматчиков. Один из них встал у выхода.

Перепуганные люди прижались к стенам. Никто немцам ничего не ответил. Через некоторое время немцы сели на мотоцикл и уехали.

А в мечети до ночи продолжалась вакханалия грабежа. Каждый хватал и тащил, что попадалось под руку. За ценные товары даже дрались. На те предметы, что прежде никто не обращал внимания, теперь спрос резко возрос. Так, например, случилось со стеариновыми свечами. Ценность их выросла из-за отсутствия электричества. На ящики со свечами набрасывались и с остервенением выхватывали их друг у друга.

Каждый раз я со своими „трофеями" возвращался домой как победитель. Я был горд, что в этих трудных условиях помогаю семье. А мама горестно качала головой: „До чего дошли люди, всё грабят..."

Сохранилась в памяти и такая необычная подробность: советские деньги - красные тридцатки сразу превратились в пустые бумажки. Первое время они валялись на тротуарах, а мальчишки их жгли на кострах. Впоследствии червонцы и рубли стали цениться, курс для расчетов был такой: один к десяти. 10 рублей соответствовали одной оккупационной марке.

* Что здесь случилось? (нем.)

Вскоре в Минске началась сортировка мужчин. Эсэсовцы кого-то хватали и отводили в тюрьму. Если попадались мужчины нужных профессий - печники, каменщики, маляры, плотники - записывали адрес и отпускали. Расчет был простой - когда понадобятся, их вызовут на работу... Оказывается, на этот счет были специальные указания полевой комендатуры всем бургомистрам.

Особенно усердствовали появившиеся в городе эсэсовцы. Они рыскали по улицам, иной раз в сопровождении переводчиков, узнавали, где живут евреи, заходили в квартиры, искали драгоценности:

- Голд! Голд!

Это было распоряжение оккупационных властей - повсеместно конфисковать ценное еврейское имущество и в первую очередь золотые вещи: серьги, кольца, броши... На втором месте серебро: рюмки, ложки, вилки, подсвечники... На третьем - часы...

Я тогда еще не понимал, почему немцы в основном стремятся попасть в дома евреев. Позже до меня дошло: это политика немецкого правительства и лично Гитлера, которые во всех бедах винили евреев.

Немецкий исследователь Ханес Хеер в статье „Вермахт и Холокост" пишет:

„Охота на евреев и их уничтожение осуществлялись не случайно и не стихийно. Они осуществлялись по четко разработанной и утвержденной системе..."

Бросается в глаза жестокость... Желание убивать, садизм, жестокость и сексуальная извращенность - они не могли возникнуть по приказу. Эти качества были свойственны значительной части военнослужащих. Но повод для того, чтобы эти инстинкты вышли наружу, давали приказы командиров..." (Из книги „Трагедия евреев Белоруссии". Мн.1988).

„Беларусь“, 1995).

Глава пятая.

КОНЦЛАГЕРЬ В ДРОЗДАХ

Дрозды - это пригород Минска, находится на северо-западной окраине. Для читателей неминчан скажу: в этом направлении идет железная дорога на Вильнюс и первый полустанок в черте города - Масюковщина. Там же параллельно пролегает автомобильное шоссе на Заславль и Молодечно.

Вот в Дроздах, где недалеко протекает Свислочь и разлилось созданное перед самой войной на речке Комсомольское водохранилище, немцы создали временный концлагерь. Потом он был превращен в печально знаменитый „Шталаг-352“.

Из оперативной сводки в полиции безопасности и СД от 12 июля 1941 года в Берлин:

„... Центр города в результате воздушных налетов и пожаров полностью уничтожен. Уцелели только часть зданий Университета, Дома Красной армии, Оперный театр и Дом правительства. В здании Дома правительства обнаружены почти все дела, которые касаются государственного управления БССР... Впоследствии были обнаружены все мобилизационные планы. Менее разрушенными оказались предместья города, где в основном расположены промышленные предприятия. Город остался без света и воды. Руководящие политические и государственные работники сбежали. Настроение населения очень удручающее, потому что многие остались без крыши, а положение с продовольствием все время ухудшается. По распоряжению коменданта полевой комендатуры для обеспечения тыловых коммуникаций и предупреждения актов саботажа все мужское население в возрасте от 18 до 45 лет арестовано. Гражданские пленные в настоящее время проверяются...“

(Из кн. „Минское антифашистское подполье“. Мн.,

Эти люди оказались в Дроздах

Вспоминаю, как в те июльские дни на громадную площадку в Дроздах у самой реки согнали большую группу военнопленных, наверное, тысяч десять или пятнадцать. Все должны были сидеть прямо на земле, территорию огородили веревками. По углам поставили пулеметы. Вставать не разрешалось. Туда же отвезли всех арестованных евреев. Возраст от восемнадцати до сорока пяти. Еду приносить минчанам позволили. Этим многие мужчины воспользовались: вместе с едой получали сверток с женской одеждой, ночью переодевались и утром уходили...

Рядом с лагерем протекала Свислочь. Так возле нее немцы стали бросать военнопленным солёную рыбу - воблу. Конечно, ее хватали, по нескольку человек набрасывались, вырывали друг у друга и жадно ели. На жаре людей стала мучить жажда. Но пить не разрешали. Вдоль берега установили пулеметы. Кто с земли поднимался выше колен, расстреливали.

Из сводки № 32 от 24.07.41:

„...В Минске ликвидированы все слои еврейской интеллигенции (учителя, профессора, адвокаты и т.п., кроме медработников),...отобранные из лагеря в Дроздах.“

Из сводки № 50 от 1.08.41:

„Основная тяжесть карательных акций на первых порах была направлена против евреев и еврейской интеллигенции. Белорусы расстреливались только в тех случаях, когда безусловно было доказано, что они являются большевистскими активистами или партфункционерами...“

(Из кн. „Трагедия евреев Белоруссии“ Мн. 1988).

Все эти события я, четырнадцатилетний мальчишка, остро переживал. Почему-то страха перед немцами у меня не было. Отчаянный был, шнырял везде, успевал за день побывать во многих местах и многое увидеть. Потом, когда кончились продуктовые запасы, это состояние - отсутствие боязни - помогло мне иногда добывать для всей семьи пропитание.

Многие подробности о жутких условиях, преднамеренно созданных немцами в Дроздах, приводятся в „Черной книге“. Это издание было задумано Ильей Оренбургом в 1943 году, когда еще шла война, но советские войска уже стали освобождать оккупированные территории, и он, как фронтовой корреспондент, столкнулся с чудовищными преступлениями гитлеровцев.

(Надо сказать, что история публикации „Черной книги“ и особенно подготовка для нее материалов сами по себе представляют несомненный интерес. В сборе свидетельств очевидцев и в написании отдельных глав активное участие принимала большая группа еврейских и русских писателей: В.Гроссман, М.Алигер, Вс.Иванов, В.Лидин, Р.Фраерман, В.Инбер, В.Шкловский, А.Слуцкевер и другие.- *Прим. редактора*).

В „Черной книге“ есть специальная глава об истории создания Минского гетто и лагеря в Дроздах.. В ней помещен рассказ человека, который оказался в в этом концлагере. День за днем описал он голодное существование, издевательства и расстрелы в Дроздах. Имя его - Гречаник. „В первый день десятки тысяч людей оставили ночевать в чистом поле. Было холодно, но все плотно улеглись и так согревали друг друга. На второй день у всех была жажда, и каждый подходил к охране и просил попить воды. В ответ

немцы стреляли в людей.

Вот цитата из этого рассказа:

„Третий день. Все голодные. В 12 часов стало тепло. Вдруг появился переводчик с офицером и объявляет, что до 4 часов дня будут пускать в лагерь родных с продовольственной передачей. Издалека видны женщины с корзинками, дети с бутылками воды, но их в лагерь не сразу пустили. Всех задержали и проверили, что они несут. Стало шумно. Каждый старается пройти к женщинам и детям. Народ стал немного веселей. Кому принесли кушать, ел с аппетитом, а кому не принесли, с теми делились. На поле стало еще больше шума, просят детей, чтобы принесли воды. Дети приносят, и народ пьет с наслаждением. Но тут слышим крики плачущих женщин. Народ спрашивает - что вы плачете? Тут же услышали ответ: наших мужей и детей уже нет, их убили...“

Такую картину безжалостного отношения охраны к пленным - гражданским и военным - наблюдал в течение многих дней. Я могу только подтвердить: да, так было!

Каждый день в Дрозды устремлялись тысячи минчан в надежде найти своих родных. Но охрана не всегда пускала встречаться. А в жаркие дни жажда по-прежнему мучила людей в лагере. Вероятно, комендант уже разрешил пускать военнопленных к реке, но на берегу стояла охрана и следила, чтобы люди не толпились.

У пленных красноармейцев не было посуды, во что набирать воду. Тогда в ход пошли пилотки и фуражки. Некоторые снимали сапоги и, не брезгуя, выпивали всю почерпнутую воду, а потом остатки выливали на себя, чтобы как-то освежить лицо и голову.

О военнопленных хочу еще рассказать запомнившиеся эпизоды, в самом начале оккупации они

стучались в дома и просили гражданскую одежду. Если в доме ничего подходящего не находили, то хватали, что давали. Простая одежда помогала многим не попасть в концлагерь и уходить из города, потому что первое время строгой охраны не было.

Говоря о лагерях для военнопленных в Минске, необходимо упомянуть последнюю публикацию Белорусского музея Отечественной войны. Изданная музеем брошюра „Трагедия войны. Фронт и плен“ проливает свет на историю создания и преступных действий гитлеровских властей в минских лагерях.

Наибольший интерес, представляет выступление на этой конференции Раисы Черноглазовой. Как осведомленный исследователь, она привела потрясающие факты и цифры об обстановке в „Шталаге-352“, созданном в Минске:

„Структурно „Шталаг-352“ состоял из двух частей -Лесного лагеря около деревни Масюковщина и городского, расположенного в Минске в Пушкинских казармах, где до войны располагалась артиллерийская часть. К концу августа 1941 года большая часть пленных из городского лагеря была переведена в Лесной...

Вся территория Лесного лагеря была разгорожена колючей проволокой на отсеки - офицерский, украинский, русский, еврейский, для представителей Закавказья. Колючей проволокой были огорожены и бараки. Проходы и проезды внутри лагеря назывались улицами и каждая из них имела название: Главная, Комендантская, Лазаретная, Соломенная, Деревянная, Проволочная и т.д. Эти названия определялись мастерскими, которые располагались в бараках. Улицу, ведущую к месту расстрела, называли улицей Стрелков, на кладбище - Новый путь...

На этой конференции были обнародованы цифры жертв среди военнопленных в Минском

„Шталаге-352“. Только с ноября сорок первого года по апрель сорок второго в этом концлагере от голода, холода, жестокого обращения охраны, антисанитарии и страшной скученности погибло 55 тысяч человек. И еще 10 тысяч в это же время скончались в городском лагере. Трупы умерших не успевали вывозить и хоронить...

Все это относится к концлагерю в Дроздах.

В связи с этим хочу привести довольно известный среди бывших минчан, особенно узников гетто, факт визита в столицу Белоруссии самого рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера. Его в этой поездке сопровождал небезызвестный палач Адольф Эйхман.

Зачем же они пожаловали в Минск? Столицу Белоруссии они выбрали в качестве „научного центра“ по отработке методов быстрого уничтожения людей. Для этого была разработана специальная технология удушения евреев в герметических кузовах („душегубках“) отработанными выхлопными газами, а затем и особым газом „циклон-Б“. Гиммлер решил собственными глазами увидеть, готовы ли его подчиненные из эсэсовских формирований организовать прием и уничтожение немецких евреев. Этот план выдвинул и настаивал быстрее его осуществить сам фюрер Адольф Гитлер.

Погибло очень много евреев. Но рабочая сила нужна была для обслуживания предприятий,, для бесперебойного снабжения фронта. Поэтому окончательное решение „еврейского вопроса“ все время откладывалось.

Глава шестая.

КРОВАВЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК

Еще до образования гетто в нашем районе начались грабежи и убийства. По этой причине отец, долго не раздумывая, разбил комнатные перегородки в доме и использовал крепкие доски в качестве щитов, то есть сделал внутренние ставни на окна. То же самое он предложил сделать сестре Тайбе, жившей напротив. Но она почему-то заупрямилась и сказала:

- Гот от мих гегит биз гайнтикн тог, вет эр мих гитн вайтер...*

Однажды ночью мы услышали удар и звон разбитого стекла. Потом удары по окнам и в двери. Все замерли от страха. С улицы доносилась немецкая ругань:

- Ах, фарфлюхте юден!..Швайнерай!..**

Нас спасли крепкие внутренние ставни. Мы бегом бросились в убежище - „малину“*** (так все в гетто называли вырытые погреба и ямы, где люди укрывались при любых опасностях).

Притаившись в укрытии, мы больше не слышали немецкой речи и поняли, что фашисты ушли. Правда, смутные, неясные звуки доносились до нас и стрельба. Через некоторое время все стихло.

* - Бог меня хранил до сегодняшнего дня, будет хранить и дальше (идиш)

** - Ах, паршивые евреи! Свинство! (нем.) *** „Малина“ происходит от ивритского слова „мелуна“, которое обозначает „пристанище“ или „конуру“.

противоположной стороны улицы.

Стук в дверь раздался под утро. Плачущий детский голос на идиш умоляюще просил:

- Лозт мих арайн! Лозт мих арайн! Ба ундз гот мен алемен гегаргет!*

И рыдания заглушили эти слова. Папа вышел из „малины“ в прихожую, приблизился к окну и тихо спросил:

- Вер из дос? **

- Их, Гинде... Папа Исроэл без звука сдвинул запоры и отворил двери:

- Гинделе, тохтер майне, вое цах гетрофен?***

: Услышав Гиндин голос, все выбрались из укрытия, где ночью скрывались, и стали слушать сбивчивый рассказ нашей двоюродной сестренки. Сразу вспомнились удары и звон стекла накануне.

Мы все побежали в дом через дорогу. На противоположной стороне улицы в доме номер двадцать жила большая семья старшей папиной сестры Тайбы. Фамилия у нее была по мужу - Нахамчик. А муж, Эли, славился по всему Минску как хороший печник. Выучился он этому мастерству еще до войны у Слепака... (Гершн Слепак погиб в первые дни войны вместе с семьей тети Тайбы).

У меня не поворачивается язык рассказывать о том, что мы увидели в доме напротив - тринадцать окровавленных тел были расprostерты повсюду: на полу, на кроватях, на диване, на кухне. Тетя Тайба

* - Впустите меня! Впустите меня! У нас всех убили!(с идиш).

** - Кто это? (с идиш).

*** - Гинделе, доченька, что случилось? (с идиш).

лежала в комнате на полу, в кровати рядом с ней - маленький сын дочери Хаи, первый внук в семье. А сама Хая, старшая дочь - в разорванном платье с растерзанной грудью. Вокруг этой кровавой раны - следы вонзившихся когтей. Казалось, что такую рану может оставить только дикий зверь...

Нет, я не могу продолжать описывать эту страшную картину и дам слово нашей Гинде:

- Ой, та ночь и все, что произошло в нашем доме, стоит все время у меня перед глазами кровавым туманом...

Во время рассказа она с трудом сдерживает себя, начинает плакать, потом успокаивается, но на ресницах появляются крупные слезы, они текут по лицу, и она молча смахивает их со щек и продолжает говорить:

- ...Они ворвались к нам, наверно, после двенадцати. Все дети уже спали. В доме у нас в то время жило двадцать два человека... Кроме нашей семьи, еще были и другие евреи. Взломать двери эсэсовцы не смогли. Тогда они разбили окно и проникли через веранду. Их было четверо. Точно эсэсовцы, потому что на рукавах у них были красные повязки со свастикой... Автоматов у них не было, а только пистолеты с длинным стволом - парабеллумы. Старший, вероятно, офицер по-немецки выкрикнул:

- Есть золото? Сдавайте!

Отец сказал, что золота у нас нет. Откуда у рабочего человека с большой семьей может быть золото? Вдруг офицер-эсэсовец сказал троим сопровождавшим что-то по-немецки. Они молча повиновались и встали на выходах. А сам офицер схватил старшую сестру Хаю и стал тащить ее в отдельную

комнату. Она кричала и сопротивлялась. Этот изверг ее изнасиловал. Потом он ее застрелил и выскочил из комнаты разъяренный. Второй немец зашел и схватил сестренку Динку. Она вырвалась от него, защищаясь, начала бросать посуду, которая была на комод. Немец рассвирепел и стал стрелять. Первый офицер убил маму, которая пыталась закрыть своим телом Мину и Софу. Он ранил в живот братика Гесла, лежавшего на печке. Потом несколько раз выстрелил в папу, папа упал и меня подмял под себя и этим спас мне жизнь. Я вся была в крови и притворилась, что убита... Сколько времени это убийство продолжалось, я не знаю. Помню только, что эсэсовцам офицер сказал что-то по-немецки, и они все ушли. Я еще не понимала, что мои родные мертвые. Мне казалось, что они спят и стала каждого будить, трясти, чтобы привести их в сознание. Очнулся только Гесл на печке. Он стонал и просил пить. Я помогла ему спуститься и дотащила до кровати...

- Гинда, постарайся всех вспомнить, кто ночевал в ту страшную ночь в вашем доме, - прошу я ее.- Я очень хочу, чтобы ты всех перечислила по именам, никого не забыла.

Несколько минут Гинда сидит молча, приходя в себя. Она вытирает мокрое от слез лицо и кивает головой:

- Да, я, конечно, помню всех. Мама Тайба, папа Эли, мои сестрички Мина, Софа, Динка, Эстер, братик Гесл и...и еще маленький сынок Хаи, ему было полтора года. Кроме нашей семьи, у нас еще поселился Гершн Слепак с сыном и папин брат Мейсл с женой и четырьмя детьми...

Это было самое кровавое убийство, которое

мне пришлось увидеть во время войны. Ничего подобного до этого и после этого я никогда не видел. Иной раз мне кажется, что такое не могли совершить нормальные люди. В Минске это был разгар облав, арестов, допросов и убийств.

„Хроника событий. 29 августа. Минское СД провело карательные акции, в результате которых за саботаж, грабежи и коммунистическую пропаганду были расстреляны сотни людей...

1 сентября. Прибытие в Минск и вступление в должность генерального комиссара генерального округа „Беларусь“ Вильгельма Кубе... Введение в Минске карточной системы на продовольствие“. ЗД*

(Из кн. „Минское антифашистское подполье“. Мн., „Беларусь“, 1995)

Еще несколько дней тому назад в городе верили, что все нормализуется. Ведь были среди минчан такие, кто пострадал от советской власти и поэтому лояльно относился к приходу немцев.

И вдруг такое зверское убийство многодетной семьи Нахамчик. Оно всколыхнуло все население окружающих улиц: и русских, и белорусов, конечно, и евреев. Друзья и родственники семьи тети Тайбы не верили в случившееся. Люди непрерывным потоком шли в дом номер двадцать по Зеленому переулку, чтобы взглянуть на кровавое преступление эсэсовцев. Люди просто не верили, пока сами не убедились.

На следующий день погибших похоронили на еврейском кладбище. Туда тоже пришли все родственники и знакомые семьи Нахамчик и живших у них Слепаков и папиного брата Мейсла с женой и четырьмя детьми.

Когда я стоял в оцепнении в лужах крови в

доме у тети Тайбы, мысль у меня была одна: отомстить. И росло понимание: чтобы продолжать жить - нужно бороться! Как? Я этого еще толком не знал, но был полон решимости и отчаянной мальчишеской лихости: „Ничего не бояться!“

Приказ об образовании гетто в Минске (на белорусском языке). Внизу - немецкий штамп.

Глава седьмая

КАК СОЗДАВАЛОСЬ ГЕТТО

Еврейское гетто было создано не сразу после того, как немцы вошли в город. Захватчики еще присматривались, военные власти изучали обстановку. Создали городскую управу, местную полицию, биржу труда, чтобы наладить хоть какую-то жизнь в Минске. Армейская комендатура и жандармерия занимались военнопленными, а новым гражданским властям поручили наладить работу городских коммунальных служб.

„Начало июля. Приказ германских оккупационных властей о регистрации населения города в возрасте 18-45 лет. ...Создание Минской городской управы... Создание еврейского совета (юденрат)...Распоряжение полевого коменданта о сдаче оружия и радиоприемников...”

(Хроника событий. Из кн. „Минское антифашистское подполье”. Мн., „Беларусь”, 1995).

Я уже упоминал статью немецкого исследователя Ханеса Хеера „Вермахт и Холокост”. Вот что он в ней пишет о Минске:

„Евреи считались второй по значимости - после партизан - вражеской группировкой. Их „изоляция” относилась к рядовым задачам оккупационных войск. Что под этим понималось, можно заключить по первым распоряжениям верховного командующего войск тыла группы армий „Центр”. Разработанные командованием с бюрократической доскональностью до начала кампании, они появились в Белоруссии после паде-

ния столицы Минска 7 и 13 июля. В них предписывалась всеобщая регистрация евреев, их маркировка желтой звездой или „нашивка”, евреям запрещалось приветствовать немцев, они переселялись в специальные жилые районы, там создавались „юденраты” - еврейские советы. Многократные контрибуции и немедленное введение принудительного труда... Таким образом, жизнь сотен тысяч евреев с появлением немецких войск сразу драматически изменилась”.

Вначале на видных местах появились грозные предупреждения военного коменданта о репрессиях за совершение актов саботажа. Потом приказ об образовании гетто (полный текст см. на стр.45) - 12 пунктов в этом категорическом приказе и все о том, как сделать нашу жизнь невыносимой. Жителям города - евреям надлежало переселиться на опреде-

Рейхсфюрер СС Гиммлер в Минске. Его сопровождают генералы и Адольф Эйхман.

ленные улицы. Пункт четвертый указал границы ГЕТТО: „Колхозный переулок с примыкающей Колхозной улицей, дальше вдоль реки с примыканием Немигской улицы, исключая православную церковь, с примыканием до Республиканской улицы, с примыканием Шорной ул., Коллекторной, Мебельного переулка, Перекопской ул., Низовой ул., Еврейского кладбища, Абутковой улицы, Второго Опанского переулка, Заславской ул. вплоть до Колхозного переулка“

Круг замкнулся. Был даже установлен срок сборов и переселения - пять дней. Причем, сказано было так: кто нарушит этот срок, тому грозит расстрел. Наш дом по Зеленому переулку тоже оказался на территории создаваемого гетто.

Все улицы, которые вошли в гетто и были обнесены проволочным ограждением, я хорошо помню до сих пор, хотя прошло уже более шестидесяти лет. Работая над текстом книги, я сделал собственноручную карту-схему улиц гетто и предлагаю читателям, которые помнят довоенный Минск, познакомиться с нею на последних страницах книги.

Из новых архивных документов мне стало известно, что объявление о создании еврейского гетто в Минске содержала приказ немецкого коменданта 812-й полевой комендатуры от 19 июля 1941 г. На немецком, русском, белорусском языках она была расклеена на многих видных местах. В других объявлениях, а они появлялись каждый день, сообщалось, что за укрывательство евреев будет применена самая жестокая кара - расстрел.

После этих событий в нашем районе началось настоящее столпотворение. Со всего города евреи стали перебираться на отведенные им улицы, центром которых являлась Юбилейная площадь. Трамваи,

конечно, не ходили, поэтому взрослые с детьми ехали кто как мог, вещи везли на колясках, на тачках. Некоторые состоятельные семьи даже нанимали носильщиков, а те, воспользовавшись суматохой, при переходе в район гетто, иногда скрывались вместе с вещами. Невозможно описать тот гвалт, шум и плач, которые сопровождали переселение.

Хорошо зная нашу и близлежащие улицы, я помогал людям искать квартиры. Тогда же помог и своей родной бабушке Ципе, которая жила на улице Даумана. Общими усилиями мы ее вещи и кровать перетаскивали к нам.

Центральной магистралью в гетто была улица Республиканская с продолжением на Опанского. Главные входные ворота находились на углу Республиканской и Шпалерной улиц, а выход - недалеко от трамвайного разворота. Ворота устроили на углу Опанского, Обутковой и 2-го Опанского переулка. По длине эта магистраль - примерно километра полтора. И весь такой довольно большой городской район был застроен преимущественно деревянными домами.

Все улицы, вошедшие в территорию гетто, были обнесены проволочным ограждением. Установили двухметровые столбы и между ними сверху донизу через каждые двадцать сантиметров натянули колючую проволоку...

Конечно, нам, шустрым пацанам, ничего не стоило это ограждение преодолевать. Мы уходили в город в любом месте и в любое время. Мы ещё не понимали, что это сопряжено с большим риском, что нужно было быть очень осмотрительным. Не дай Бог, если попадешься в такой момент на глаза жандармам или самому коменданту - без слов заст-

релят. Особенно такое наблюдалось в начале оккупации, когда в городе еще не привыкли выполнять приказы германского командования.

Как жили люди в гетто? Трудно. В страхе, в заботах о пропитании, в нужде и холоде.

Вспоминая это время, я хочу рассказать одну историю, связанную с судьбой жителей соседнего с нами дома. Рядом находился дом, состоящий из двух половин. На одной жили евреи, а на другой - татары. Хозяевами татарской половины были Соня и ее брат Шура Александрович. До войны он был большим начальником в строительной отрасли. Я так сужу по тому, что его возили на работу на легковой машине. Когда началась война, Александровича мобилизовали в Красную Армию. Осталась жена с детьми.

Она была еврейкой, звали ее Ривка. Очень красивая женщина.

И вот с образованием гетто Ривка с двумя дочурками должна была с Советской улицы переселиться на территорию гетто. Она и решила поменяться с Соней, чтобы жить среди евреев, а дочек оставить у тети на улице Советской. Конечно, она понимала, какому риску подвергает девочек и написала сестре Шуры Александровича такую записку:

„Сонечка, дорогая! Забери своих племянниц к себе. Они очень похожи на татарок - немного узкоглазые. Вернется Шура, он тебя отблагодарит... А со мной пусть уже будет, что Богу угодно”.

На клочке бумаги Соня ответила жене брата:

„Дорогая Ривка! Гром пройдет мимо тебя и твоих детей...”

Заплаканная Ривка с этим клочком бумаги прибежала к моей маме Нахаме. Со слезами и обидой

показала то, что написала Соня. Она вспомнила, как много Шура помогал своей сестре, даже выручил ее мужа из тюрьмы, когда тот проворовался. А теперь она не хочет спасти Шуриных детей - они ведь совсем на евреек не похожи. Девочки вылитые папины дочки.

Вернулся Шура после войны в Минск, а семьи нет. Погибла в гетто. Убитый горем, он был страшно возмущен поведением Сони. Как она могла сделать такое? Не попытаться спасти его любимую Ривку, его детей? А ведь могла это сделать, но не захотела. Может быть, опасалась за себя? Всю оставшуюся жизнь Шура Александрович не разговаривал с родной сестрой, не мог простить ей такое предательство.

Любопытно, что из всех родственников Ривки случайно осталась в живых ее младшая родная сестра. Впоследствии она стала женой Шуры.

Такова история и судьба людей одного лишь дома в Минском гетто. А ведь что-то подобное можно рассказать буквально о каждом доме, расположенном на улицах, вошедших в печальный список еврейского района города.

Я не видел проявлений антисемитизма в Минске. В германских документах я обнаружил признание - нацисты в своих донесениях в Берлин] вынуждены были с сожалением сообщать о жизни в столице Белоруссии:

„Фактов ярко выраженного антисемитизма в городе не наблюдается...(Сводка №43 от августа 1941 г.)

(Из кн. „Трагедия евреев Белоруссии”, Мн., 1988).

Глава восьмая.

ЮДЕНРАТ

С образованием гетто в нашем жилом районе вскоре начало действовать так называемое самоуправление - юденрат. В приказе военного коменданта это учреждение называлось „Жыдоуская Рада“. Расположили „раду“ в двухэтажном здании на углу улиц Крымской и Ратомской, напротив Юбилейного базара, где до войны находилось 4-е отделение милиции.

Здание, в котором располагался юденрат

И, как предписывали строгие циркуляры и приказы из Берлина, сразу начались денежные и вещевые поборы.

Распоряжение бургомистрам волостей о выполнении приказа комиссара Минского округа:

„Довожу до вашего сведения приказ доктора Кайзера, комиссара Минского округа:

Жидовские рады должны сдать следующий налог:

1. Деньги данного государства и зарубежных стран.
2. Ценные бумаги, акции, долговые обязательства и др.
3. Ценные вещи и ценности...“

Конечно, мы тогда не знали, что комендант требовал от юденрата не только безоговорочного подчинения, но и сбора золота, возложил на население большой денежный налог. Оказывается, согласно приказу в течение 12 часов требовалось собрать и внести в кассу управы 300.000 червонцев контрибуции. И еще одно срочное поручение: сообщить управе о всех домах, брошенных евреями и еще не занятых арийским („нежидовским“) населением. В этом же приказе коменданта еврейское полицейское формирование называлось „дружиной порядка“, а на юденрат была возложена вся ответственность за быстрое переселение в гетто евреев со всего города.

Внешне юденрат был похож на обычный райсовет. Кабинеты, служащие ходят с бумагами, в коридорах топят печи. Посетители, конечно, с хмурыми, озабоченными лицами.

Руководили юденратом, насколько я запомнил их фамилии, Илья Мушкин, Беркович и еще Эли Палеес. Назначение Мушкина произошло следующим образом. В Дроздах он находился среди арестованных евреев. Во время очередной проверки немецкий офицер спросил:

- Кто знает немецкий язык? Поднимите руку.

Мушкин, еврей невысокого роста, с курчавыми

седыми волосами вокруг лысины, поднял руку и его сразу повели в комендатуру, а потом уже представили, как председателя юденрата.

Много позже я прочитал в книге Гирша Смоляра о роли Ильи Мушкина. Он оказался настоящим патриотом:

„...К организованной группе в юденрате принадлежал Илья Мушкин - председатель юденрата, который к тому времени оказывал уже значительную помощь как отдельным партизанским отрядам, так и тем группам, которые уходили к партизанам. Из предосторожности договорились, что встречаться с ним будем лишь в экстренных случаях через наших связных...

К этой же группе принадлежали заведующий хозяйственного отдела юденрата Гирш Рудицер, руководитель охраны порядка гетто - Зяма Серебрянский, начальник второго участка охраны порядка (на Республиканской улице) - М.Тульский, заведующий жилищным отделом - режиссер Дольский и заведующий мастерскими - Гольдин..."

(Из кн. Г. Смоляра „Мстители гетто", Москва, 1946 г.)

Еще такая особенность Минского гетто. При самом юденрате служили полицаи-евреи. Конечно, они были без оружия и совершенно бесправными. Ходили вместе с жандармами. Но нам, узникам гетто, они иной раз оказывали неоценимую услугу. Частенько на идиш предупреждали:

- Гейт нит...Анклейфт... Цит оп фун данен!*

Когда опасность миновала, еврейские парни, служившие в полиции, снова сообщали:

- Идн, гейт аруйс. Дер погром шен геэндикт.** Из книги Гирша Смоляра я узнал, что в юденрате существовала не только организованная группа подпольщиков. Туда засылались провокаторы и негла

- Не ходите... Убегайте.. Срывайтесь отсюда! (идиш). - Евреи, выходите. Погром уже закончился, (идиш).

сные агенты. Это усилило негласный надзор за всеми сотрудниками и всеильное в городе гестапо.

О действиях работников юденрата можно еще много рассказать. Там были не только группы патриотов, которые действовали в гетто и городе, добывали оружие, боеприпасы, вооружались и уходили в лес. Были разного рода приспособленцы, наживавшиеся на горе своих братьев. Говорили, что с помощью Зямы Серебрянского - начальника еврейской полиции в еврейской бирже был разоблачен взяточник Ришелевский. Немало горя причинил он евреям, работавшим в рабочих колоннах, готовых на все, лишь бы получить хорошее место в мастерских или на складе, где сортируют одежду или расфасовывают продукты. За такими рабочими из города немцы приезжали на специальных машинах .

Сама биржа труда разместилась в деревянном доме на углу Ратомской и Танковой, напротив сквера. Вход был с торца. Это рядом с пекарней и недалеко от юденрата. Там всегда толпились люди, потому что в

Колонна рабочих-евреев в минском гетто

биржу приходили разные заказчики, работодатели из города, которым очень нужна была рабочая сила.

Помню огромные тысячные колонны евреев, отправлявшихся расчищать снег на железную дорогу. Туда стремились попасть и стар и млад. Лишь бы выйти из гетто, так как за эту работу давали пайку хлеба или какую-нибудь похлёбку... А собирали евреев и строили в колонны сотрудники биржи.

Думаю, что и там были патриоты, стремившиеся помочь людям как-то устроиться в той голодной и беспросветной жизни. Уже тогда над юденра-том и биржей труда нависла смертельная опасность. Гитлеровские ищейки поняли, что вместе с фахар-байтерами (специалисты) в город проникают неугодные люди, те, кто борются с оккупационным режимом. Деятельностью патриотов вплотную занялось гестапо. Сыщики гестапо стали проверять всех даже на месте работы, сверять количество выезжающих с их наличием там, где они трудятся.

Как пишет Г. Смоляр, служба безопасности и СД даже создали специальный оперативный отдел при еврейской полиции, который следил за неблагонадежными. Возглавил его варшавский уголовник Розенблат, в свою банду он привлек еще двух продажных агентов - Эпштейна и Вайнштейна. Но все же патриоты продолжали бороться, искали пути, как добывать оружие, медикаменты, собирали в гетто группы евреев, готовых уйти в лес к партизанам.

Конечно, мне не была известна патриотическая деятельность взрослых. Но среди людей распространялись слухи о том, что в гетто есть связь с партизанами.

Потом пошли слухи, что первые группы боевых

ребят уже ушли в леса. Из книги Гирша Смоляра „Мстители гетто“ все знают имена первых смельчаков. Это Михель Гебелев, Наум Фельдман, Зяма Окунь. Весной сорок второго года двадцать человек во главе с Исроэлом Лapidусом благополучно добрались до леса под Слуцком. Там Лapidуса выбрали командиром отряда, который вскоре вырос до пятидесяти человек. Это был первый партизанский отряд, костяк которого состоял из бойцов Минского гетто.

С группой в двадцать пять человек ушел из гетто и Наум Фельдман. По предложению Гирша Смоляра они направились в Старосельский лес, где с начала войны осталось много оружия. Пополнив свое боевое снаряжение, они скрылись в лесу, куда каратели боялись сунуть свой нос. Старое Село с его патриотически настроенным населением в тот период тоже сыграло важную роль. Туда из гетто с помощью связанных переправлялись многие подпольщики, над которыми возникла угроза разоблачения.

Глава девятая.

ПОДВИГ МАШИ И СОНИ

В Минске в октябре сорок первого одновременно в четырех местах: в сквере у Дома офицеров, на перекрестке улиц Комсомольской и К.Маркса, возле рынка на Камаровке и у дрожжевого завода „Красная заря“ немцы устроили публичную казнь - повесили 12 патриотов, которые спасали раненых военнопленных и помогали им уйти из города в лес, чтобы с оружием в руках оказать оккупантам сопротивление. Тогда-то и у меня впервые мелькнула шальная мысль: „Надо добывать оружие, искать связи с партизанами. Наверняка они скрываются в лесу...”

Не знал я, что подобные мысли приходили в голову не только мне. Об этом думала моя старшая сестра Ёха и все молодые здравомыслящие евреи.

А приговоренных к повешению под барабанный бой, чтобы привлечь внимание населения, вывели из городской тюрьмы на улице Володарского. У всех обреченных руки были связаны за спиной, а у молоденькой симпатичной девушки на груди висел плакат, оповещающий о том, что они партизаны и стреляли в германских солдат. Это была выдумка нацистской пропаганды. В действительности все обстояло совсем по-другому.

Ольга Щербацевич вместе со студенткой Минского мединститута Соней Идельсон и той самой

симпатичной девушкой Машей Брускиной не только лечили советских военнопленных в немецком лазарете, но и помогали им впоследствии скрываться на конспиративных квартирах, а после выздоровления бежать в лес. Участвовали в этой рискованной работе Кирилл Трус, сын Ольги - Володя и ряд других патриотов. Вот они-то с группой командиров и красноармейцев в момент выхода из города и были схвачены. А после допросов и истязаний в гестапо их выдал предатель, бывший военный шифровальщик Борис Рудзянко, тоже раненый и выхоженный в лазарете...

После этого гестапо арестовало в Минске Машу Брускину и Соню Идельсон. Их тоже долго мучили на допросах в тюрьме, но они никого не выдали. А ведь отец Сони до войны работал провизором в аптеке на улице Островского и перед самой оккупацией спрятал от грабителей лекарства, перевязочный материал. Патриоты-подпольщики снабжали уходящих в лес оружием, продуктами и медикаментами. Это установленный факт.

Идентичность девушки на многочисленных фотоснимках, сделанных при казни немецкими офицерами, а также литовским фотографом, при сравнении с довоенными фотографиями Маши Брускиной была установлена. Всего сохранилось 28 снимков казни минских подпольщиков, среди них 7 фотографий, где изображены Кирилл Трус, Маша Брускина и Володя Щербацевич. Это было документально подтверждено экспертами-криминалистами из Управления уголовного розыска МВД города Москвы.

Как же стало известно об участии Сони Идельсон в патриотической деятельности и спасении

раненых военнопленных?

Много помог мне и редактору книги журналисту Григорию Розинскому двоюродный брат Сони, живущий в Хайфе, Иосиф Идельсон. Сразу после войны он упорно искал следы погибшей сестры. Вера Банк, ее родственница по материнской линии, бежала из гетто в партизанский отряд. Она-то и подтвердила смелую работу отважной девушки.

Интересное письмо о Соне Идельсон как талантливой студентки мединститута у меня хранится от профессора этого вуза Голуба. До войны он руководил в институте исследованиями молодых хирургов и выделял среди всех работу Сони. Вернувшись в освобожденный город, он стал интересоваться у минчан судьбой одаренной студентки и с сожалением узнал о ее смерти.

Когда над Сонею нависла реальная угроза ареста, её мама, акушерка Этя Идельсон, сумела убедить дочь немедленно уйти из лазарета. Она устроила Соню работать вместо себя в поликлинике, но было уже поздно... В своих письмах Иосифу новые подробности

Соня Идельсон

сообщила и минчанка Нина Барбарчук, которая жила оккупированном городе, а также бывшая минчанка Аля Шпринц, которая написала из Москвы:

„После войны во время поездки в Минск я узнала о трагической судьбе Сонечки. Она была повешена в сквере на пл. Свободы. Мне рассказывали, что

ее мама туда приходила и рыдала у ее тела...”

Исходя из этого, смею утверждать, что Маша Брускина и Соня Идельсон являются героинями еврейского народа. Еще предстоит в их честь открыть обелиск в Израиле (сейчас идет сбор средств на его сооружение). А в США летом 1997 года в Вашингтонском мемориальном комплексе „Холокост“ двум из трех журналистов (В.Фрейдина уже не было в живых) - Аде Дегтярь и Льву Аркадьеву вручили памятные „Медали Сопrotивления“. На них выгравировано: „Маше Брускиной. Присуждено посмертно в память о ее мужественной борьбе со злом нацизма и стойкости в момент последнего испытания. Мы всегда будем помнить и чтить ее“.

Упомяну и один малоизвестный факт, о котором сообщили в Израиль минчане, школьные подруги Маши Брускиной. Ее мама, жившая в гетто, когда узнала о казни своей любимой дочери, потеряла рассудок, и эсэсовцы немедленно её схватили и расстреляли. А отец Маши, воевавший на фронте, узнал о трагедии семьи уже после, войны.

И еще одна, связанная с эпизодом казни девушек-патриоток удивительная история. В апреле 1997 года в Мюнхене экспонировалась выставка фотографий „Уничтожающая война. Преступления вермахта с 1941 по 1944 годы“. Среди 80 тысяч посетителей этой выставки оказалась и немецкая журналистка Бригита Мелер. Неожиданно она обратила внимание на фотографию, на которой был заснят немецкий офицер, надевающий петлю на шею молодой девушки (это казнили 26 октября 1941 г. в Минске Машу Брускину).

Дрожь прошла по телу немецкой урналистки:

в стоящем рядом с немецким палачом офицере она узнала своего отца - Карла Шейдеманна. Участвуя в карательной операции по уничтожению населения одной из белорусских деревень, он погиб в 1943 году.

Момент казни подпольщиков. Офицер, присутствовавший при этом,- отец Бригиты Малер.

Но дома хранились военные фотоснимки отца. И Бригита набралась мужества, написала и опубликовала 5 апреля 1997 года в газете „Зюдйоче цайтунг“ статью „Мой отец - военный преступник“.

Глава десятая.

НОЯБРЬСКИЕ ПОГРОМЫ

Это случилось в день октябрьского праздника. Не знаю, специально ли выбрали немцы эту дату. Во всяком случае, они знали, что 7 ноября у советских людей праздник - годовщина большевистской революции. Вот они и показали, как они умеют властвовать, что они могут сделать с безоружными и напуганными людьми.

Теперь-то мы знаем, что задача у них была довольно жесткая: нужно было уничтожить как можно больше еврейских семей, чтобы освободить часть территории гетто для депортируемых из Германии немецких евреев.

Вот поэтому в течение ноября оккупационные власти в спешном порядке начали „чистку“ улиц отдельного района внутри гетто, который был отведен для евреев Германии и других европейских стран.

Представить обычному человеку погром невозможно. Но я попытаюсь рассказать об этом сам и приведу воспоминания тех, кто чудом спасся после расстрела и ушел в партизаны.

В гетто перед погромом создавалась обстановка неизвестности и тревоги. Всеми владеет страх. У нас это состояние усиливалось тем, что мы были свидетелями убийств, совершенных в доме у тети Тайбы и в еврейской семье Коварских на улице Ратомской, а также от увиденного в лагере военнопленных в

Дроздах и от повешенных возле юденрата на Юбилейной площади. Мы это видели каждый день своими глазами, а те которые жили подальше от юденрата знали понаслышке.

После того, как мы уехали на работу, рано утром немцы и полиция окружили часть гетто. Их оцепление находилось на улицах Кустарной, Димитрова, Подзамковой, Немиге, Шпалерному переулку, Островского, Опанского и части Республиканской. Всем объявили, что нужно взять с собой вещи - мол, предстоит отправка на работу в другой город.

Люди в домах стали собираться. Но немцев не устраивала та медлительность, с которой все это осуществлялось. Последовал приказ городским властям, юденрату, жандармерии: всех евреев с указанных улиц выгонять из квартир силой оружия. В ход пошли плетки, хлысты, приклады. Люди не успевали одеться. Кругом - брань, ругань, лай собак, плач детей, вопли женщин.

Эсэсовцы и их помощники литовцы и полицейские с криком требовали:

- Шнель, шнель!

- Скорее, скорее, скорее! - подгоняли они, а своих помощников поучали: - е раздумывать, не размышлять! Гнать их прикладами!

В колонну строили всех, в том числе детей и стариков. И люди стали догадываться: все, что /тверждают власти - это обман. Какая может быть забота со стариками и детьми? Каждый чувствовал, что их ведут на уничтожение.

.....Из домов, что на Островского, неподалёку от церкви, выгнали всех жителей. Немцы бьют их прикладами, сгоняют в

кучу. Дети растеряли родителей. Родители расталкивают толпу, пытаясь отыскать детей."

(Из кн. А.Красноперко „Письма моей памяти")

В колонне начались крики, причитания, взрослые прощались с детьми, женщины рвали на себе волосы. А молчаливое оцепление повело колонну в сторону улицы Опанского.

Когда появились автоматчики с собаками, страх людей усилился. Они стали с проклятьями бросать свои пожитки. А сзади колонны двигались подводы, и полицейские подбирали и складывали на них все брошенное.

Колонну погнали в Тучинку, к карьере. Там уже заранее были подготовлены рвы. Тучинка - это населенный пункт примерно в 7 км от Минска, недалеко от села Медвежево. До войны именно здесь добывали глину для изготовления и обжига кирпича. Палачи и решили использовать это место для истребления безвинных людей.

Варварский метод уничтожения евреев заключался в следующем. Людей группами подгоняли к яме и ставили у края лицом к углублению.

- Файер! - звучала команда офицера.

По спинам обреченных строчили из пулеметов. Большинство сразу падало в яму, а тех, кто еще был жив и корчился в предсмертных конвульсиях, каратели сталкивали пожарными баграми на убитых. Сразу же к месту расстрела подгоняли другую партию, снова звучала команда и раздавались пулеметные очереди.

Не все пули достигали цели. Особенно часто палачи не попадали в детей из-за их роста. Тогда охрана их просто живьем сталкивала вниз, а на них

падали убитые из очередной расстрельной партии.

С короткими перерывами строчили пулеметы. Люди падали, и в глубокой яме образовалась огромная кровавая масса человеческих тел. А потом на краю ямы появились полицейские из юденрата. Их привели и спустили вниз укладывать штабелями трупы. Адская работа. Многие из них рыдали, а тех, кто медлил или отказывался выполнять порученное, тут же немецкие офицеры расстреливали.

О том, что такое убийство произойдет, все в гетто догадывались. И мы, выходя на работу, чувствовали неладное: у ворот беспокойно да и полицейских собралось много, пришли жандармы с собаками...

Конечно, работали все в тот день с непроходящей тревогой. К концу смены среди рабочих распространился слух, что в гетто что-то происходит. В отличие от привычного маршрута нас повели не в гетто, а в „шуцполицай“*, который находился недалеко от товарной станции и Суражского базара. В двухэтажном кирпичном здании было много свободных комнат. Здесь в то время шел капитальный ремонт.

Встретившись с рабочими с других объектов, которых тоже привезли туда, мы услышали, что в гетто происходит погром и колонну евреев повели в сторону Тучинки. Для какой цели? Кто в эту колонну попал? Почему люди бросали свои вещи? Никто ничего не знал, и мы терялись в догадках.

Заночевали в „шуцполицай“. К утру обстановка не прояснилась. Нас снова в гетто не пустили, а отвезли сразу на работу. И только на третий день мы добрались до гетто.

Трудно передать, как мы волновались о судьбе близких. Папа сразу бросился к нашему укрытию - „малине“.

- Нахама, Нахама! - стал он звать маму.

Услышав папин голос, мама откликнулась. Наши лица просветлели. Слава Богу, на этот раз беда обошла наш дом. Оказалось, что Зеленый переулочек не входил в разрядку этих бандитов.

Мама открыла крышку „малины“. Туда хлынул воздух и свет. Все дети заплакали и стали обнимать друг друга. Папа спросил, что произошло? Заговорила мама. Она рассказала, что как только мы ушли на работу, на соседних улицах началась стрельба и слышались вопли, лай собак. Она быстренько собрала всех детей и спустилась в укрытие. Весь день они просидели в „малине“, и дети не капризничали, не проронили ни единого звука... Казалось, что они понимают всю серьезность положения, что там, снаружи происходит что-то страшное!..

Сколько же людей погибло в Минском гетто во время первого погрома? Я прочитал много разных книг, воспоминаний и даже немецкие документы. Донесения и источники противоречивы. Одни называют 12 тысяч, другие - намного большую цифру - 28 тысяч!

20 ноября произошел второй погром. Опять немецкая жандармерия и полицаи-наемники сгоняли в плотные колонны беззащитных, истощенных людей. Это были обессиленные, измученные голодом и холодом женщины, старики и дети. А тут еще по-русски прозвучал приказ конвоиров:

- Ни шагу в сторону - иначе стреляю без

предупреждения!

Колонна начала движение, больные и немощные стали спотыкаться и падать. Конвоиры тут же на мостовой таких сразу пристреливали. Воспользовавшись суматохой, кто-то пытался бежать. На них натравливали собак. Злобные овчарки настигали жертву, валили на землю, рвали одежду, впивались в тело...

И все это во время движения, при страшных криках, ругани, под свист хлыстов и плеток полицейских, снова гнавших колонны в Тучинку. Я знаю, что у тех, кто видел этот ужас, в ушах до сих пор звучат обезумевшие голоса взрослых и молящие просьбы детей:

- Мама, не оставляй меня!

- Бабушка, где ты?! Эти крики рвали душу.

Старики молились Богу. Кто-то безутешно рыдал. Но слышались и гневные слова:

- Звери! Убийцы! Будьте прокляты! Придут наши и отомстят за нас!

Очевидцы донесли до нас удивительный по отчаянию и смелости подвиг, который совершил Гирсл дер-Старкер (он жил на улице Кустарной). Видя свое безвыходное положение, этот могучий старик-еврей внезапно выскочил из колонны и бросился на немца. Он схватил его за шею и... откусил ему нос. Обливаясь кровью, с дикими воплями жандарм повалился на булыжник мостовой. Охрана колонны застрелила еврея-героя.

Страшное шествие обреченных продолжалось два дня. Когда колонны евреев вели по русскому району, то многие жители молча подбирали бро-

шенную одежду, вещи, ценности.

Некоторые из колонны при этом говорили:

- Берите, люди добрые! Берите, пользуйтесь! Пусть память о нас останется!

Наша семья и в этот раз не пострадала, так как мы уже жили по 2-му Опанскому переулку. Сюда, в пустующий дом, стоявший на границе гетто, переселили семью „фахарбайтера" Исроэла Рубенчика. Оказалось, что по плану эсэсовцев люди, жившие на этой улице, еще не подлежали уничтожению.

Опять несколько дней бригаду строителей, работавшую на объектах генерального комиссара Кубе (в ней было человек 20), не пускали в гетто. Дядя Арон был старшим рабочим, и он подошел к начальнику с просьбой дать разрешение и отпустить на несколько часов в гетто, чтобы узнать о судьбе его семьи. Жили они по Кустарному переулку и именно там из домов выгоняли людей и строили в колонну. Через несколько часов секретарь-переводчица вызвала дядю и оформила ему „аусвайс" - документ, который позволял войти через ворота в гетто. Немец-начальник оказался сердобольным и оформил специальную бумагу, разрешающую ему, если кто остался в живых, взять их с собой. Это было главное...

Я тоже имел право пойти в гетто с дядей Ароном. Об этом по-немецки было записано в выданной бумаге. И вот мы в дороге. Несколько раз нас останавливали жандармы и полицейские, проверяли документы. Дядя спокойно показывал „аусвайс" и бумагу. Это разрешение действовало - нас сразу пропускали дальше.

Подошли к дому дядиной семьи. Волнуясь, он пробрался к „малине" и стал звать:

- Маше! Маше! Ву бист ду? Руф зах оп!* Жена откликнулась, с плачем вышла наружу, а вслед за ней и дети. От долгого сиденья в темноте у них были воспаленные глаза, лица потные, волосы нечесанные. Дядя Арон обнимал каждого и нежно гладил по голове...

Потом он стал торопить со сборами. Все вместе мы пошли по направлению улицы Димитрова, а потом в сторону Республиканской - к воротам. По дороге опять нас проверяли жандармы, но бумага, написанная по-немецки, имела магическое действие, нас сразу пропускали.

И вдруг один власовец заметил у тети Маши передние золотые зубы и сделал знак, чтобы мы остановились. Подойдя ближе, он сказал, что зубы из золота нужно вырвать, он это сделает штыком. Задержка власовца вызвала недовольство жандармского патруля. Старший обернулся и крикнул:

- Вас ист люс?*

Власовец не понял вопрос немца и побежал к нему объясняться. Когда он вернулся к нам, дядя Арон стал умолять его, что жена снимет зубы сама и отдаст ему. Он показал солдату дом, где они живут.

В ответ власовец сказал:

- Ладно... Но учтите, если через день не принесете на это место золото, я вас найду и всех уничтожу...

Всем своим видом власовец показывал: он . делает большую милость, что тут же на месте не выдрал зубы штыком. Тетя Маша не отдала золото тому

* - Маша! Маша! Где ты? Отзовись! (идиш)

* * - Что случилось?

солдату, хотя сняла золотые зубы у дантиста.

В последующие дни этот район, где был дом Арона Рубенчика, заселили вновь прибывшими немецкими евреями.

Вспомнился мне еще один случай. После второго погрома я с Ёхой стали ходить по опустевшим домам и подбирали, вернее, выискивали вещи получше, поновее. Это было опасно, но мы рисковали. Одежду в русском районе можно было обменять на продукты, в которых нуждалась наша большая семья.

Однажды, недалеко от ткацкой фабрики по улице Замковой, в одной пустой квартире мы услышали стук в стенку. Притихли. Осторожно заглянули в окно. Никого. Вдруг раздается звук разбитого стекла и на улицу выбрасывается ребенок.

У меня невольно вырвался крик. Сестра закрыла мне рот рукой. Потом на улице показались власовцы. Мы узнали их по русской военной форме с повязкой на рукаве. Ёхе показалось, что они услышали мой вскрик и теперь нас ищут..

- Авремелэ, надо быстрее скрыться, - потянула меня сестра.

Мы убежали оттуда и спрятались в ближайшем доме на чердаке, накрывшись большим корытом. Переждав некоторое время и убедившись, что вокруг все тихо, с вещами отправились домой...

Невольно задаю сам себе вопрос: откуда берутся такие изверги? Казалось бы, рос вместе с нами, учился, как все, а вот при новой власти, чтобы выслужиться, стал ревностно выполнять все приказы оккупантов, а к людям относился позверски.

Глава одиннадцатая.

ЕВРЕИ ИЗ „ЗОНДЕРГЕТТО“

„ О октябре 1941 года евреев в Бремене и в других городах Германии известили о том, что их депортируют на Восток, где они будут восстанавливать разрушенные и сожженные города. В извещении назывался день депортации, указывалось, чтобы ключи от квартир были сданы в полицейский участок. Обещано сохранение квартир. С собой предписывалось взять самое необходимое.. Газеты ничего об этом не сообщали. Протест выразила лишь церковная община (приход св.Стефания), членами которой были несколько евреев...“

(Из сб.„Депортация евреев Бремена“. Франкфурт. 1988).

И вот бременские евреи 18 ноября были посажены в товарные вагоны. Это был первый удар по их самолюбию. Обещали пассажирский поезд, а повезли в товарняке, как скот. До Минска они ехали трое суток. Когда они прибыли на вокзал, то ужаснулись. Город лежал в руинах.

Здесь бременские евреи услышали, что они из Германии не первые. Раньше их, 11 ноября, сюда привезли евреев из Гамбурга. Всех селили в квартирах, которые очистили от русских евреев. Много позже они узнали, что кровавые погромы взбудоражили всех евреев, проживавших в Минском гетто.

Вспоминаю, что нам рассказывали немецкие евреи. При разговоре с нами они пользовались немецким, который был похож на идиш, и мы их хорошо понимали. Оказалось, что гитлеровские служаки их обманули. Вначале им говорили, что повезут

их в Палестину. Потом они узнали, что их депортируют на Восток. Нацисты объясняли, что по приказу фюрера им теперь придется восстанавливать разрушенные города и заводы.

В „зондергетто“ немецкие евреи жили в двух местах: в районе улиц Запсковой, Кустарной и Димитрова, а также на улицах Республиканской, Сухой и Обувной. От нашего гетто эти места были отгорожены колючей проволокой, и проход туда был запрещен.

Но некоторые улицы, такие как Шпалерная, Островского, Обувная наполовину принадлежала нам -для прохода русских евреев. У немецких же на их стороне, кроме домов, оставался тротуар, отделенный от нас колючей проволокой.

Надо откровенно сказать, что немецкие евреи отличались от местных более высокой культурой. В чем это выражалось? Прежде всего, вежливым обращением, манерой одеваться, поведением... При обмене вещей на продукты я несколько раз бывал в их квартирах. И сразу обратил внимание на их чистоплотность, несмотря на убогость обстановки, порядок и аккуратность.

Зимние морозы и голодное существование быстро наложили отпечаток на их поведение. Они стали менять свою одежду и добротную обувь на хлеб и картофель. Но так как русский язык они не знали, то местные евреи стали посредниками между ними и белорусскими крестьянами. Это было выгодно каждой стороне, но больше всего наживались жители гетто.

Тут же хочу привести эпизод, происшедший со мной. Однажды утром я шел по улице Запсковой, где жили немецкие евреи. Решил пожить в татарских огородах, примыкавшим к улицам за пределами гетто.

Думал, что там ограждение преодолеть будет безопаснее. Наворовал морковку и капусту и спокойно возвращаюсь на немецкую улицу, откуда я вышел.

И вдруг меня остановил полицейский из немецких евреев. Не придавая значения его словам, я пытаюсь ускользнуть. Не тут-то было. Он вцепился в меня и со словами: „Дас ист фарботен“* - все у меня отобрал... Потом еще, держа за рукав, надавал подзатыльников.

Домой я вернулся чуть ли не плача. От жестоких русских полицаев всегда ускользал, а тут не только остался без добычи, но еще получил несколько тумачков. Мое состояние заметил младший братишка Гесл. Узнав, что произошло, он неожиданно предложил:

- Давай мы завтра этому „фрицу“ отомстим. Я согласился. И мы пошли снова на немецкую улицу. Вскоре мы подкараулили моего обидчика. Он стоял на посту на углу Димитрова и Шпалерной. Гесл оказался смелым и смышленным малым. Он пристроился на ступеньках бывшего магазина Фишкина и делал вид, что играет с камешками. Я же спрятался за домом, чтобы немецкий еврей меня не узнал.

Полицай по-прежнему прохаживался по Замковой и доходил до угла. Выбрав удобный момент, Гесл подкрался к нему сзади и плоским камнем с силой ударил по затылку. От неожиданности полицейский упал, а мы сразу дворами убежали. Конечно, мы тогда не знали, что немецким евреям от нацистского режима тоже было не сладко. Их стариков и больных тоже безжалостно уничтожали. Но немцы их работу ценили выше, чем русских евреев.

* Это запрещено (нем.)

Вильгельм Кубе в письме своему начальнику в Ригу Генриху Лозе писал следующее:

„Я прошу тебя лично дать официальную директиву о позиции гражданских властей относительно евреев, депортированных из Германии в Белоруссию... Во время нескольких официальных визитов в гетто я отметил, что среди этих евреев есть квалифицированные рабочие, способные сделать за день в пять раз больше, чем русские евреи.

Эти евреи, вероятно, погибнут от холода и голода в ближайшие недели. Для нас они представляют страшную угрозу как распространители болезней...“

Но наивно было бы думать, что такой палач, как Кубе, будет заботиться о немецких евреях. Он просит своего начальника всего лишь о том, чтобы тот „возложил массовые расстрелы немецких евреев на литовцев и латышей...“

Десятки донесений, протоколов и других немецких документов, изъятых из Главного имперского управления безопасности рейха, с чисто немецкой дотошностью пестрят цифрами и примерами пунктуального выполнения установок рейхсфюрера СС Гиммлера:

„Немецкие евреи проявляют старание в работе... Они верят, что после победоносного окончания войны снова будут возвращены в старую империю... Необходимо поддержать их веру...“

И тут же в отчете о боевой деятельности унтер-шарфюрера СС Арльта:

„26.5.- прибыл в Минск эшелон с 1000 евреев из рейха. Он сразу был доставлен к вышеуказанным траншеям. (Речь идет о расстреле евреев Вены - прим. автора). Эсэсовцы были использованы на „работе“ у траншей...“

В книге „Трагедия евреев Белоруссии“ на стр.139 помещен график транспортировки евреев в Минск, обнаруженный в федеральном архиве Кобленца (ФРГ). 16 поездов с 11.05.1942 по 9.10.42. Станция отправления: Вена, Кельн, Кенигсберг, Терезин. Число отправленных - 15.002. Уничтожено сразу по прибытии - 13.500.

Так заканчивалась жизнь многих немецких евреев. Страшная бухгалтерия расстрелов, которую изо дня в день вели многочисленные шарфюреры, показывает всю мерзость и бесчеловечность этих исполнительных палачей.

А в отчете эсэсовца Арльта через строчку чередуются всего три операции: чистка оружия, рытье траншей и „обслуживание“ эшелонов с евреями, прибывшими из рейха...

Такова история расстрелов немецких евреев в Минске и других городах Белоруссии, которая показывает всю механику — этих событий.

На камне написано: „Помни!

Этот камень напоминает о 993 детях, женщинах и мужчинах, которые 10 ноября 1941 года были депортированы из г. Дюссельдорфа в Минское гетто... Все они стали жертвами нацистского геноцида... 8 октября 1998 года."

70

Глава двенадцатая.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ЁХИ

Погромы в Минске по прежнему продолжались. После двух - 7-го и 20-го ноября в один из тех ужасных дней из дома исчезла наша Ёха, потом мы узнали, что вместе с ней исчезла и ее подруга Фаня Каплан.

Было начало декабря 1941 года. На дворе было холодно, слякотно, температура опускалась ниже нуля, выпадал снег. В доме сразу заметили, что с исчезновением Ёхи пропала и некоторая часть вещей, которые мы насобирали в пустых домах и на улицах (после погромов вещи были разбросаны повсюду). Подбирали все, что можно, в надежде выменять на продукты у крестьян.

В доме все плакали: мама, папа, бабушка - так как Ёха была старшей девочкой, среди семерых детей. Она была главной кормилицей в семье. Она ходила вместе с Гиндой и меняла вещи на продукты в русском районе. Мы все её любили за веселый, неунывающий характер, за смелость и находчивость. Никто не мог так ловко подлезть под проволоку и пробраться из гетто в русский район, обменять вещи на продукты и незамеченным вернуться назад.

Нас охватило полное отчаянье. Только десятилетняя Гинда успокаивала всех. Она говорила, что Ёха обязательно вернется и принесет что-нибудь поесть...

Я также верил в это, потому что пропало много вещей, которые мы вместе припрятали. Значит, она жива, не попала в облаву и скоро вернется с продуктами.

Как потом выяснилось, Ёха с соседской девушкой Фаней давно готовились к побегу из гетто. Путь они держали на Родошковичи-Красное. С собой взяли вещи, чтобы выменять на еду.

Вот, что рассказала после возвращения Ёха о своих похождениях. Они обменивали вещи на продукты питания, узнавали направление, куда идти, ведь они впервые самостоятельно пустились в такой путь. Первый раз вышли за город, увидели деревни, научились обходить опасные места. Ночевали в стоге сена, в сараях и амбарах, и никто их не заметил.

Прошло двое суток ходьбы. Они были недалеко от Родошковичей, уже были видны трубы двухэтажных домов. На крышах лежал снег, было сыро и ужасно холодно.

- Мы приблизились к центральной дороге, - рассказывала Ёха. - Вдруг слышим рев моторов. Зная, что на машинах едут только немцы, мы затаились, замерли. Заметили свет от фар. Мимо проехали три машины, из которых доносился плач, крики и мольба о спасении. Скорее всего, немцы вывозят местное население в Германию. Мы остались незамеченными и вышли из-за кустарников. Продрогшие после дождя, мы выглядели, как мокрые курицы.

Прошли несколько сот метров и опять послышался шум машин, свет фар осветил дорогу. Ёха и Фаня стремглав перебежали ее и залегли в придорожных кустах. Чем ближе приближались автомобили, тем отчетливее становились слышны крики и проклятия на идиш. Девочек охватила дрожь и страх.

Машины везли их соплеменников туда, откуда не возвращаются. Они были уже недалеко от Родошковичей. Голодные, промокшие и уставшие, подавленные от увиденного, девочки хотели только одного: укрыться в теплом убежище, отдохнуть и немного поесть. Ёха и Фаня, не сговариваясь, молча побрели назад по дороге, ведущей в Минск. Ветер, слякоть, по спине текли холодные струи тающего снега. Они от усталости и холода еле передвигали ноги.

Наконец добрались недалеко от дороги до стога сена. Залезли в середину, крепко прижались друг к другу и, немного согрившись, уснули.

Утром подруги продолжали свой путь. Фаня не удержалась и спросила у подруги:

- Ёха! Вот ты такая храбрая и умная. Скажи мне, почему нас так ненавидят все: и немцы, и русские, и украинцы. Все-все во всем мире?

Ёха долго не отвечала подруге, наконец, сказала:

- Видимо, у нас, евреев, такая судьба. И мы должны не забывать это.

Стало светать. Увидев дом с огоньками в окнах, они решились войти, чтобы немного согреться. Хозяйка оказалась доброй женщиной и дала продрогшим девочкам выпить горячего чая, в который даже положила по ложечке сахару (по тем временам это было непозволительной роскошью).

Немного согрившись и передохнув, девочки продолжали свой путь. Шли молча, все время оглядываясь по сторонам. Вдруг впереди из кустов вышли трое мужчин. Подружки хотели спрятаться, но было уже поздно - их заметили. Подойдя ближе, Ёха радос-

тно вскрикнула, потому что узнала в одном из мужчин соседа Абрашу.

Семья Абраши жила на нашей улице, семейное их прозвище было „фун дер Полосес“. Встреча была радостной, и все стали наперебой делиться новостями.

Абраша рассказал, что они вышли из гетто 12 дней назад, и как много им пришлось пережить за это время. Несколько раз они встречали группы людей, но никто не оказал им помощи, никому не было дела до этих парней. О вступлении в какой-нибудь партизанский отряд они уже не мечтали, потеряли надежду. Хорошо еще, что не натолкнулись на бандитов.

Абраша продолжал свой рассказ. В лесу они встретили одного мужика. Он догадался по их лицам, что это евреи и признался им, что несет продукты своим друзьям, которых знает много лет. Один из них до войны был фармацевтом. Эти люди сбежали со своими семьями и устроили хорошо замаскированную землянку.

В тайнике укрывались две еврейские семьи. Они платили этому мужику за то, что он приносит необходимые продукты. От него же парни узнали о погроме в Родошковичах.

Продолжая свой рассказ, Абраша поведал о том, как они попали к польским легионерам, которые одинаково ненавидели и русских, и евреев. Говорили они по-польски, но ребята все понимали. Еле откупились от этих легионеров. Потом они попали в руки других бандитов. Те заставили их напилить дров и погрузить на подводу, В благодарность даже накормили, но при этом отобрали последние ценные вещи, часы. Спасибо, что хоть оставили в живых.

Затем они вышли к деревне. Там на домах на трех языках: по-польски, по-немецки и по-русски - висели плакаты с призывом о выдаче коммунистов и евреев. За сотрудничество обещали награду: сахар и соль по 5 кг, а за укрывательство - расстрел всей семьи.

С такими новостями измученные, осунувшиеся, похудевшие, после неудачных попыток найти партизан или какое-нибудь убежище вернулись обратно в гетто Минска Еха, Фаня, Абраша и его друзья.

Дома все этому возвращению были рады. Обнимали и целовали друг дружку, танцевали. У нас в доме все радовались тому, что Еха жива и что мы опять все вместе. Еха рассказала нам о своих переживаниях, о том, что она с Фаней увидела на дороге и кого повстречала на пути.

Особенно это интересовало наших дядей Яшу и Гидалия - маминых братьев. Они стали подробно расспрашивать обо всем, так как сами думали и готовились к побегу из гетто. Абраша им рассказал обо всех своих приключениях за долгий двухнедельный путь, о том, как парням повезло, что за день до погрома в Родошковичах они ушли оттуда.

Глава тринадцатая.

СТРЕМЛЕНИЕ ВЫЖИТЬ

Оккупанты не считали нас за людей. В их понимании мы были безмозглые, то есть недоразвитые: не любили трудиться, выражали покорность, не сопротивлялись, как быдло и бессловесный скот, всем приказам молча повиновались.

Небезызвестный палач евреев в Белоруссии генерал-комиссар Вильгельм Кубе писал своему начальнику в Ригу, рейхскомиссару Остланда Генриху Лозе:

„...Я, безусловно, тверд в своем мнении и желаю содействовать решению еврейского вопроса...“ И далее называл евреев: „тупое стадо местных“.

Рано они стали считать себя победителями и подчеркивали свое превосходство. Однако отсутствием на первых порах организованного сопротивления немцы широко пользовались: уничтожали больных и стариков, тасовали людей, перегоняли с одного места на другое, у евреев отбирали все ценное и старались выбить из нас остатки веры и надежды.

Но у каждого человека есть свое достоинство. Этого высокомерным арийцам было не понять. Ведь даже в тяжелейших условиях гетто мы стремились не терять человеческий облик, помогали друг другу, проявляли сострадание к больным и голодным, старались выжить.

Мы уже понимали, что обречены на голодное существование, а бесправие и издевательства будут только усиливаться и единственное наше спасение - это найти выход из создавшегося невыносимого положения.

В гетто мы постепенно набирались мужества. И все зверства гестаповцев не только страшили нас, они невольно звали патриотов и тех, кто не смирился с произволом оккупантов, к сопротивлению, к мести.

Чтобы выжить, надо было трудиться. Отец настоял, чтобы я вместе с ним пошел в рабочую команду. Это давало возможность легально выходить за пределы проволочного ограждения и хоть раз в день регулярно получать горячую баланду.

„...Проживающие на занятой русской территории жида мужского пола в возрасте от 14 до 60 лет и женщины от 16 до 50 лет подлежат зачислению на принудительные работы. Распоряжение это следует сейчас привести в исполнение. Жиды для этой цели после переписи разделяются на принудительные рабочие отделения... Особые указания: пункты а)- д). Жидам запрещается менять место жительства... На всех работоспособных жидов бургомистрам следует завести карточки... Назначение на работу производить по распоряжению немецких властей.. Работоспособным жидам строго запрещается продавать, закладывать или передавать другому лицу принадлежащие ему ремесленные инструменты... Наличную плату они не получают, им можно выдавать продовольствие, если жид не зарабатывает в другом месте...“

(Из книги „Трагедия евреев Белоруссии“ Мн.,1988)

Не только я, но и многие другие еврейские мальчишки стремились, чтобы их взяли на работу. Правда, мы опасались, что при проверке нас могут со взрослыми в город не выпустить.

Квалифицированных рабочих - "фахарбайтер" часто из гетто везли на машинах. Каждый раз пацаны при посадке тоже старались вскочить в кузов или прошмыгнуть у ворот. Помню, забавное приключение произошло однажды и со мной.

Утром к бирже труда подали машину. Был я проворным малым и вскочил на нее первым. Подъезжаем к воротам гетто. Полицейские автомобиль не пропустили, а велели водителю остановиться. Все поняли, что будет проверка. Что делать? Сейчас меня ссадят. Недолго думая, подлез под юбку женщины, поджал ноги и затих.

Слышу команды полицаев. Душа моя ушла в пятки - верная смерть. Но они смотрели между рядами и считали людей. Ничего не заметив, полицай дал команду ехать. Машина тронулась, я вздохнул свободно и вылез из своего укрытия. Это произошло так внезапно, что женщина даже не успела сообразить, что произошло.

Хочу привести еще один случай, участником которого мне довелось быть самому, и который показывает, как в человеке неистребимо желание жить. Волею судьбы оказался я на грани жизни и смерти. Потом еще не раз попадал в такие ситуации, но тот случай особенно запомнился. Наверное, потому что человек этот показал свое нутро стяжателя, служившего врагам ради собственной наживы...

В доме № 6 в нашем Зеленом переулке жила еврейская семья Думских. Их было шестеро: четыре сестры и два брата. Старшая сестра (не помню ее имени) влюбилась в парня. По профессии он был штукатуром. Родители возмущались ее выбором: она была грамотная, с образованием, а он - простой

рабочий, да к тому же русский. Но любовь взяла свое. В конце концов Думские смирились. Приютили парня, дали молодоженам комнату в своем доме. Вскоре у молодой пары родился сын. Жизнь шла своим чередом.

И вот война. У штукатура жена-еврейка осталась жить в своей квартире, а он с сыном перебрался в русский район. Думские отдали ему все лучшие вещи в надежде, что он их обменяет на продукты. Но он о стариках и своей жене-еврейке и не вспомнил.

Семью Думских ждала трагедия. Всех их убили, остался из четырех братьев только один, который вовремя ушел в партизаны.

А штукатур этот, Борис, проявил свою подлую душу, пошел по пути предательства. Вместе с полицаями он стал ходить на грабежи, врвался в еврейские дома, грабил, убивал. Бориса полицаи ценили. Он лучше других знал, где живут богатые евреи, где они хранят свои ценности...

Однажды я заночевал в доме у дяди в Заславском переулке, т.к. установили комендантский час и с наступлением темноты по Минску идти в такое время было рискованно. Ночью грабители, среди которых был этот Борис-штукатур, неожиданно ворвались к дяде. Конечно, он не надеялся меня там встретить, не предполагал, что я там ночую.

Полицаи обобрали весь дом, а когда уходили, Борис взял у одного из грабителей винтовку и прикладом несколько раз ударил меня по голове. Я упал, обливаясь кровью, потерял сознание. Он подумал, что мне конец, а мертвый ничего никому не расскажет...

Контуженный и ошеломленный - в таком состоянии я находился несколько дней. И все-таки

молодой организм выдержал. Пришел в себя, голова, как раскаленный чугун, трещит, но постепенно боли заглушились. А Бориса и то, как он грабил, я хорошо запомнил. После войны я подал в милицию на него заявление. Но бесправие евреев тогда были в силе: моему заявлению не дали ходу, так как в то время я был малолетним, а свидетелей убили. Это на меня оказало большое воздействие. Получалось, что я опять без прав.

Но судьба его настигла. Когда его сын вырос, то узнал жуткую историю своего отца, который ничего не сделал, чтобы спасти жену - его мать. Парень от отца отказался. Так сын и не смог простить отцу предательство по отношению к его матери-еврейке.

Глава четырнадцатая.

НА НОВОМ МЕСТЕ

В мае или июне сорок второго, точно не помню, какого числа, папе как фахарбайтеру юденрат велел перебраться на 2-й Опанский переулок. Причину я не знаю. Могу только предположить, что та улица еще не числилась в зоне погромов...

Четвертый дом от угла Танковой, куда мы переехали, был одноэтажный, но многоквартирный с несколькими входами. Типичная постройка царских времен: со старыми дощатыми стенами и трухлявым фундаментом.

Квартира была небольшая, комнат всего две. Выделялась она огромной русской печью. Отец, когда мы осмотрели новое место нашего жилья, стал устраивать сооружение для ночлега детей. Сколотил широкие нары от печки до противоположной стены. На них мама укладывала малышей. Отдельные топчаны были для старших.

А я с Ёхой первым делом подумали о „малине“. Решили, что на новом месте, в случае тревоги или очередного погрома, лучшим укрытием будет внутренняя полость печи. Нам она казалась необъятной. Мы даже примерялись - забрались внутрь на кирпичный под, где обычно разжигали дрова, и скрылись в пазухах. Вылезли оттуда настолько перепачканные золой и сажей, что папа закричал на нас:

- Что вы занимаетесь ерундой!

Но мы не унимались. Проверили еще лаз под

печкой. У нас он назывался „поплец», хозяйки обычно держали цыплят с курицей-квактухой. И это место оказалось вместительным. Нам оно тоже представлялось хорошим укрытием при опасности, исходившей от нагрянувших полицейских. И чтобы расширить и привести „поплец" в порядок, мы стали оттуда выгребать песок, ночью незаметно выносить грунт из дома и рассыпать на пустырях.

С Зеленого переулка вместе с нашей семьей на 2-й Опанский перебрались Гинда с двумя уцелевшими младшими сестренками (одна из них была с перебитым позвоночником) и Гиршл Слепак (сын Гершна). А на старом месте осталась бабушка Ципэ с внучкой, мамина сестра Фрейда и реб Пейсах с женой.

Ходили мы с одной квартиры на другую напрямую. Тогда уже в гетто между домами не было заборов. Их поломали и растащили для топлива. Переход с Зеленого переулка продолжался пять, может быть, семь минут. Колючей проволокой была огорожена только правая сторона 2-го Опанского, а левая уже считалась за пределами гетто.

Я вспоминаю, что противоположная сторона улицы, находящаяся уже в русском районе, всегда вызывала у меня горькое чувство. „Почему у нас такая судьба? - задавался я этим вопросом.- В чем. мы, евреи, виноваты? За проволокой люди ходят без опаски и страха. Никто их не трогает. А чем мы виноваты? И появлялась у меня безотчетная злость, желание драться и мстить немцам и их прислужникам за такое беспросветное существование.

А жизнь шла своим ходом. Надо было трудиться, по мере возможности помогать маме управляться с домашними делами, заниматься с детьми, с утра

натаскать воду, где-то добыть топливо. Воду мы набирали ведрами из водоразборной колонки, качали большим тяжелым рычагом. Электричества в домах гетто не было. Ложились спать и вставали в потемках. Правда, у мамы для экстренных случаев был припасен огарок свечи...

Накормить такую ораву детей тоже было проблемой. И мама ежедневно готовила какое-то варево на чугунных комфорках плиты, у которой топка была сбоку русской печи. Так она расходовала меньше древесины...

Мои братишки и сестрички, несмотря на запреты, стремились общаться со своими сверстниками на противоположной стороне улицы. Они даже затевали всякие игры, находившие отклик у белорусских ребят. Но нехороший дух вражды проникал и в детскую среду.

Однажды приходит домой моя сестричка Хая (ей было тогда девять лет) и нараспев декламирует:

Жиды, жиды - черти,
Кабы вам памерти.
Там, дзе куры срали
Там вас пахавали.

- Кто тебя научил? - спрашивает мама.

- Там за проволокой мальчики это поют, - отвечает Хая.

Мама качает головой, осуждая эти слова, а пятилетний Ерухам, не понимая значения того, что говорит, тоже повторяет:

Жиды, жиды - черти, Кабы вам
памерти...

- Прекрати сейчас же! - строго говорит мама. А он озорно ей отвечает:

- Хая жидовка и ты жидовка. А я еврей!..

- Ну, что с ними делать? - смеясь, спрашивает мама у бабы Ципы, которая пришла с Зеленого переулка посмотреть, как мы устроились на новом месте.

- Дети есть дети... Какой с них спрос...

В это время полуголодное существование семьи намного облегчила неожиданная находка Гесла. Братишка, копаясь в развалинах какого-то дома, нашел несколько золотых монет - пятерок царской чеканки.

- Где ты это взял?! - вскричал отец, увидев сверкающие монеты с профилем царя Николая Второго. - Нахама, посмотри, что сын принес!

В тех условиях это было настоящее богатство. И мы с папой побежали за Геслом, чтобы он показал место находки. На руинах дома уже копалось больше десятка мальчишек и взрослых. Конечно, больше никто ничего не нашел.

На найденные монеты папа купил у крестьян на толкучке в русском районе несколько ведер картофеля, масло, соль и мешок муки. Таким образом, мы создали в доме запас ценных продуктов. А Гесл ходил гордый, что сумел оказать такую помощь нашей многодетной семье.

Уместно здесь продолжить и историю „волшебной“ козы, которую мы под покровом темноты перевели с Зеленого переулка в маленький сарайчик, находившийся за домом. Может быть, это была ошибка мамы, что она перевела козу на 2-ой Опанский переулок. На старом месте было много травы, которую мы заготовливали. А здесь, опасаясь чужих глаз, мама держала козу на привязи. Конечно, это ей не нравилось, и днем она блеяла, выражая свое недовольство.

Однажды это козлиное: „Мэ-э-э!“ - услышал полицейский, проходивший на русской стороне нашего переулка. Под колючую проволоку он не полез, а решил обойти и найти хозяев, которые в гетто держат козу. Начиная с угла улицы Танковой, он обходил дом за домом.

Мама, когда полицейский пришел к нам, не стала его обманывать.

- Да, господин полицейский,- призналась она.-
I Смотрите, сколько у нас маленьких детей. Поэтому мы держим козу. Ее молоко спасает их... Полицейский оказался из разряда сочувствующих. Услышав фамилию Рубенчик, он стал расспрашивать маму, где работает муж.

- Он бригадир маляров и штукатуров. Сейчас трудится на ремонте дома на площади Свободы.

- А зовут его как?

- Исроэл.

- Так это ж мой учитель,- усмехнулся он в ответ. - Я до войны у него в подсобниках ходил...

Учитывая ситуацию, мама стала просить, чтобы он не забирал козу, а пришел вечером, когда вернется муж. Полицейский согласился.

Не помню уже всех деталей, но с отцом они потом встречались несколько раз. Договор у них был такой, что козу мы будем держать, пока ее не обнаружат другие. Если это случится, то мы дадим знать, и он придет за ней, а в виде компенсации доставит продукты: хлеб, крупу, муку и подсолнечное масло.

У нас „волшебница“ была еще некоторое время, а потом полицейский все же ее увел. Больше всех переживала мама.

- Это лучше, чем кто-то бы забрал козу и устроил погром, - успокаивал ее отец.

А я с Ёхой с нового места изредка продолжал совершать набеги на товарную станцию, чтобы чем-то там поживиться. Как всегда, самым доходным были подсолнечные семечки. За вагонами, в которых они перевозились, подростки из гетто постоянно следили.

И вот очередной „налет“, когда Янкеле Купер сообщил о прибытии на железную дорогу вагона с семечками, чуть не закончился печально. Расскажу по порядку. Как раз вагон стоял на путях в глухом месте. Выставили на „шухере“ двух пацанов, а мы приступили к вскрытию дверей. Но они не поддавались. Тогда я согласился проникнуть в вагон через верхнее окошко.

Все отдали мне свои мешки, кто-то подставил спину, я влез к высокому парню на плечи и ухватился за край окна. В вагоне оказалось очень много семечек, в которых тонули ноги. Я лег на бок и стал загребать их в мешки, а наполнив, выбрасывал наружу. В горячке происходящего даже не заметил, как тронулся состав.

Кричать мне ребята боялись, чтобы не привлечь внимание окружающих. А я почувствовал движение вагона, когда колеса застучали на стыках. Выглянул наружу, а товарный поезд уже набрал скорость.

„Вот это приключение! - подумал я, не давая себе отчет об опасности. - Еще увезут меня в Германию. Вот будет номер!“ Но потом я начал спокойнее обдумывать необычную ситуацию. Конечно, без остановок состав не будет долго идти. Паровозу

нужно заправляться водой... Значит, я должен быть готов прыгнуть...

Из вагона я выскочил на станции Койданово (ныне Дзержинск), когда поезд замедлил ход. Это, наверное, километров сорок от Минска. И я до ночи шел пешком до города. Слава Богу, нигде не попался на глаза жандармам, которые все время несли охрану магистрали.

Домой я вернулся среди ночи. О случившемся знала только Ёха, но молчала, не выдавая своего волнения. Увидев меня, уставшего, Ёха притянула к себе и крепко поцеловала:

- Молодец!

Наши отлучки и воровские похождения всегда вызывали у папы бурный протест.

Глава пятнадцатая.

В „МАЛИНЕ" У ДЯДИ

Это произошло в первых числах марта сорок второго. После студенной зимы земля еще была замерзшей, на не чищенных улицах лежали сугробы снега и подтаявшего льда. И хоть много было расстреляно евреев в гетто в этом третьем погроме, жизнь там продолжалась. Вероятно, такое положение не устраивало оккупационные власти. Последующие события это подтвердили...

Мама с младшими детьми в тот момент находилась в доме у дяди Моше по Заславскому переулку. Такой „кочевой" образ жизни она выбрала, потому что боялась облав и погромов. А у дяди было сооружено надежное укрытие. Как только с улицы доносились выстрелы, все быстренько спускались в „малину". Когда стрельба прекращалась, все снова переходили в дом.

О „малине" дяди Моше стоит рассказать особо. С внешней стороны она была похожа на обычный дворовой туалет. До войны именно такие сооружения стояли в каждом дворе. О ватер-клозетах тогда даже не мечтали. Так вот этот „туалет" - обыкновенная деревянная будка с выгребной ямой - стоял на взгорке. И это возвышение так искусно и скрыто подкопали, что внутри свободно помещались более двадцати-тридцати человек.

В момент тревоги каждый, кто укрывался там,

должен был войти в туалет. В полу подымалась крышка и был специальный спуск вниз. Нужно было приподнять одну ступеньку. Крышка с внутренней стороны запиралась на прочный засов.

Маскировка туалета тоже была продумана. На второй ступеньке было круглое отверстие и вокруг человеческие экскременты. Немцы или полицаи, обнаружив такое, быстро заткнув нос, закрывали дверь туалета и удалялись. Мартовский погром в Минском гетто длился трое суток. Об этом имеется очень подробный отчет в немецких архивах:

Командир Гофман приказал с 1 по 3 марта провести в Минске и Койданово большую акцию против русских евреев обоого пола. Для сохранения в тайне намеченного мероприятия юденрату было сообщено, что 5000 евреев из гетто будут „переселены", они должны быть отобраны юденратом и собраны для отправки, каждый из евреев мог взять с собой багаж весом в 5 кг. Подлинная задача, стоявшая перед начальником полиции безопасности и СД, была сохранена в тайне. Когда утром 1 марта 1942 г. гетто было окружено, ни один еврей не был представлен юденратом к отправке..."

Теперь мы знаем, что за срыв „намеченного мероприятия" в юденрате поплатились жизнью многие и в первую очередь Илья Мушкин. А подразделения полиции безопасности и СД продолжали неукоснительно выполнять приказ.

„...Поэтому были введены в действие команды для освобождения от евреев части гетто... По отношению к ним была применена сила, а многие из них были расстреляны на месте. После очистки гетто в домах и на улицах лежало много трупов, позже они были убраны. На станции люди были погружены в вагоны, которые были соединены в длинный состав. Он был напра-

влен в Койданово, местечко в 30 км юго-западнее Минска, на железной дороге Минск-Барановичи-Брест. На следующий день, 2 марта 1942 г., все подразделения полиции и СД направились для расстрела пассажиров поезда. Для акции вблизи Койданово было подготовлено много траншей. Вначале евреев выгрузили из вагонов... Под охраной литовцев они были доставлены к траншеям. При этом применялась сила. Здесь им было приказано снять пальто и верхнее платье. Это было сделано для облегчения стрельбы. Затем евреям было приказано идти вдоль траншей, около которых стояли стрелки, вооруженные пистолетами. Команда насчитывала до 20 человек. Каждый стрелок периодически выбирал себе жертву - при этом он приказывал человеку остановиться или останавливал его рукой. Если жертва находилась в удобной позиции, солдат стрелял ей в затылок. Если после выстрела человек не падал траншею, его толкали в нее или сбрасывали туда".

Нельзя без содрогания читать этот скрупулезный протокол расстрелов минских евреев. И хоть тяжело это делать, но я позволю себе процитировать все до конца. Пусть читатель знает, как гитлеровские палачи решали „еврейский вопрос“:

„Группы евреев, находившиеся вдали от траншей, слышали выстрелы и могли понять, что уже началась массовая экзекуция, жертвами которой должны были стать и они. Позже, когда они увидели траншеи и лежавшие в них трупы, им, по крайней мере взрослым, становилось ясно, что им предстоит. Многие бежали, кричали, плакали, большинство покорились судьбе без воплей...

В этот день не удалось расстрелять всех людей. Поэтому экзекуция была продолжена 3 марта 1942 г. Всего было убито не менее 3 тысяч человек... Согласно сообщению № 178 от 9 марта 1942 г. во время акции, проведенной в Минске-Койданово, было расстреляно 3412 евреев".

(Из федер. архива в Кобленце 9 кс/62 Т. 19 №552)

В гетто после этого погрома тоже было множество трупов: в домах, во дворах и на улицах.

Полицейские-могильщики стаскивали их к Яме, находившейся на углу Заславской и Ратомской улиц. Эту операцию было легче делать, потому что дорога шла вниз под гору. Могильщики зацепляли застывшие на морозе человеческие останки багром, а иной раз веревкой или проволокой и тащили по обледенелой земле.

То была страшная процедура. Пока полицай дотянет несчастную жертву до места погребения, от трупа оставались одни кости, потому что все остальное стиралось на намерзших колдобинах.

Внизу, в Яме тоже находилось несколько могильщиков с баграми. Трупы они подтягивали к штабелю и складывали их, словно это были дрова. Так потребовал от них через переводчика прибывший на автомобиле какой-то высокопоставленный офицер.

Я был свидетелем происходящего. Наш дом был в 200 метрах от этой ямы. С другом Муней мы даже помогали спускать останки людей на дно ямы.

Под вечер всех убитых, наконец, притащили с ближайших улиц. Приехала машина с саперами. По распоряжению старшего из саперной команды в мерзлой стене полицейские выкопали большое углубление. Нас оттуда прогнали и заложили взрывчатку. Мы видели только, что по знаку офицера саперы подожгли быстро горящий шнур. Прогремел мощный взрыв. От происшедшего обвала земля накрыла братскую могилу.

Весной, когда снег стаял и в Яму побежали ручьи, многие тела расстрелянных всплыли. На ближайших улицах невозможно было дышать от запаха разлагающихся трупов. И снова немцам пришлось привести туда полицейскую команду, чтобы

закрыть могилу землей...

Как очевидец, подтверждаю, что некоторые приходили туда, поднимали колючую проволоку, пробирались к трупам в надежде найти пресловутое еврейское золото. Но ничего они там не находили, только рисковали своей жизнью.

И снова немцам пришлось привести туда полицейскую команду, чтобы зарыть могилу землей.

Яма. Так называли евреи место погребения тысяч людей в Минске. Здесь установлен небольшой памятник.

Глава шестнадцатая. СОСЕД ЕДИДЬЯ

Совсем по-другому сложилась судьба нашего соседа Едидьи. Это был высокий сероглазый мужчина лет тридцати. Блондинистая шевелюра, хорошо говорил по-русски - совершенно не похож на еврея.

От него я узнал о его похождениях в лесу и белорусских деревнях, прежде чем он добрался до партизан. Первоначально у них была группа из шести человек, но потом осталось трое: Едидья и два моих дяди - Гедали и Яша. Они и решили во что бы то ни стало найти партизан.

В лесу они натолкнулись на двух женщин и мужчину, которые заготавливали лес. Стволы деревьев были тяжелыми и, конечно, помощь троих мужиков вполне пригодилась местным крестьянам. Троица помогла погрузить на повозку несколько стволов, а потом они признались, что заблудились и не знают, куда идти.

Мужчина сказал им, что находятся они в лесу между станциями Радашковичи и Красное на железнодорожной линии Минск - Молодечно. Женщины были еще откровеннее и сказали, что в этих лесах действуют партизаны, но попадаются и вооруженные бандиты. Последние не только грабят местных крестьян, но и насилуют женщин. Разобраться, где партизаны, а где бандиты трудно, потому что все носят

военную форму. Потом одна из женщин показала им дорогу, ведущую к хутору и сказала:

- Там сейчас никто не живет, сможете переночевать.

- А где же найти хозяев хутора? - спросил Едидья.

- Они живут в деревне, если хотите, мы пришлем их к вам...

- Да, да, присылайте...

Попав на хутор, они решили по очереди дежурить и наблюдать за дорогой. Топить печку побоялись, чтобы не обнаружить себя. Ведь дым из трубы виден далеко и может привести нежеланных гостей.

Глухое безлюдное место им понравилось. И тут же родилась идея: собрать в их семьях побольше добротных вещей, одежду, обувь и даже золотые монеты царской чеканки и выкупить у хуторян хотя бы один дом. А затем из гетто вывести детей и родителей.

На третьи сутки очередной дежурный наблюдатель доложил, что к хутору движется телега, и на ней сидят двое мужчин и одна женщина. У беглецов из гетто нечем было обороняться. В наличии одна старая винтовка, но никто не умел из нее стрелять...

К счастью, оказалось, что приехавшие два брата - хозяева одного из хуторских домов. Стали беседовать. Братья рассказали, что до 1939 года у них здесь было большое хозяйство. Жили зажиточно, но пришли большевики и все добро отобрали, а землю передали колхозу. Теперь немцы обещают все вернуть. В разговоре были упомянуты евреи. Оккупанты их убивают. Один из братьев сказал, что три недели тому назад расстреляли всех евреев, в живых оставили только тех, кто обслуживал офицеров. Едидья

признался, что они хотят связаться с партизанским отрядом. В ответ братья пообещали, что разузнают, в каких местах у них находится база.

Чтобы задобрить хозяев хутора, Едидья, когда они собрались уезжать, снял с себя новый пиджак и отдал старшему брату. Потом на хуторе появился мужчина, которому они помогали пилить и грузить деревья. Он переночевал в своем доме, а когда уезжал, пообещал, что через своего хорошего знакомого узнает, в какие дни партизаны навещают в большую деревню.

Через несколько дней Едидья, Гедали и Яша, выменяв у хуторян какие-то вещи на продукты, решили отправиться на поиски партизан. После восьмичасового напряженного похода троица приблизилась к какой-то деревне. В сумерках в домах уже светились огоньки.

Вдруг на дорогу выехало несколько всадников. Раздалась команда: „Ложись!“ К ним приблизился человек в военной форме. Наставив оружие, он спросил:

- Кто такие? Откуда и куда идете?

Едидья откровенно сказал, что они ищут партизан, хотят воевать с немцами - ненавистными оккупантами.

Один из верховых, вероятно, командир, пьяным хриплым голосом приказал подняться и двигаться вперед. Как выяснилось позже, они попали не к партизанам, а к сбежавшим из концлагеря военнопленным, организовавшим банду, которая занималась грабежом и пьянством. Не все были согласны с таким образом жизни, и банда распалась на группы по 8-9 человек.

Обыскав троицу, бандиты отобрали у них винтовку и холодное оружие. И вновь беглецы из гетто стали беззащитными. Именно тогда Едидья последний раз видел своих товарищей - Гедали и Яшу. После войны их родственники пришли к мысли, что они стали жертвой одной из групп лжепартизан.

Сам Едидья попал в банду, которой командовал человек, назвавший себя „политруком". И все это время Едидья искал случая, чтобы бежать от бандитов и еще он старался, чтобы они не догадались о его еврейском происхождении.

Вместе с бандитами он пил вонючий самогон, пытаясь незаметно его выплеснуть под ноги, во всем соглашался с ними. В один из дней они устроили баню с парилкой. Тогда Едидья напросился в караул, чтобы его не увидели голым... Он стоял в охране с одним парнем, а потом их послали в парилку. Как не пытался Едидья скрыть, что он еврей, напарник тут же все понял. Но при этом после парилки протянул стакан самогона и сказал, что его не выдаст.

Едидья не поверил. Тогда тот объяснил, почему. Когда его сестра училась в мединституте, она забеременела от преподавателя хирурга-еврея. И этот хирург не бросил ее, а женился. После этого случая парень стал уважать евреев за порядочность. Он стал шепотом уговаривать Едидью, что ночью надо от бандитов сбежать. Он рассказал, что командир-„политрук" безжалостный человек. Он даже собственноручно расстрелял трех земляков-украинцев.

Изредка Едидье доверяли стоять в дозоре с винтовкой. В такие минуты он думал, как бы уйти с оружием от бандитов. А „политрук" часто вел откровенные разговоры о своей ненависти к большевикам

и евреям. Он даже приводил случай, когда арестовали его деда, пришлось следователю-еврею отдать свои золотые часы.

- Точно такие, как у тебя,- говорил он Едидье, подозрительно косясь на него.

От таких разговоров ему становилось не по себе. Едидья чувствовал, что „политрук" подбирается к нему...

В конце концов такой разговор между ними состоялся. „Политрук" прямо ему сказал:

- Признавайся, ты еврей?

На что Едидья стал что-то сочинять и ответил:

- Нет, мать у меня украинка, а отец действительно был евреем, но мать с ним не жила и вскоре вышла замуж за украинца, которого я считаю своим отцом.

После этого разговора „политрук" как будто успокоился, но Едидья чувствовал, что командир против него что-то замышляет.

На следующее утро командир снова был выпивший. Он построил всех девятерых и назначил караульных, а двум бойцам - Едидье и Сидоренко он приказал пойти в соседнюю деревню.

- Командир, для чего? - спросил Сидоренко.

„Политрук" усмехнулся и произнес:

- Там живут четыре девушки, сбежавшие из Минского гетто. Пойдем к ним „свататься"...

Потом командир отвел Сидоренко в сторону. Однако Едидья заметил, как „политрук" передал Сидоренко пистолет и что-то прошептал ему на ухо. Едидья заволновался.

- Командир, как же я? У меня нет оружия...

- Пойдешь в деревню без винтовки. Все, выпол-

няйте, - приказным тоном сказал „политрук“, а сам, шатаясь, пошел по нужде в кусты.

Едидья понял, что задумал командир. Если он сейчас что-то не предпримет, то его могут убить. Оглянувшись, не вернулся ли командир, Едидья тихо сказал Сидоренко, что знает о задании, которое ему дал „политрук“.

- Ты что?! - испуганно произнес Сидоренко. От неожиданности лицо его стало бледным.

- Я ведь твой друг,- сказал Едидья.- Хочешь, я подарю тебе на память самую дорогую вещь, которая у меня есть.

При этих словах Едидья, показывая свои золотые часы,* глянул, нет ли „политрука“. Улыбаясь, Сидоренко взял часы из рук напарника. Увидев его жадность, Едидья продолжал распалять интерес. Он показал, что в брюках внизу у него зашиты золотые монеты. Приподняв штанину, Едидья выставил ногу и спросил у Сидоренко, не хочет ли он пощупать эти монеты. Когда Сидоренко нагнулся для прощупывания зашитых монет, Едидья со всей силы нанес ему удар в челюсть и, не давая опомниться, еще раз ударил по голове. Затем он бросился бежать в лес.

Спасая свою жизнь, Едидья без отдыха бежал по лесу продолжительное время, потому что опасался погони. Затем он увидел за кустарниками мужчину и женщину. Они собирали хворост. Отдышавшись, Едидья подошел к крестьянам и спросил, знают ли они дорогу на Минск.

- Надо идти на Олехновичи, - объяснила женщина. - А там спросите...

По пути Едидья встретил парня из деревни, которую грабила банда во главе с „политруком“. Разго-

ворились. Парень рассказал, что живет с отцом и сестрой. Потом признался, что хочет уйти к партизанам, поскольку немцы стали угонять таких парней, как он, в

Германию.

Вместе они дошли до деревни и встретили там отца. Попутчик их познакомил. По внешнему виду они внушали доверие. Едидья спросил о работе, так как узнал, что хозяйство у них большое, много разного скота: коровы, овцы, свиньи.

- За хорошую работу,- сказал крестьянин,- буду хорошо платить. Оставайся у нас.

Едидья посмотрел на парня. Тот одобрительно кивал головой и ему вспомнились слова, что его попутчик тоже хочет уйти к партизанам. Единственное, чего он опасался, чтобы в деревне кто-то не выдал его немецким жандармам. Ведь за донос о новом человеке, появившемся в деревне, немцы давали килограмм соли или сахара.

Едидье повезло. Его надежды встретить настоящих партизан оправдались. Вместе с ним к партизанам ушли хозяин, в доме которого он остановился, его сын и дочка. Было это в начале 1943 года.

Партизанским отрядом командовал бывший старший лейтенант А. Д. Медведев. Это был боевой командир, и его отряд выделялся среди других тем, что наносил немецким гарнизонам чувствительные удары, регулярно совершал подрывы эшелонов.

Едидья в этом отряде показал себя отважным воином. Он часто участвовал в боевых операциях, был ранен в плечо, пережил немецкую блокаду. Несколько раз ему довелось встречаться с лжепартизанами из отряда „политрука“. Но он делал вид, что не знаком с ними.

ХАВА

Летом 1944 года перед самым освобождением Минска Едидья случайно встретил своего „друга“ Сидоренко. Произошло это на партизанском аэродроме. Там отряд Медведева получал вооружение и отправлял раненых на Большую землю.

Увидев Едидью, Сидоренко побелел лицом и стал оправдываться за свое поведение в банде, в которой верховодил „политрук“. Если бы тогда он отказался выполнить приказ, его бы расстреляли.

- А за твои удары я зла не держу, - сказал Сидоренко. - Должен тебе признаться, что хотя прошло с тех пор уже немало времени, но врезал ты мне хорошо. Это тебя тогда и спасло.

Сидоренко хотел вернуть Едидье подаренные часы, но тот отказался их принять:

- Мои часы будут тебе хорошей памятью от еврея, которого свои же хотели расстрелять. А теперь расскажи, какова судьба „политрука“. Неужели он до сих пор командует своей лжепартизанской бандой?

- Какой там! Еще перед блокадой это было. Партизанская бригада окружила наш отрядик. Да у нас-то была горстка бродяг и беспробудных пьянчуг. Предъявили ультиматум, велели сложить оружие. „Политрука“ арестовали. А остальные с радостью присоединились к партизанам. Распределили нас по разным отрядам. Теперь и на душе стало легче...

Так закончилась партизанская эпопея Едидьи. После войны, вернувшись в Минск, он стал служить в войсках МВД. Женился, в семье родилось двое сыновей. Когда разрешили выезд, вся его семья репатриировалась в Израиль.

Абраша, хавин брат, вернувшись домой после неудачного поиска партизан, тоже рассказал все своей старшей сестре Хаве, а также моим дядьям Яше и Гидали. Хава сказала ему, что в его отсутствие от страданий умерла их любимая бабушка. Абраша был ее самый любимый внук, которого она вырастила без отца и матери. Старший брат Борис со своими друзьями тоже ушел искать партизан. Он обещал, когда устроится, то вернется и заберет всех. Но от него вестей нет. В общем, все несчастья начались с уходом Абраши: бабушка умерла, брат Борис пропал. Но жизнь продолжается. Сама Хава каждое утро уходила на работу. Она старшая в колонне, занимающейся уборкой и расчисткой снега на железной дороге.

Хава была еще ответственной за набор рабочих. Так как она хорошо знала немецкий язык, немцы считали ее и переводчицей.

Каждое утро на углу Ратомской и Танковой, у скверика, где биржа труда, собирались молодые люди, желающие работать. За свой труд они получали похлебку и пайку хлеба. Это был очень скудный паёк из отходов немецкой кухни, но даже на него оказывалось очень много желающих. Голод терзал всех, особенно молодых. Кроме того, это был единственный узаконенный способ выйти из гетто, кое-что обменять *ц* вещей на продукты питания. Ведь дома оставались старики и дети, которых нужно было кормить.

Работая на железной дороге, Хава делала вид

что добросовестно выполняет все поручения немцев и хорошо следит за всеми. При виде надсмотрщика, она начинала покрикивать на рабочих, заставляя их не лодырничать.

Вместе с тем, Хава, улавливая моменты, когда никто не видит, забрасывала мелкие куски каменного угля в буксы вагонов. Чтобы никто этого не заметил, на страже у нее всегда стояла Жижка - девушка, которая жила рядом. Она подавала ей сигналы об опас-

Жижкин брат Нонка рассказывал нам, что Хава имела связь с подпольщиками. Она не только была переводчицей, но и распространяла листовки, поддерживала связь с партизанами. Еще она воровала у охранников, сопровождавших раненых немецких солдат, горячую пищу.

Однажды на вокзале Хава познакомилась с молодым русским рабочим, который приезжал из Дзержинска (это в 30 км от Минска). У него она обменивала одежду на продукты. Он утверждал, что сочувствует евреям и понимает их ужасное положение.

Один раз он попросил Хаву привести ему двух парней для работы в его доме. Он пообещал в дальнейшем переправить их в лес к партизанам. Якобы оказывая услуги евреям, он все больше и больше входил в доверие к Хаве. Он обещал, что свяжет ее с командиром партизан, которого хорошо знает, т.к. тот из их деревни. По наивности она прониклась к парню доверием.

Затем этот рабочий стал просить Хаву, чтобы она достала пишущую машинку и бумагу, в другой раз попросил для партизан бинты. Бинтов не было, и

женщины резали простыни на полосы и передавали Хаве. После этого он стал просить медикаменты и лекарства, якобы для раненых партизан. Один Бог знает, сколько было пережито Хавой трудностей и страха, чтобы достать все это.

Наконец, последняя просьба его была о том, чтобы Хава привела ему двух девушек - медсестер. Она стала расспрашивать всех, и нашлись две девушки из колонны, которые учились до войны на медсестер. У одной из них дома остался братишка 10-11 лет. Этот мужчина обещал устроить его пастушкой и затем переправить к сестре.

Проходят дни, мальчик плачет, что сестра пропала, а человек, который обещал его пристроить, не спешит выполнить свое обещание. Ежедневно мальчик спешил к приходу колонны и плакал, где его сестра, куда делась, он остался совсем один, так как всех родных убили, и он совсем голодный.

Рабочий с железной дороги находил причины не брать мальчишку к себе. Он принес ему несколько кусков сахара. Хава же, увидев сахар, задумалась. Это был немецкий сахар т.к. по виду он отличался.

„Откуда у него немецкий сахар?- подумала Хава, но потом успокоилась. - Может быть, он украл его у немцев.“

Между тем, рабочий попросил Хаву познакомить его с подпольщиками гетто или с людьми, связанными с подпольем. Она отказалась, сославшись на то, что ему опасно заходить в гетто и знакомиться с такими людьми.

Прошло некоторое время. Абраша, брат Хавы, рассказал о последнем дне, когда он ее видел. Это утро было, как всегда: Хава собиралась на работу. И

вдруг слышались резкие удары в дверь, а во дворе раздался лай собак.

Недолго думая, Абраша спрятался в „малине“. За печкой у них была двойная стенка из досок, и он мог там скрыться от посторонних глаз.

Стук в дверь повторился с большей силой. Хава открыла дверь и увидела перед собой немецкого полица и жандарма, за их спиной было несколько юденратовских полицаев. Хава спросила, что им нужно, и попыталась объяснить, что она старшая колонны и отвечает за 120 рабочих, что у нее есть „аус-вайс“, что они пришли, видимо, по ошибке. Абраше все было хорошо слышно, так как стенки были тонкими, но он ничем не мог помочь сестре.

А за стенкой начался допрос: где она достала пишущую машинку и бумагу, где живут семьи медсестер и множество других вопросов, на которые она отвечала, что ничего не знает. Хава много раз рассказывала братишке о молодом рабочем и его просьбах, поэтому Абраша смекнул, что этот парень скорее всего провокатор, подосланный к сестре, чтобы проникнуть к подпольщикам гетто.

Абраша, сидя в своем укрытии, отчетливо слышал удары, звон разбитого стекла, немецкую ругань, плач и крики сестры. Затем все стихло. Через некоторое время Абраша вылез из своего убежища. В доме царил полный беспорядок: разбитые стекла и посуда валялись вперемешку с вещами. Хаву увели, больше отважную девушку никто не видел.

В тот же день был схвачен подпольщик, наш сосед Ехиел Рольбин.

Глава восемнадцатая.

БУДНИ В ГЕТТО

Колючая проволока заграждений отделила нас от белого света, разделила мир на евреев и неевреев.

Хочу рассказать про обычный день в гетто - день без погромов, расстрелов, издевательств, будничных дней, каких было много.

С наступлением холодов зимой сорок первого положение в гетто да и во всем городе резко ухудшилось. В домах было только печное отопление, а для него требовались дрова. И в каждой семье ко всем бедам прибавилась еще одна: холод. Люди жили в нетопленных, выстуженных домах. Каждая семья решала проблему, где достать вязанку дров.

У нас в семье 15 человек. Дети спят на двухэтажных нарах, а взрослым не до сна - они всю ночь с беспокойством прислушиваются, не кричат ли где-то, не доносится ли с улицы стрельба, решают, не пора ли бежать в укрытие. Также не дают уснуть голод, холод, теснота. Ночь - самое тревожное время суток.

Утром встаешь, открываешь дверь, выходишь на улицу, озираясь по сторонам. Если люди в поисках работы идут в сторону биржи труда, то и мы с отцом отправляемся в том же направлении.

Говорят, человек привыкает ко всему и рядом со смертью все равно очень хочется жить, а для этого надо есть, пить, иметь хоть немножко тепла.

Тут нас надоумил папа. Старшим - мне и

одинадцатилетнему братишке он сказал:

- Посмотрите, сынки, сколько пустых домов кругом. А там ведь разбиты полы, перегородки, рамы, стропила. Все из дерева...

Мы стали заготавливать вязанки сухих хороших дров. В ход пошли балки из разрушенных домов. Мы таскали этот пиломатериал. А потом начали его продавать, вернее, выменивать. За вязанку добротных дров можно было получить какие-то продукты.

Еще большей проблемой было отсутствие продовольствия. Голод нас преследовал неотступно. Все время хотелось есть. Особенно это ощущали мы, подростки. Ведь растущий организм неумолимо требовал пищи.

Большим подспорьем была у нас торговля. В гетто торговали всем, чем только можно. Например, одеждой. Опытные портные перелицовывали пальто, пиджаки и брюки, шили ватовки, сапожники реставрировали обувь.

Самыми ценными продуктами, полученными за одежду, считалась мука и жир. Мы выносили за пределы гетто пальто и обменивали его на несколько кило муки. Этот продукт надо было еще умело внести на территорию гетто. Приноравливались. Муку расфасовывали в небольшие мешочки, подвязывал и их к телу и вносили за колючую ограду. Потом надо было еще эту муку продать или обменять у пекарей на хлеб.

Уже испеченный хлеб предстояло умело и выгодно продать. Резали его на порции и торговали. Для голодного человека пайка хлеба была спасением.

Мы пользовались отходами немецких столовых. После разделки на кухне вареные кости, которые мы

подбирали возле расположения немецких воинских частей, еще могли что-то дать. Из этих костей наша мама вторично вываривала вполне пригодный в пищу жир.

Любая работа вселяла надежду хоть что-нибудь принести в голодный и холодный дом.

Помню, обменяв папины туфли на муку и несколько картошек, я, радостный, бежал домой. Вдруг кто-то закричал: „Жандармы! Облава!“ Растеряв покупки, все бросились наутек, и я перевел дух только возле самого дома. Увидев меня с опущенной головой, мама сразу поняла, что то ли был налет, то ли полицай забрал еду. Но дети - мои младшие братишки и сестренки - не были в состоянии понять случившееся. Они обступили меня и с мольбой смотрели в глаза. Самые маленькие, стараясь задобрить, начали гладить мои штанины, ластиться ко мне. К ужасу, у меня не было даже сухой корочки, чтобы утолить голод малышей. Даже сегодня я с содроганием ощущаю эти взгляды, эти прикосновения. Больно! Милые мои малыши, простите, что я не мог накормить вас...

Подобное происходило в каждой семье, в каждом доме. Таких дней, или похожих на этот, было у меня 590...

В поисках, чем утолить неприятное сосущее состояние в желудке, мы, заглашали семечками. Однажды старшая моя сестра Ёха пришла с работы с доброй вестью. Один из наших знакомых Хаимке Гольдин обнаружил на товарной станции вагоны, в которых хранились подсолнечные семечки. Мы запаслись полотняными мешочками и побежали туда.

Там можно было, правда с риском для жизни,
в

проходящих составах поживиться.. Особой лихостью считалось прямо под носом у охраны стащить что-то.

Как-то солдаты поймали меня прямо на вокзале. Они повели меня по путям. Ну, думаю, сейчас пристрелят. Надо вырваться и убежать. Но один солдат очень крепко держал меня за руку. Затащили они меня в теплушку. Вычистили мои карманы, отобрали банку, с которой я ходил попрошайничать, поставили в углу вагона. Потом отлупили и выгнали. По-видимому, это были не немцы, а итальянцы. Они вели себя как-то не так жестоко. И я решил попросить, чтобы они вернули мне мою банку. Я ее очень ценил, потому что она была с „секретом“: одна банка вставлялась в другую - получалось там двойное дно. Сверху в банке суп, добытый в солдатской столовой, а под дном - несколько сотен немецких марок, которые я достал уже не помню где...

Расстаться с этими деньгами я не мог. Набрался смелости, вернулся к охранникам и стал умолять отдать банку. После неоднократных просьб они - таки вышвырнули мне ее. Суп вылился, но главное, что уцелели марки.

От радости, что сохранились деньги, я, не задумываясь о последствиях, с озорством крикнул охранникам по-немецки:

- Смотрите, тут у меня деньги!

Показал им фигу и убежал.

Мы еще пробовали спекулировать. Покупали на Суражском базаре продукты, а потом на станции раненым немецким солдатам продавали подороже. Они охотно покупали яйца, масло, сметану, потрошенных кур. Эти продукты крестьяне стали привозить на рынок, а мы их перепродавали немцам.

Запомнился мне старый солдат, по-видимому, он был фельдшером, сопровождавшим раненых солдат с фронта. Купив десяток яиц, он попросил принести еще. Я со своим напарником быстро сбегали на Суражский рынок, базар был недалеко от товарной станции, и доставили то, что он просил. Вероятно, солдат не догадывался, что мы еврейские дети.

Взаимовыгодная сделка состоялась. К немцам из того вагона мы вошли в доверие. На следующий день мы снова пришли к ним. По их просьбе на этот раз купили на базаре масло, правда, схитрили и вовнутрь положили камень. Мы уже знали, что больше с ними не встретимся, потому что во второй половине дня их вагон прицепят к поезду, идущему на

Нашим отчаянным поступкам не было предела. Дождавшись, когда немцы ушли с котелками на вокзал за горячим обедом, мы проникли в вагон. Хотя в некоторых купе лежали раненые, мы смело прошли по коридору и там, где не было людей, наворовали все, что попало под руку: зажигалки, ножи, часы и даже очки, и убежали. Через пару дней мы все это продали на толкучке в гетто.

Можно привести много эпизодов, как мы добывали пищу. Однажды мы с Ёхой все-таки попались. Как обычно, мы, голодные пацаны, собирались по трое или четверо. А недалеко от 10-го кирпичного завода находилась товарная станция. Вот там большинство и „промышляло“: то в вагон с продуктами проникнут, то на открытой платформе ящики вскроют. Тащили все, что под руку попадет. Только мы с сес- | трои Ёхой подошли к станции, слышим, с криком „облава!“ бегут в разные стороны подростки.

Ёха схватила меня за руку и потянула в сторону завода. За нами уже гнались жандармы с оружием в руках. Тогда сестра предложила спрятаться в кирпичный колодец и накрыться металлическим люком. Солдаты пробежали, не обнаружив нас. А мы чуть не задохнулись там от выходящего пара. Но зато избежали худшего.

В тот день во время облавы охрана поймала более десяти мальчишек. Несчастных избили прикладами, затолкали в кузов грузовика. Жандармы повезли их к еврейскому кладбищу на улице Сухой. Там у самых ворот ребят расстреляли, только один спасся, Янкеле Купер. Отчаянный был сорванец, помню, ходил в красном пальто. Это он нас вовремя предупредил о нагрянувшей облаве.

На следующий день после происшедшего я встретил его и спрашиваю:

- Янкеле, как тебе удалось от фрицев убежать?

- Они боялись до меня дотронуться, увидев, какой я завшивленный...

Из всего сказанного хочу сделать такой вывод: если бы не погромы, повседневные облавы с убийствами, то многие бы люди выжили даже в тех ужасающих условиях войны. От голода в гетто умерли бы сотни евреев, но не десятки тысяч, как это случилось в Минском гетто.

Глава девятнадцатая.

ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ НАШЕЙ СЕМЬИ

Утром 28 июля дома у нас был праздник. Накануне я с Ёхой принесли из города мешок с картофельными очистками. А мама была мастерица из них делать оладьи. Вот и на этот раз она решила всех нас побаловать и испечь настоящие драники. Причем жарила она их в русской печке так, чтобы они были румяными с обеих сторон и хрустящими. Ей это всегда удавалось. В общем, она на сей раз устроила нам настоящий праздник. Все дети были сыты. Это случилось первый раз за год оккупации.

Ничего плохого не предвидя, мы пошли на работу: я с папой на площадь Свободы, где были строительные объекты генерал-губернатора, а Ёха с младшим братом Геслом отправилась грузить горячие кирпичи на 2-м кирпичном заводе.

Дома с мамой осталась Элька, Хая, Ерухам и маленькая Тайба. Правда, одно обстоятельство вызывало тревогу. За несколько дней до 28-го было объявление, что в это утро все неработающее население гетто должно в 9 утра собраться на площади у юденрата.

„Зачем им понадобился новый сбор?“- каждый задавал себе этот вопрос. Ходили слухи, что это всего лишь требование жандармерии, чтобы жители гетто к своим желтым латам добавили зеленые нашивки. А

на самом деле это была запланированная акция уничтожения евреев. Кстати, теперь все носили на одежде еще белый лоскуток. Нашить его ниже под желтой латой требовал юденрат. На лоскутке был порядковый номер, соответствующий дому, где жил его обладатель (у меня, помню, был № 276).

После завтрака (настоящего, сытного!) ничего не подозревавшие дети решили сами идти к бабушке Ципэ. Это было недалеко - до Зеленого переуллка напрямую - рукой подать.

- Ладно, 1 согласилась мама. - Идите к бабушке и ждите меня. Как управлюсь, приду с Тайбочкой. Вместе пойдем к юденрату.

Нисколько не задумываясь, мама выпустила из дома Эльку, Хаю и Ерухама. Взявшись за руки, дети побежали к бабушке.

А в это время через центральные ворота уже входила в гетто колонна эсэсовцев. Они были в касках, с автоматами на груди. Дурной признак.

Мама завернула маленькую Тайбу в шарф и заторопилась к бабушке. Но что это? Издалека она увидела разбегающихся людей. Послышались выстрелы, крики, лай собак.

Задыхаясь, мама добежала до бабушкиного дома на Зеленом переуллке.

- Где дети? - спросила она с порога.

- Дети не приходили, - с удивлением ответила бабушка, ничего не подозревая. Она сама собиралась идти к юденрату.

Мама быстро положила Тайбу на кровать и велела всем спускаться в „малину“. Бабушке Ципэ она взволнованно сказала:

- Я побегу искать детей. Он и не могли далеко

уйти. Дойдя до угла Зеленого переуллка и пересечения улицы Ратомской, она увидела бегущих навстречу людей и цепь немецких автоматчиков. Путь был перекрыт. Она поняла, что поиски продолжать невозможно. Бегом вернулась в дом, вылила на пол ведро воды (это делалось, чтобы собаки не учуяли сидящих в укрытии людей). Крепко спящую Тайбу она решила не трогать, не тащить в душное укрытие. Только прикрыла шарфом, чтобы она не была заметна на кровати и быстро спустилась в „малину“.

Через несколько минут немцы ворвались в дом. Они стали крушить все вокруг: ломали мебель, швыряли посуду, открывали шкафы и выбрасывали одежду. Эсэсовцы искали людей и не находили их. Раздался один выстрел, потом второй и наступила тишина.

А в подполье, затаившись, сидело 11 человек. Кроме мамы, бабушки, там еще прятались мамина сестра Фрейда с двумя дочурками: пятилетней Хаей и Даной, которой было два с половиной года. Там же скрывались ребе Пейсах с женой и еще несколько человек.

В это же время я с отцом работал на ремонте четырехэтажного дома. Был теплый день. Открыв окна, мы штукатурили верхние комнаты дома, принадлежавшего генерал-комиссару В. Кубе. Когда до нас издалека донеслась стрельба, я забрался на крышу. Оттуда отчетливо было видно, как на Замковой и Димитрова собаки с лаем бросаются на людей.

Помню до сих пор картину, увиденную с крыши. По улице ковылял старик на костылях и рядом с ним двое маленьких детей. Там же стояла крытая машина,

в которую прикладами, дубинками загоняли людей. Много позже я узнал, что в ее герметический кузов до отказа наталкивали до 70 человек и душили выхлопными газами.

Эти газовые автомобили были пущены в ход после посещения Минска рейхсфюрером СС Гиммлером. Новый способ умерщвления евреев настолько интенсивно применялся, что начальник полиции безопасности и СД Остланда гауптштурм-фюрер Трюгес сообщал в главное имперское управление (страшное ведомство Гиммлера) следующее:

„Транспорты с евреями, которые должны быть подвергнуты особому способу обращения, прибывают еженедельно... Три газовых автомобиля, которые имеются... недостаточны для этой цели. Я прошу, чтобы прислали еще один газовый автомобиль (пятитонку). В то же время я прошу, чтобы переправили 20 газовых труб для автомашин, которыми мы располагаем (две - Диамонт, одна - Заурер), так как имеющиеся трубы уже пропускают газ”.

Что творилось в гетто, мы только догадывались. Лишь на четвертый день рабочих доставили к своим семьям. Полицейский открыл ворота. Но нам не дали пройти к дому прежней дорогой. Если раньше мы ходили вверх по Республиканской к Юбилейной площади, то теперь свирепые немецкие жандармы направили нас налево, на Обувную. Юденрат остался справа, а слева было еврейское кладбище. На подходах к этому кладбищу мы увидели что-то жуткое.

Нашим глазам открылась такая картина, что ее невозможно описать. То были плоды нацистских злодеяний за три дня погромов - двуколки с трупами вперемешку с окровавленными частями человеческих

тел. Особенно много таких двуколок было у ворот кладбища. Никто убитых не убирал. Так как Сухая улица шла под гору, а непрерывный дождь разбавил людскую кровь, то красные лужи и ручьи разливались по улицам гетто, по наклонности к юденрату.

Мы постояли несколько минут молча. Тогда же мне подумалось, что такое нельзя будет забыть. Мысль та оказалась сущей правдой. Прошло больше чем полвека, а двуколки с трупами евреев Минского гетто я до сих пор вижу во сне. (По этим своим жутким сновидениям я сделал коллаж, близкий к реальности. Пусть читатель представит эту страшную картину, рассматривая фотомонтаж на стр.117).

Надежда найти своих все же не покидала нас. Вместе с отцом я скорым шагом двинулся в сторону нашего дома. Последние метры мы просто бежали. Открыли дверь. В квартире все разбито, перевернуто, разграблено. Папа заплакал. Первый раз в жизни я видел слезы отца, как он рыдает. Я тоже плакал.

Уже без надежды застать кого-нибудь в живых мы побежали к дому бабушки Ципы. Папа приблизился к „малине" и горомко крикнул:

- Откройте, это я, Израэль!

Мама услышала папин голос и, осторожно открыв крышку, высунула голову.

- Ой, вей из мир! Исрозэлке!* - со слезами кинулась она к отцу. А он тихо спросил:

- Где дети?

Она дико оглянулась, развела руками. Потом подхватила шарф, протянула его нам и, обнимая

- Ой! Горе мне! (идиш).

меня, зарыдала. Я понял, что она не знает, где они.

Вслед за мамой из укрытия стали вылезать измученные, обессиленные, исхудавшие люди. Четверо суток они просидели без воды и пищи. От них исходил невообразимый запах испражнений. Ведь туалета в „малине“ не было, выйти наружу было равнозначно самоубийству.

Особенно страшно выглядела бабушка Ципа. Голова трясется, впавшие щеки бледны, как мел, глаза безумны. На вопросы она не отвечала и ни с кем не хотела разговаривать.

Мама рассказала, что маленькая Дана, дочурка Фрейды, все время плакала, просила пить. Никто не мог ее успокоить. Ребе Пейсах все время молился, просил Всевышнего, чтобы она замолчала. Не помогало. Тогда ребецун сказала:

- Во имя спасения всех нужно принести в жертву ребенка...

Бабушка Ципа хотела взять ребенка к себе. Но тут она почувствовала, что кто-то задушил девочку, потому что малышка затихла...

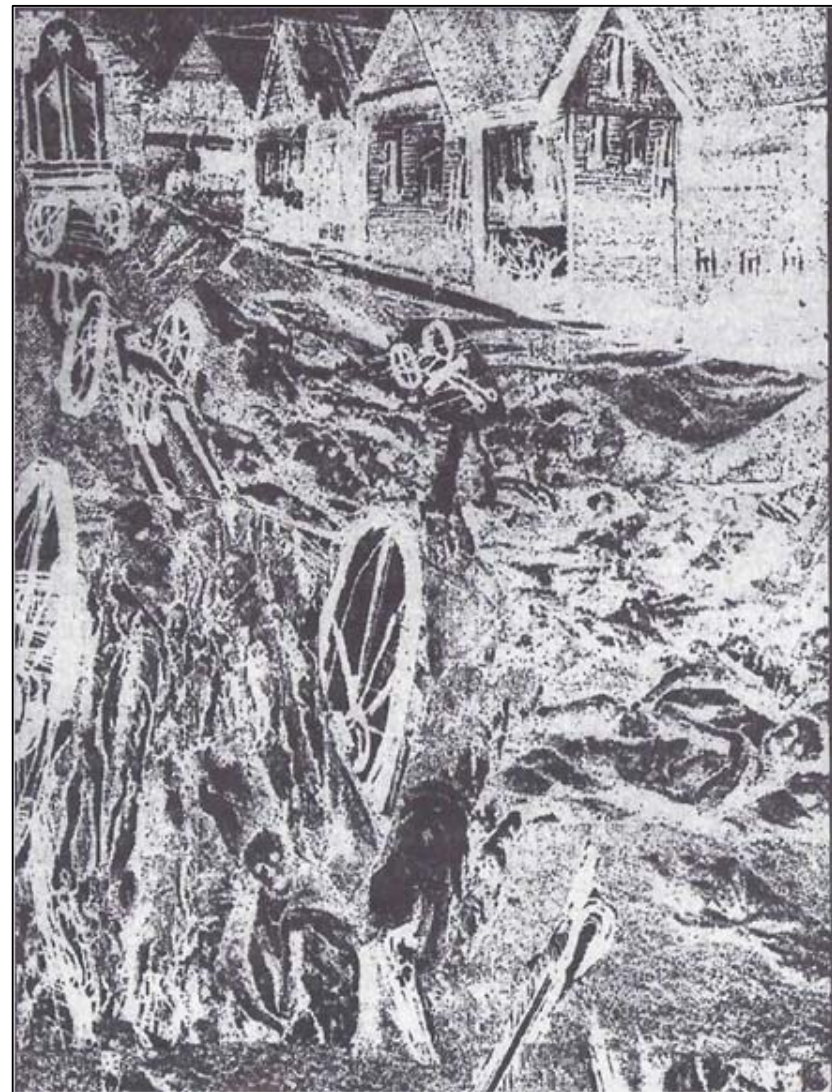
Я видел, что мама тоже была на грани помешательства. С воспаленными глазами, распущенными волосами, она выглядела, как безумная. Папа стал ее успокаивать.

А шарф, в который мама закутала Тайбочку, весь был в застывшей крови и с двумя простреленными дырками.

- Ву из майн Тайбеле!* - раздался ее вопль.

Наступила мертвая тишина. С расширенными от ужаса глазами папа и мама смотрели друг на друга.

* - Где моя Тайбочка! (идиш).

*Жертвы погрома в Минском гетто.
Коллаж А.Рубенчика*

Они не верили, они еще не могли осознать всего случившегося. Они остались без младших детей. Без Эльки, без Хаи, без Ерухама и без маленькой Тайбы, которую назвали по имени папиной сестры, погибшей в первом погроме в гетто. В тот день папа стал совершенно седым. А бабушка Ципа, наконец, произнесла несколько слов. Но что это были за слова! Чуть слышно она прошептала, что не хочет больше жить...

С этого момента она перестала говорить и не притрагивалась к пище. Мы пытались ее кормить силой, но было бесполезно. Она мычала и мотала головой, отталкивая от себя людей. Через месяц она умерла. Думаю, что не из-за отсутствия пищи, а от горя.

Бригада в которой работала Ёха, тоже вернулась в гетто на четвертый день. Им уже было известно о погроме, и они были убеждены, что из тоже везут на верную смерть.

И в пути, пока машина еще не доехала до ворот, Ёха сказала младшему брату:

- Гесл, прыгай и беги! Может, хоть ты останешься жить!

Она помогла ему спрыгнуть. И он ушел в вечность. Нашего любимого братишку мы больше никогда не видели...

А Ёха осталась жива. И она еще спасла многих: меня, папу с мамой, друзей, знакомых - всех, кого могла...

Это судьба.

Глава двадцатая.

СПАСАЮ МАМУ

Мы, дети в те страшные годы всегда были напряжены. Только это, как мне кажется, и спасло нас. Я все понимал, на все очень быстро реагировал. Память моя удерживает многое из того времени. Например, как наш папа болезненно воспринимал то, что мы, дети, добываем продукты запрещенными способами, проще говоря, воруем у немцев.

В душе, вероятно, он одобрял наши действия. Но он не мог позволить своим детям воровство. На этой почве в семье нередко возникали конфликты. Доставалось и мне и старшей Ёхе.

Но что было делать? Ведь мы жили в настоящем вражеском окружении. Каждый день мог стать последним. Запомнился мне случай, как я неожиданно спас маму.

Эта облава случилась после июльского погрома в 1942 году. Я проходил по Танковой, недалеко от биржи труда. Вдруг мне в глаза бросилась необычная ситуация. Я заметил, что к бирже, расположенной на углу Танковой, подъехала машина, полная жандармами и вооруженными полицияями.

„Ага, значит, они что-то замышляют,- подумал я с тревогой.- Неспроста у всех на груди автоматы...“

Вдруг меня пронзила мысль: „Мама!“ Я вспомнил, что она в это время наверняка должна стоять в

очереди за пайкой хлеба. У пекарни, которая находилась в трех домах от биржи, всегда толпились люди. Быстро подбежав туда, я обнаружил маму совсем близко от окошка, где выдают хлеб. „Как дать ей знать об опасности?“- пронеслось в голове. Не мешкая, приблизился вплотную и ущипнул ее за шею. От неожиданности она вскрикнула, выскочила из очереди и бросилась, чтобы наказать меня за озорство. Но мое испуганное лицо ее озадачило.

- Авремл, что такое?

- Мама, жандармы. Сейчас около биржи что-то произойдет, - тихо произнес я.

Она схватила меня за руку, и мы побежали домой. Услышав слово „жандармы“, люди и в очереди стали разбегаться.

Когда мы уже были далеко, то слышали выстрелы и крики людей. Всех попавшихся немцы без разбора стали загонять в крытые машины. Возможно, это были даже душегубки и все, кто попался в той внезапной облаве, уже никогда не увидели белого света...

И еще не забуду другой случай, происшедший недалеко от меня и показавший всю глубину безжалостности гитлеровских вояк.

В то время комендантом гетто уже был высокий худощавый немец Готтенбах. Почему-то мне запомнились его серо-зеленый френч, широкий ремень с кобурой на боку и длинная худая шея. Увидев его, все еще издали, скинув шапки, часто и неистово кланялись.

И вот я вижу, как на много метров впереди меня шагает подросток в ватке. Как только он заметил коменданта, с перепугу почему-то рванул в

сторону колючей проволоки. Это было по улице Сухой, где жили немецкие евреи. На ту беду пацан под проволокой зацепился и не мог оторваться. Ни назад, ни вперед. Заметив это, комендант подошел и хладнокровно наступил мальчику на шею. Тот стал от боли кричать и дрыгать руками и ногами. Готтенбах спокойно достал из кобуры пистолет и сделал два выстрела в голову мальчика. Потом комендант снял ногу с шеи убитого и также хладнокровно, как шел раньше, продолжил свой палаческий путь...

А вот другой случай нашего спасения. Обстановка в гетто настолько стала напряженной, что только бегство могло избавить нас от очередной облавы и уничтожения. Так мы и сделали, когда вечером слышали приближающуюся стрельбу.

Жили мы тогда в доме на 2-м Опанском переулке. Проволока, ограждавшая гетто, была совсем рядом. Не колеблясь, мы решили бежать. Втроем: мама, Ёха и я - подлезли под проволоку и рванули в сторону кирпичного завода. То было место работы сестры, и она потянула нас туда.

Расстояние до завода довольно приличное - больше шести километров. Вначале шли споро, но потом, когда добрались до места, от страха и волнения у меня и у Ёхи разболелись животы. Что делать? Находчивость сестры и на этот раз выручила. Она предложила на ночь забраться в заводскую бухгалтерию.

Здание это находилось недалеко от печей, где обжигали кирпич. Людей здесь не было. Мы в темноте нашли окно с форточкой, вынули стекло и открыли оконную створку. Так мы скрылись в этом бараке.

Ёха хорошо ориентировалась здесь. Мы оказа-

лись в длинном коридоре, где днем топились печи, обогревавшие комнаты. Чтобы согреться, мама легла у одной из печей у дверки, а мы с сестрой совали озябшие ноги прямо в топку с тлевыми углями...

В ту ночь самым страшным для нас был понос от страха. Туалета в здании не было. И мы стали ходить в мусорный ящик, который находился в конце коридора. Что будет утром, даже не подумали...

Когда стало светать, услышали, что открывается дверь. Света не было. Вошла уборщица и зажгла керосиновую лампу. Вонь в коридоре стояла невозможная. И уборщица стала ругаться и проклинать тех, кто это сделал.

А Ёха, увидев женщину - свет от лампы осветил ее лицо, подбежала к ней, стала целовать и плакать. Уборщица была ее знакомой. Несколько раз сестра обменивала у нее вещи на продукты, которые ей привозили сельские родственники Старого Села.

Доброе лицо женщины преобразилось. Она поняла, что пока не стало светло, нас нужно спасать. Главное, чтобы соседи нас не увидели. И она повела нас к себе домой, дала что-то поесть. Она разбудила мужа (дети спали в другой комнате) и спросила, как быть.

- Пусть пока скрываются у нас. Только дети не должны знать...

С этими словами он полез на печку, а нам велел забраться под их широкую кровать и лежать там тихо. Так мы в необычных условиях, под боком у немецкой охраны, находящейся на кирпичном заводе, провели целый день и ночь. А когда опасность миновала и мы узнали, что расстрелы прекратились, хозяева нас проводили. Без приключений мы вернулись в гетто.

Звали нашу спасительницу Наташа Шунейко. Спасая нас, она и ее муж рисковали своей жизнью. Бесстрашная Наташа не только тогда помогла нашей семье. И в дальнейшем она убедила Ёху, что мы должны всей семьей обязательно уходить в партизанский отряд.

Если мы хотим остаться жить, говорила Наташа по-белорусски: „Трэба з гетта цякаць у лес“.

- Рано или поздно, все равно вас убьют, - твердила она. - Уходите в лес к партизанам.

Куда идти? Мы ведь никогда не были за городом. Что такое лес, село, партизаны, мы даже представить не могли.

- Идите в Старое Село, - говорила Наташа Шунейко. - Там есть мои родственники. Они вас отведут к партизанам.

За столом у Шунейко мама и папа. Первая слева партизанка Сима Рубенчик, вторая - Наташа.

Глава двадцатая первая.

ЁХА УХОДИТ В ПАРТИЗАНЫ

И вот в один прекрасный день Ёха решилась. Одной ей не хотелось идти, было боязно, и она уговорила свою подругу. Для этого пришлось пойти на хитрость. Она сказала подруге:

- Ты занешь, Фаня, я видела твоего друга Сеньку с другой... Он на заводе помогал ей грузить кирпич...

Фаня от обиды заплакала.

- Давай уйдем в лес. Все равно, кроме смерти, нас здесь ничего не ждет, - сказала Ёха.

Ёха (слева) и Фаня
Каплан

Фаня колебалась. Но ущемленная гордость подтолкнула девушку на решительный шаг. Она согласилась бежать из гетто.

Как-то сестра не вернулась с завода домой. Утром мы стали спрашивать у тех, кто работал с ней:

- Где Ёха? Почему она вчера не пришла с работы? Куда она делась?

Рабочие сказали, что утром ее видели, а потом она исчезла. Даже старый чех (он возил их на завод) тоже искал ее, чтобы вернуть в гетто.

Я догадывался, что произошло. Она ушла по адресу, который ей дала Наташа Шунейко. Но с кем, никто не знал. А домашние не могли найти себе места: „Что с Ёхой?“

Никому о ее внезапном исчезновении нельзя было говорить. Находиться дома тоже было опасно. Ведь каждую минуту могло нагрянуть гестапо и за уход члена семьи в партизаны всех сразу расстрелять. Разные нехорошие мысли лезли в голову. Мы с мамой стали ходить по близким знакомым и просились пустить переночевать. Дома оставаться боялись.

Вспоминаю, что мы пошли к нашей соседке с просьбой пустить нас хоть на одну ночь. У нее тоже погибло семеро детей. Она пустила нас. Но вскоре вернулся с работы ее муж, ему наше присутствие не понравилось. Произошел скандал. Он бросил на пол котелок супа со словами:

- Зол фарбрент верн майн лебн!*

После этого мы молча собрались и ушли. На улице постояли и в отчаянии решили: „Что будет - то будет“. Вернулись домой. Другого решения не нашли.

Пусть сгорит моя жизнь! (идиш).

Объясню, что в тот момент мы подвергались двойному риску. Смертельна была сама жизнь в гетто - ежедневно могли убить. Ну, а если станет известно об уходе Ёхи предателям-ищейкам из опер-отдела юденрата? Это ведь тоже конец.

Но на своих соседях мы зла не таили. Впоследствии мама даже просила Гинду и их вывели в партизаны, а тот злой сосед стал у командира Зорина адъютантом. Они друг друга знали еще до войны.

Что же в это время происходило с нашей Ёхой и ее подругой Фаней? До Старого Села они добрались благополучно. Пришли в дом к Наташиной родственнице, та их покормила, но боялась оставлять на ночлег. Пришлось девочкам с промокшими ногами опять идти в лес.

Это было в начале марта сорок третьего. Выбившись из сил, они сели на пригорке, где уже сошел снег. Перспектива ночевать в лесу пугала.

Измученные, растерянные, они не знали, что делать. Фаня предложила идти обратно в гетто.

- Там хоть крыша над головой будет... В ответ Ёха вздохнула:

- Да, тут нам плохо, но там еще хуже будет. Ты забываешь, там все равно убьют...

Потом, чтобы припугнуть Фаню, она сказала:

- Ты, Фаня, иди. А я повешусь. Встретишь маму, скажешь ей об этом...

Она взяла шарф, который остался от убитой сестренки Тайбы, и молча закинула его на сук дерева. Фаня стала плакать:

- Ёха, что ты делаешь? Я не хочу оставаться одна. Я боюсь!

Сестре это и нужно было. Она напугала свок

подругу, чтобы та ее слушалась.

Солнце уже клонилось к закату. И тут они увидели вдали человека с винтовкой. Между собой подруги договорились, что сказать, когда он подойдет. Если это будет полицейский, то скажут, что пришли менять вещи на продукты, а если партизан - будут просить, чтоб взял с собой в отряд. Ну, а если вдруг начнет приставать, Фаня отвлечет внимание на себя, а Ёха стащит винтовку и застрелит его. Такой наивный план они придумали...

На их счастье это оказался партизан, который был сам из Старого Села. Он повел их на ближайшую улицу, завел в дом к знакомым, попросил накормить девчат и дать сухие портянки. Потом партизан ушел, но обещал за ними вернуться, свое слово он сдержал. Через некоторое время вернулся и взял их с собой до деревни Птичь. Оттуда они пошли в Лисовщину. Это уже было в 35 километрах от Минска. Здесь начиналась партизанская зона.

Их спаситель снова завел в дом и попросил хозяйку устроить девчатам ночлег. Спали они на печке. Утром Ёха с недоверием следила за молчаливой хозяйкой, которая возилась у припечка. Но женщина повернулась к ним с улыбкой и посмотрела добрыми глазами:

- Господи, что война наробила. Такие молоденькие, а должны скитаться, где попало...

Под вечер в дом вошли двое партизан. В одном из них девочки узнали друга фаниного брата - Сеньку Шварца. Они очень обрадовались встрече, а Сенька первым долгом спросил:

- Как давно вы ушли из Минска?

- Прошло три дня, - улыбнулась Фаня. Ёхе

и евреям. Он даже приводил случай, когда арестовали его деда, пришлось следователю-еврею отдать свои золотые часы.

- Точно такие, как у тебя,- говорил он Едидье, подозрительно косясь на него.

От таких разговоров ему становилось не по себе. Едидья чувствовал, что „политрук“ подбирается к нему...

В конце концов такой разговор между ними состоялся. „Политрук“ прямо ему сказал:

- Признавайся, ты еврей?

На что Едидья стал что-то сочинять и ответил:

- Нет, мать у меня украинка, а отец действительно был евреем, но мать с ним не жила и вскоре вышла замуж за украинца, которого я считаю своим отцом.

После этого разговора „политрук“ как будто успокоился, но Едидья чувствовал, что командир против него что-то замышляет.

На следующее утро командир снова был выпивший. Он построил всех девятерых и назначил караульных, а двум бойцам - Едидье и Сидоренко он приказал пойти в соседнюю деревню.

- Командир, для чего? - спросил Сидоренко. Я

„Политрук“ усмехнулся и произнес:

- Там живут четыре девушки, сбежавшие из Минского гетто.. Пойдем к ним „свататься“...

Потом командир отвел Сидоренко в сторону. Однако Едидья заметил, как „политрук“ передал Сидоренко пистолет и что-то прошептал ему на ухо. Едидья заволновался.

- Командир, как же я? У меня нет оружия...

- Пойдешь в деревню без винтовки. Все, выпол-

жду собой на идиш. Дозорному на посту почудилось, что кто-то говорит по-немецки, он схватился за винтовку:

- Стой! Кто такие?

- Свои, - и сидящие на санях продолжали спокойно ехать.

- Стой! - повторил часовой. - Стрелять буду!

- Ты что, Шепсл! Своих не узнаешь? Хорошо присмотревшись, дозорный, узнав

Фельдмана и еще двух партизан, опустил винтовку. Партизаны объяснили, что везут в отряд двух девочек - подростков, бежавших из Минского гетто. Дозорный был Шепсл Шпрингер, сам в прошлом узник гетто из Городка. Он сказал, что нужно спросить у командования партизанского отряда, что делать с ними.

К счастью, в этот момент к посту подъехали верхом на лошадях комбриг и его адъютант. Шепсл остановил их и стал объяснять ситуацию. Выслушав рапорт, комбриг Васютин велел от его имени направить девчат в отряд. Так Ёха и Фаня оказались в партизанском отряде Старицкого.

Начались партизанские будни. Вскоре в отряде они встретили Думского, который в Минске жил рядом на Зеленом переулке. Девчата рассказали партизану о печальных событиях, происходящих в еврейском районе города. Ёха призналась ему, что ее не покидает мысль о том, что надо быстрее спасти из гетто всех, кто может уйти, родственников и друзей.

- Согласен, - кивнул Думский. - Но делать это надо с умом. Ходить туда из леса очень опасно...

Опасения партизана Ёху не остановили. Она стала действовать. Вспомнила, что одна ее знакомая призналась ей, что дружит с бельгийцем. Тот работает

у немцев шофером. Он знает, где можно достать оружие.

Вскоре подвернулся случай, и она о своих планах и полезном бельгийце рассказала командиру отряда Старицкому. Между ними произошел такой разговор:

- А ты уверена, что бельгиец может достать оружие? - поинтересовался командир отряда у девочки.

- Постольку поскольку, - уклончиво ответила Ёха. - Он говорил, что хочет уйти к партизанам.

- Ты готова идти в Минск? - спросил Старицкий.

- Тебе не страшно?

-Нет.

- Тогда я должен получить разрешение...

Командир отряда доложил о замысле высшему начальству. Получив одобрение, Старицкий велел сестре пойти к комиссару бригады Ивану Петровичу Казаку, которому поручили заняться этой операцией. В прошлом командир Красной Армии, Казак был из местных, родом из белорусской деревни Понижаны Заславского района. Он вызвал Ёху:

- Скажи мне, ты действительно знаешь, где в Минске можно добыть оружие?

- Это знает бельгиец, ухажер моей знакомой...

И сестра снова пересказала свою версию, а также предупредила, что если не удастся все сделать, то она хоть приведет в отряд несколько парней, достанет в городе медикаменты.

Комиссар согласился и повез Ёху в Старое Село. Задание она получила довольно сложное и опасное: добраться до Минска, побывать в гетто, связаться с подружкдй и с бельгийцем, у которого есть

оружие, подготовить почву, пробраться в больницу и добыть лекарства. Облегчало выполнение этого поручения лишь два обстоятельства. Внешне сестра не была похожа на еврейку, и она хорошо знала в гетто все входы и выходы.

У нас дома Ёха появилась так внезапно и неожиданно, что мы поначалу все опешили. Спустя минуту бросились ее обнимать и целовать. Нашей радости не было конца.

Прошло совсем немного времени, как сестра ушла из города. Но как она изменилась! Одета она была, как типичная белорусская крестьянка. На голове цветная хустка*, на теле черный искусственного меха жакет, широкая юбка. В корзине у нее лежали два десятка яиц и банка сметаны. Заметив наши восхищенные взгляды, она с гордостью сказала:

- Я теперь партизанка! Меня приняли в отряд! И пришла я в гетто по заданию командования!

Ёха сразу же послала меня за ее подругами, работавшими на кирпичном заводе, откуда она ушла в лес. Я их привел. После объятий и поцелуев она стала девчат обстоятельно расспрашивать. Оказалось, что не так все просто, как ей казалось в лесу. Дело это опасное. Чтобы убедить бельгийца, нужно время. Может быть, неделя - две, а в гетто каждый час все меняется.

Поразмыслив, сестра решила не рисковать ни нами, ни своими подругами. Внезапно она распорядилась:

- Кто готов - уходим сегодня вечером.

Мама поддержала ее призыв, оставалось полу-

Хустка - платок (белорус.)

читать согласие папы, но он был на работе. А я с Гиндой бросились оповещать всех надежных друзей и знакомых, давно мечтавших уйти в лес к партизанам. То были свои ребята. С многими из них мы ходили на товарную станцию добывать продукты питания.

Точно помню, что в первую очередь эту хорошую новость я передал Янкелю, Хаиму, Бете, Ларисе, Гришке-танцору. Вероятно, и резонанс от этого сообщения был очень полезный: среди жителей близлежащих улиц в гетто распространился слух, что налажена связь с партизанских отрядом: оттуда пришла девушка и объяснила, как туда идти через Старое Село...

Партизанка Гинда

Глава двадцать вторая.

МАРШРУТ К ИЗБАВЛЕНИЮ

Мы спешно готовились в путь. Нас было человек десять: я, мама, Гинда, подруги Ёхи, работавшие с ней на кирпичном заводе: Лиза, Сутина Ёха, Цукерманы - мать и дочь, Фанина мама и сестра. Папа решил еще остаться работать, с женщинами он боялся идти.

- Я приду сам в Старое Село,- сказал он маме на прощание.

Сестра всех предупредила, чтобы взяли с собой только самое ценное: серьги, брошки, золото, то есть все то, что можно было у крестьян обменять на оружие. Она каждому объяснила, что идти будем ночью, поэтому очень важно наблюдать друг за другом, чтобы в темноте не потеряться.

Я и Гинда сбегали на базар. На припрятанные мною немецкие марки накупили махорку, спички, сахарин, соль, бинты для перевязки и многое другое. Всего уже не припомню...

Место сбора Ёха назначила в конце 2-го кирпичного завода. Дорогу до него все хорошо знали. А оттуда начиналась дорога, ведущая в Медвежево.

Возбужденная сестра каждого подробно инструктировала. Первым долгом, не оставлять следов, уходить скрытно, не группироваться, соблюдать дистанцию. Уже стемнело, когда мы в разных местах ста-

ли нырять под колючую проволоку и уходить через русский район в сторону 2-го кирпичного заода.

Меня нарядили, как жениха, в куртку, новую зимнюю шапку-ушанку, чтобы особенно не выделялся еврейский нос... До места сбора надо было пройти довольно длинный путь - километров шесть. Помню, что в дороге Ёха держала Гинду за руку. Она еще была совсем ребенком - одиннадцать лет. Они шли впереди. А меня под руку вели две женщины. Мама была тоже с нами.

Уже много времени мы в дороге. Прошли двенадцать километров. Вдруг узнаем, что Ёха дальше идти не может. Выясняется, что она падает с ног от усталости и... очень хочет спать. Причина понятна: ведь она более двух суток не спала. Женщины по очереди стали помогать ей идти, лишь бы не стоять, а двигаться вперед, подальше уйти от города.

Наконец, добрались до Старосельского леса. Местами еще лежит тающий снег, в темноте между деревьями жутковато, сыро и холодно. Вздрагиваем от каждого незнакомого звука и шороха. В темноте слышатся какие-то дальние завывания зверей. Это пугает и настораживает.

Всё внимание приковано к нашему вожаку. Ёха от многокилометровой ходьбы без привычки натерла ноги. Ей меняют портянки, женщины дают разные советы. Продолжаем движение. Незаметно начинает светать. Мы выходим на опушку леса и вдали видим силуэты хат. Всем стало веселее. Кажется, мы у цели.

Сестра берет с собой двух девушек и идет в деревню. Все остаются в лесу. От напряженного ожидания в голову лезут всякие страхи. А вдруг в Старом Селе каратели?..

Наши разведчицы скрылись из виду. Ёха предупредила девчат, что если их остановят, то они должны сказать, что пришли менять вещи на продукты. По знаку сестры, разбившись на группы, не спеша двигаемся в сторону деревни.

Ёха заходит в тот дом, где она в первый раз нашла ночлег вместе с Фаней. Она уже знала, что хозяйка надежный человек и связана с партизанами. Мы тоже входим в эту гостеприимную хату.

После долгой дороги не мешает подкрепиться. Хозяйка греет в печке воду, приносит из сеней две гладышки с молоком. Мы делимся с ней сахарином. За нехитрым завтраком эта добрая женщина дает нам несколько дельных советов:

- В отряде больше всего ценят оружие. Без него вам там делать нечего...

Ее спокойные и мудрые слова охлаждают наше приподнятое настроение. Кто-то из женщин спрашивает, что делать. Хозяйка уверенно отвечает:

- Шукаць трэба зброю...*

Она рассказывает, что в лесу и вокруг Старого Села шли тяжелые кровопролитные бои, и красноармейцы побросали много винтовок и патронов. Поэтому каждый должен искать оружие, боеприпасы.

Все соглашаются с предложением хозяйки. Ёха разбивает нас на небольшие поисковые группки, и мы по совету хозяйки отправляемся в определенную сторону леса.

Наш поход оказался результативным. Мы много чего нашли: затворы, стволы, обоймы с патронами, сумки от противогазов и много других военных вещей.

Днем в Старом Селе появился комиссар партизанской бригады Иван Петрович Казак. Он забрал с собой Ёху и еще семь человек. Они унесли все найденное оружие и купленные в Минске сахарин, соль, махорку и другие необходимые и дефицитные продукты.

Хотя сестра полностью задание командования не выполнила, ее не наказали по ряду обстоятельств. Спасло ее то, что все-таки вернулась она не с пустыми руками. И комиссар бригады Казак отдал должное ее сообразительности и смелости. Он полагал, что в дальнейшем, набравшись опыта, девушка сможет лучше выполнять сложные задания.

А нас комиссар И.Казак в бригаду имени Чкалова не взял. Уходя, он сказал те же слова, что и партизанская связная, которая нас приютила в своем доме, надо упорно продолжать искать оружие. Только с ним мы станем полноценными людьми, и тогда нас смогут принять в отряд.

Много позже из архивных документов я узнал, какой трудный боевой путь прошли организаторы партизанской бригады Иван Казак, Яков Дук, Михаил Грибанов, Иван Кузнецов (погиб), Сергей Плахин и многие другие. Вот отрывок из донесения командира бригады имени Чкалова М.И.Грибанова:

Первоначально базирование бригады было в Заславльском районе, в Старосельском сельсовете (Старосельский лес). С наступлением весны и увеличением численности отряда решено было перейти в Налибокскую пуцу... Подходя ближе к пуце, отряд двигался днем. Население в многих деревнях встречало нас хорошо. Особенно интересная для нас встреча в то время была организована учителями дер. Боровиковщина... Когда мы вошли в деревню, население встретило нас криками „ура“... (Из сб. „Всенародное партизанское движение в Белоруссии“)

Мы не унывали, жили надеждой, что и нам повезет. Ведь главное было достигнуто - мы избавились от ненавистного режима. Теперь мы свободные люди. Маршрут в Старое Село принес нам свободу и человеческое достоинство.

Я, мама и Гинда оставались в Старом Селе. Нам нужно было заслужить признание партизанских командиров. Для этого следовало не отчаиваться, а продолжать ежедневно выходить в лес.

Каждый надеялся найти оружие. А с ним обязательно уйдем в Налибокскую пуцу, станем настоящими партизанами. Мы горели желанием мстить гитлеровцам и их прислужникам за страдания, пролитую кровь и гибель тысяч невинных евреев.

Глава двадцать третья.

ВТОРОЙ ПОХОД ЁХИ

Новое задание Ёхи было особо важным: вывести из гетто несколько человек, оказавшихся в опасном, критическом положении. Речь шла о сыне бывшего председателя юденрата М.Иоффе и семье Кастелянца.

Начальник особого отдела партизанской бригады им.Чкалова Зубов и комбриг М.Грибанов возлагали на Ёху большие надежды. Ведь она хорошо знает обстановку в гетто, и первое задание хоть не полностью, но выполнила оперативно и без потерь.

Беседуя с ней, Зубов объяснил, почему новое задание такое срочное и опасное.

В юденрате работает Катя Садовская. Она является законспирированной связной между отрядом и подпольщиками в лагере евреев-военнопленных на улице Широкой. Бывший заключенный этого лагеря Кастелянец вошел в доверие к гитлеровцам, но он настоящий патриот и многое уже сделал для партизан.

Предстоит осуществить его план. Он убедил начальника снабжения лагеря немца Штаубе, что тот может хорошо заработать, если согласится на доставку грузовика с картошкой. Немец согласился и выделил машину с шофером, охраной и шестью грузчиками из числа военнопленных. Был среди них и Кастелянец.

„Заготовители“ прибыли в Ивенецкий район. Когда нагруженная картошкой машина стала отъезжать, борт как бы случайно приоткрылся и картошка начала сыпаться на землю. На самом деле это было сделано умышленно. Охранник, сидевший сзади в кузове, крикнул, чтобы постучали в кабину и остановили автомобиль.

В результате военнопленные бросились на охранника, отобрали у него оружие, убили немца-шофера и сидевшего рядом с ним унтер-офицера. Эта операция была спланирована разведчиками бригады имени Чкалова.

Чтобы снять подозрение, что в лагере для военнопленных существует подпольная организация, партизаны подъехали к захваченной машине, перегрузили картошку на подводу, перевернули грузовик и, предварительно прошив пулями кузов, сожгли его.

Операция удалась. Гитлеровцы решили, что произошло нападение партизан. И все-таки командование бригады во главе с Михаилом Грибановым решило срочно отозвать из Минска своих связных.

Ёхе в особом отделе показали целый список, в котором было указано, что предстоит в гетто и городе обязательно сделать. Её предупредили: опасность похода усилилась, так как в Минске циркулируют слухи, что партизаны постоянно выводят узников гетто в лес. Да и независимо от этого люди сами стали по своей инициативе уходить из города.

На этот раз Ёха вошла в гетто вместе с рабочей колонной, которая возвращалась в конце дня. Правда, пришлось поволноваться, потому что полицаи внезапно стали у ворот пересчитывать людей. Но все обошлось.

Ночевала сестра у жены Кастильянца, жившей на улице Обувной. Туда же она собрала нужных людей, а некоторых оповестила по списку, который ей прочел и велел запомнить Зубов. Группа оказалась довольно большая и возникла проблема незаметного ухода из гетто.

Катя Садовская, работавшая в юденрате в подчинении Эпштейна, предателя-еврея, с помощью Миры Строгиной сделала себе аусвайс, разрешающий ей как сотруднице юденрата выход в город для починки пишущей машинки.

На следующий день Ёхе предстояло вывести людей из гетто. Было решено уходить в десять утра, когда рабочих уже не выводят и бдительность охраны притуплена. Впереди шла Катя, а за ней с ребенком Кати на руках Ёха. Обе они особенно боялись встречи с Эпштейном.

Приблизившись к воротам гетто, они остолбенели от страха. Навстречу им шел сам командир СД Рюббе в сопровождении охраны, переводчиков и Эпштейна. У Ёхи выступил холодный пот, ей казалось, что сейчас их схватят и операция потерпит провал...

Но, к счастью, враги не обратили на женщин внимания. Они были увлечены каким-то разговором. Для беглецов из гетто все окончилось благополучно. А Эпштейн, когда на следующий день узнал, что в юденрате не вышла на работу Садовская, исчезла пишущая машинка и за колючую проволоку ушла большая группа евреев, был вне себя от ярости. Он понял, что видел их и мог задержать... Теперь он боялся об этом доложить немецкому начальству, чтобы не вызвать гнев, который мог плохо кончиться для него самого.

Ёха в этот раз не стала вести людей по дороге

на Старое Село. Она знала, что там теперь постоянно патрулируют жандармы, и пробиралась обходными путями, от хутора к хутору. И вот, наконец, условленное место встречи. Сам комиссар Казак ждал прихода людей. Иван Петрович расцеловал Ёху, поблагодарил за успешное выполнение задания.

В результате второго похода сестры в Минск она вывела к партизанам троих детей и двенадцать взрослых. Среди них были два хирурга. Партизанам доставили много медикаментов и хирургического инструмента, пишущую машинку и батареи для радиопередатчика. Все это передали в бригаду минские подпольщики, а принесли в лес сами те, кто вышел с Ёхой.

Хочу еще раз воздать должное людям, жившим в Старом Селе тогда и живущим в нем сейчас. В леса и к партизанам евреи уходили разными путями. А вот из Минского гетто (после второго похода Ёхи) самый надежный путь спасения стал через Старое Село. Я хочу привести здесь отрывок, объясняющий, почему его жители с таким уважением относятся к евреям:

„Давно, еще до революции жил в Старом Селе простой крестьянин-еврей Евна. Он служил у местного помещика управляющим. Евну любили жители села, он был для них большим авторитетом. Белорусы ценили в нем доброту, честность, ум, принципиальность.

Осенью 1930 года в Старое Село приехала комиссия создавать колхоз. Крестьяне заявили: „Как Евна, так и мы. Евна пойдет в колхоз, мы пойдем, Евна не пойдет, мы не пойдем“. Когда к нему пришли из комиссии, Евна отказался записываться в колхоз. Председатель потащил старика к сельсовету и столкнул в глубокую яму.

Был конец октября. Шел мелкий холодный дождь. На дне ямы стояла вода. Два дня пробыл старик в яме. На третий день

по заданию председателя из Минска привезли его зятя, чтобы тот уговорил Евну. Старик долго не мог говорить. Но когда зять стал настаивать, старик, всхлипывая, ему прокричал: „Что с тобой, Янкев? Ты ученик великого Хофец-Хаима, неужели не понимаешь, что они делают?! Они отбирают у крестьянина его добро! У крестьянина, у которого все, что у него есть, сделано его руками, руками его отца и деда. От табуретки до стен хаты... Сколько пота впитала его земля! И если власть может у него это отобрать, что это за власть? Для них же нет ничего святого! Они будут убивать людей. Ты понимаешь, кто они такие?“

Не сумел Янкев уговорить старика. Председатель на следующий день спустился в яму, взял руку еле живого старика и вывел на бумаге какие-то каракули... На очередном собрании он размахивал бумагой, якобы подписанной Евной. Крестьяне отворачивались от него, молча записывались в колхоз...

Скончался Евна в возрасте 114 лет. Успел умереть своей смертью до массовых расстрелов, начавшихся после убийства Кирова в 1934 году... А память о старом еврее Евне передавалась жителями Старого Села из поколения в поколение... Поэтому они помогали евреям, чем только могли, в страшные годы войны..."

(Из кн. Арона Скляра „Еврейская духовная жизнь в Белоруссии“, Мн., 1996).

Не знаю, чем бы мог я отблагодарить жителей Старого Села за их благородный подвиг? Рискую своей жизнью, они впускали в свои дома бегущих от смерти узников гетто.

Встречаясь после войны с выходцами из гетто, бывшими партизанами, я всегда с благодарностью вспоминал о населении тех районов, где мы действовали. В Минском гетто не было дома, где бы тайком не говорили о Старом Селе, а также о Лисовщине и Скирмонтово - трех белорусских деревнях, через которые пролегал путь в партизанские отряды.

Глава двадцать четвертая.

НА ПТИЧЬИХ ПРАВАХ

Итак, шесть человек в том числе и я, оставшихся в Старом Селе, продолжали искать оружие. Ежедневно мы уходили в лес, как на работу. Но это была тяжелая жизнь скитальцев: каждый вечер просились на ночлег, добывали пропитание. Порой даже приходилось отдавать вещи за то, что тебя накормят и дадут возможность ночевать в тепле.

Весна брала свое. С каждым днем солнце все больше прогревало воздух, звенела капель. И мы приспособились ночевать на сеновалах, в сараях и других местах.

Иногда в селе появлялись партизаны. Каждый раз мы просили их забрать нас в отряд. Многие сочувствовали, кормили, но прав для определения в отряд не имели.

Бывало отведут подальше от Старого Села в другую деревню, наберут для нас хлеб, молоко, устроят переночевать. Конечно, это имело значение, но проблемы не решало.

А среди партизан попадались и нехорошие люди, даже насильники. Помню такой случай. Как-то вечером прозябших, голодных нас впустила к себе переночевать одна крестьянка. Накормила, потом велела лезть на печку, чтобы мы смогли отогреться. На печке поместились пять человек, а одна женщина бы-

ла полная, ей тяжело залезать наверх, да и места на печке уже не оказалось. Пришлось ей лечь внизу на лавке. Ночью раздался стук в дверь. Хозяйка открыла, это были партизаны. Я лежал с краю, за мной мама, Гинда и еще двое. Вошли четверо здоровых мужчин. Один подвыпивший стал приставать к полной женщине, которая лежала на лавке. Слышу, как она говорит: „Что ты, сынок, я старая“. Ей было лет 45. Несмотря на просьбу женщины оставить ее в покое, тот парень добился своего. А за ночь с ней переспали все четверо.

А мы упорно продолжали искать оружие. И вот однажды мне все-таки повезло. В лесу я заметил странный бугорок, стал ковырять его и наткнулся на металлический ствол. Очистил от земли и вытащил целый карабин, весь смазанный жиром. Видно, какой-то крестьянин нашел его и припрятал. Вот так находка! Радости моей не было конца. К прикладу прикрепил ремень, сняв его со штанов, и подпоясался веревкой. Я сразу почувствовал себя взрослым.

Между тем, в Старом Селе стали появляться наши знакомые партизаны, которые еще раньше бежали из гетто. По одному человеку, по два, по пять. Как когда. Мы им рассказывали о наших трудностях с питанием, с ночлегом. Конечно, по сравнению с гетто это была райская жизнь. И мы не жаловались, а хотели быстрее с оружием в руках воевать с немцами и их прислужниками - полицаями.

Однажды с партизанами появился у нас комиссар, который взял в отряд сестру. Я наблюдал за ним издали, а он этого не замечал. По тому как он ведет себя, я понял, что он в хорошем настроении. |Шутил, смеялся.

Я подошел и стал просить его взять меня в отряд. Иван Казак внимательно посмотрел на меня и спросил:

- А что ты у нас делать будешь?

- В разведку ходить! - выпалил я. Он улыбнулся и покачал головой:

- Молод еще...

- А моя сестра, ее зовут Ёвка, ведь ходит по вашему заданию...

- Ёха твоя сестра?

- Да, она моя сестра.

- А карабин у тебя чей?

- Мой! Сам нашел,- с гордостью признался я Казаку. Узнав, что у меня есть собственный карабин, комиссар сказал одному из своих подчиненных:

- Возьми этого пацана с собой. Он молодец, сам себе карабин добыл.

С этим карабином я прошел всю войну до самого освобождения. И сколько раз у меня пытались его выменять на другое оружие, ни разу я не согласился.

За этой сценой и разговором с комиссаром наблюдала мама. Она поняла, что меня берут в отряд. Провожая меня в партизаны, мама плакала, приговаривая:

- Иди, иди, мой сыночек! Хоть ты и Ёха отомстите за всё и за всех.

Итак, Ёха первая вывела группу в 13 человек из гетто. Этим она открыла нашим близким и друзьям путь спасения людей, ждавших смерти за колючей проволокой в Минске. Она показала всем, что не все так безнадежно, безысходно, что есть и другой путь к жизни - дорога к партизанам.

Этот момент - наш выход из гетто и приход к партизанам - можно считать зарождением уникального Зоринского отряда. Первые женщины этого лагеря: моя мама - Нахама Рубенчик, Цукерман и ее дочь Ида, Перевозкина Ёха и ее мать, многие другие.

Первый ребенок - подросток в лагере Зоринского отряда - Нахамчик Гинда, та самая Гинда, которая чудом уцелела после погрома, стрельбы и убийств эсэсовцами большой еврейской семьи в доме у тети Тайбы.

А партизанские руководители умело использовали детей для вывода из гетто нужных им специалистов: врачей, фельдшеров, медсестер, учителей. Одной из таких малолетних проводниц стала Гинда Нахамчик. Она ходила в Минск по заданию командиров и приводила нужных в отрядах людей, выполняла сложные задания командования.

Наша Ёха первой открыла дорогу простым евреям в партизанские отряды. Она показала, как нужно уходить из гетто, не боясь ничего и никого. Она своим опытом и смелостью показала дорогу многим, кто мечтал уйти в лес к партизанам.

Глава двадцать пятая.

ПЕРВОЕ ПАРТИЗАНСКОЕ ЗАДАНИЕ

Вспоминаю свое первое партизанское задание. Стою в дозоре на окраине деревни Лисовщина. Перед этим мне объяснили, куда я должен смотреть. Если увижу малочисленную группу людей - подпустить поближе, чтобы убедиться, что это не полицаи. Если появятся полицаи - дать один выстрел вверх, если увижу машину - дать два выстрела вверх. Опытный партизан показал, как это делать. Взял мой карабин, достал патрон из подсумка, висевшего у него на ремне, и ловким движением загнал в патронник.

- Карабин готов к стрельбе,- объяснил он мне, чувствуя, что я впервые прохожу такой военный ликбез.- Теперь остается нажать на курок...

Он передал в мои руки карабин, и я готов был поднять ствол вверх и сделать выстрел.

Щ Нет, парень, не торопись, - остановил он меня. - Попробуй разрядить карабин...

Я растерянно посмотрел на партизана, не зная, как это сделать. А он спокойно поучал меня:

- Надо взять за рукоятку затвора, поднять ее вверх и потянуть на себя... А ну-ка, делай! •

Я повиновался его приказу, патрон вылетел из карабина, упал на землю... Мой учитель дружески улыбнулся, велел поднять патрон и хорошенько почис-

тить. Он дал мне несколько дельных советов. Карабин нужно всегда держать в идеальной чистоте. Тогда он будет безотказно стрелять. И патроны тоже должны быть чистыми, без песка. И целиться нужно умело. А главное - крепко прижимать приклад к плечу, потому что у карабина отдача при выстреле сильнее, чем у винтовки... Я благодарно закивал моему учителю, давая понять, что усвоил первый урок.

Еще дали мне на время, что буду стоять в дозоре, почистить от ржавчины кое-какие винтовочные детали: разобранные затворы, магазины, куда вставляются обоймы. При этом старший сказал:

- Чтобы не было скучно...

К полудню стало сосать под ложечкой от голода, хотелось пить. Что делать? Уйти с поста - нельзя. Смотрю и в одну сторону, и в другую: в одну с опаской, чтобы не пропустить незваных гостей - полицаев или немцев, а в другую с надеждой, думаю, может быть, кто-нибудь меня заменит или принесет поесть. Никто не идет. Я простоял так часов пять. Мне казалось, что прошла целая вечность. Наконец, появились два партизана. Один остался вместо меня, а другой - разводящий сказал:

- Идем со мной.

Так закончилось мое первое партизанское задание. Хоть прошло оно без происшествий, но возвращаясь я гордый, что полуголодный выдержал нагрузку, до блеска надраил ржавые детали и дисциплинированно стоял на посту.

Партизан привел меня в дом, там было много вооруженных людей. Было дымно от курева. Мне налили большую тарелку жирного картофельного супа и дали много мяса. Я ел без конца, никак не мог насы-

титься и остановиться. На столе в большой миске еще оставалось много мяса. „Такого нельзя допустить“, - мелькнула мысль. Я прорезал карман с внутренней стороны, как делал в немецкой столовой, и стал кидать мясо туда, оно падало за подкладку на дно куртки. Потом встал, подошел к командиру и спросил:

- Могу ли я отлучиться на два часа?

- Куда? - последовал вопрос.

- Хочу подскочить на другой конец деревни проведать маму... И двоюродная сестренка там, и другие из гетто...

- Это нужное дело.- Командир оказался хорошим человеком, отпустил меня и еще дал с собой для всех буханку черного хлеба.

Мама еще не была принята в партизаны. В сарае ютились пять взрослых и малолетняя Гинда. К ним тогда присоединились несколько вновь прибывших. Они скитались и не всегда добывали еду.

Я прибежал к своим, отдал маме буханку хлеба и мясо. Партизанские харчи оказались очень кстати. Когда стал уходить, опять увидел ее слезы, опять было тягостное прощание. Маму я после этого не встречал около года, но знал, что она жива и где находится.

Вернувшись к партизанам, сразу уснул. Часа через три меня подняли, сказали, чтобы я собирался в длинный тяжелый путь, что будем идти всю ночь. Было слякотно, мокро. Мы растянулись цепочкой, соблюдали дистанцию три метра, чтобы было видно идущего впереди.

Сначала было холодно, зябли ноги, потом в пути согрелись, стало теплее. Мне впервые пришлось так долго идти. Мы уже падали с ног, на ходу засыпали, но двигались, вперед.

Прошли приблизительно сорок километров. Добрались до деревни Боровиковщина, приближались к пуще. Наконец, зашли в какой-то дом... Там было убрано, празднично, светло. Это был первый день польской католической пасхи. Хозяйка, увидев мое усталое лицо, начала меня гладить, дала вкусную булочку, молоко, приговаривая: „Ах, мой же ты сыночек, и тебе тоже надо воевать?“ Не прошло и минуты, как я уснул.

На мое счастье, мы пробыли в этом доме двое суток, из них я проспал 20 часов. Эту хозяйку, которая приняла нас, я до сих пор помню и пронес ей благодарность через всю жизнь и сейчас вспоминаю добрым словом.

Потом на нескольких подводах мы продолжали путь. Куда и зачем, я не знал. Мне было спокойно, потому что с нами был комиссар Казак. Я помнил, что он сыграл большую роль в судьбе Ёхи и надеялся, что то же будет со мной.

Из этого дальнего перехода мне еще запомнилось, что мы форсировали речку с быстрым течением. По-видимому, это была полесская Ясельда. Дальнейший путь наш проходил без особых приключений. В Беловежской пуще мы двигались по лесной дороге. Из разговоров партизан и неоднократных грозных окликов дозорных: „Стой, кто идет?... Одного к нам для переговоров!“ - я узнал, что мы миновали отряды, которыми командовали Васютин и Стрельцов. Нам же нужно было добраться до партизанского отряда Старицкого.

Меня радовало, что среди дозорных встречались партизаны-евреи. Об одном из них, Гирше Фрад кине, расскажу. Во время блокады он спас мне жизнь

и мы стали большими друзьями. С опухшими ногами я тогда уже не мог ходить. На отечных местах появились трещины. И Фрадкин настоял, чтобы я применил неизвестное мне „лекарство“ - мочу. Через сутки я уже стал двигаться... В пути сам комиссар Иван Петрович Казак в каком-то из отрядов остался. Ведь они все входили в его бригаду. Ну, а мы медленно двигались вперед к конечному пункту назначения. Наконец мы прибыли в расположение отряда Старицкого. Кто-то из старших на передней подводе воскликнул:

- Принимайте пополнение!

Старшина отряда Косточкин поинтересовался обо мне:

- А это что за байстрюк* с карабином?

- О, это сам комиссар зачислил его к нам. И его сестра у нас в отряде, Евка...

С той памятной встречи приклеилась ко мне кличка „байстрюк“, которую дал мне Косточкин.

В семейном партизанском отряде Старицкого было много подростков и большинство, конечно, не имело оружия. Они мне вавидовали, а мой карабин блестел, как новенький. Сначала меня ставили с оружием в дозор, потом стали брать на операции.

Ёха вернулась в отряд, когда уже стемнело. В землянке, где я находился, было темно. Мне указали на место сестры и усталый с дороги я прилег на него. Услышав ее голос, кто-то зажег лучину. (Это было единственное средство для освещения. С вечера заготавливали тонкие лучины из сухого дерева и при необходимости зажигали их от тлевших в печурке углей).

* „Байстрюк“ - незаконнорожденный (белорус).

Ёха несказанно обрадовалась моему появлению. Мы обнялись, расцеловались. Она стала расспрашивать о маме, о Гинде. С огорчением сказала:

- Сколько еще они будут там мучиться?

- Обещали маму взять поварихой в новый семейный отряд, который там создается, - стал я успокаивать сестру.

Действительно, весной сорок третьего года события в партизанской зоне происходили в нарастающем темпе. Из Минского гетто все больше уходило разных по возрасту людей. Среди них даже были женщины с маленькими детьми, старики, малолетние сироты. Это-то и обусловило рост новых партизанских формирований, предназначенных для сохранения людей, бежавших от преследования нацистов и репрессий оккупационного режима.

Глава двадцать шестая

СЕМЕЙНЫЙ ЛАГЕРЬ ЗОРИНА

К оставшимся женщинам в Старом Селе неоднократно приходили партизаны. Выделялись среди них бывшие минчане Наум Фельдман и Шолом Зорин. Им бросилось в глаза бедственное положение спасшихся из гетто. У беглецов не было ни крыши над головой, ни постоянного источника питания.

Фельдман и Зорин, видя как люди страдают, возвратились в отряд с тяжелым чувством. И они решились поговорить с командиром. Возглавлял Буденновский отряд Семен Григорьевич Ганзенко - бывший военнопленный, томившийся в Минске в лагере по Широкой улице и бежавший оттуда с помощью евреев. Он должен был понять их настроение.

Они поставили вопрос ребром: людей надо защитить, дать им возможность воевать, а тех, кто еще в гетто - спасать. „Это наш святой долг!“ - сказал Зорин.

„Начальник штаба Буденновского отряда тов. Верховцев читал перед строем партизан приказ: чтобы спасти еврейское население и дать возможность всем боеспособным людям отомстить за реки пролитой крови, создать базу для всех прибывших из Минского гетто. База должна быть организована в буреломе между деревнями Верники и Новосады...Для ее охраны и обеспечения продовольствием выделить пять вооруженных партизан-буденновцев, дать им 15 винтовок для

вооружения прибывших. В дальнейшем они должны действовать самостоятельно, как полагается партизанам..."

(Из кн. Г. Смоляра „Мстители гетто“ ,издат. „Дер Эмес“,1947).

Первоначально командиром организационной группы был назначен Казимир Жеробин, а его помощником - Зорин. Жеробин сразу стал гнуть свою линию - властвовать над красивыми молодыми женщинами и пьянствовать. Его мало заботили нужды людей из гетто. Это не нравилось Шолому Зорину. Он-то лучше своего начальника знал положение дел и откровенно высказал все Семену Ганзенко.

Тогда и произошло его выдвижение на командную должность во вновь образуемый еврейский семейный отряд и лагерь. Он сразу отправился в Старое Село, нашел мою маму, Цукерман Иду и других женщин и заявил им:

- С сегодняшнего дня я являюсь командиром семейного отряда. Надо срочно посылать в Минск людей, чтобы как можно больше вывести из гетто евреев.

Совсем неожиданно для него племянница Нахамы - Гинда заявила, что готова в любой день пойти в Минск и привести в отряд нужных людей.

- А как ты это сделаешь? - поинтересовался Зорин. Его удивила решимость этой девочки. Он не знал, что она пережила, когда убили всех ее родных.

- Я помню, как нас выводила в лес Еха, дочь моего дяди Исроэла Рубенчика. Я тоже буду такая осторожная... А немцев я не боюсь...

Зорин колебался. Можно ли поручать такое детям? Но он понимал и другое. Из гетто уходили люди и раньше. Это были взрослые. Опасаясь возвращения в

кровавое пекло, они очень боялись попасться и не хотели идти проводниками.

Новый командир учитывал многие обстоятельства: семьи были обузой для партизан, без оружия в отряды не принимали и, в то же время, многие хотели вывести в первую очередь своих близких - жен, детей, родителей и братьев. А подростки, не колеблясь, готовы были на все. Их не удерживал страх и сомнения.

Оценивая впоследствии те события и роль Шолома Зорина, мама и Гинда твердили:

- Его заслуга была в том, что он доверился молодежи и очень мудро действовал, разными правдами и неправдами ускорял вывод из Минска обреченных.

Он в первую очередь проводниками назначил смелых подростков, таких, как Давидка Кленский, Фаня Гимпель, Роза Рубенчик (я уже о ней писал), Симочка Фитерсон, Рахиль Приклад, Соня Курлян-ская.

Несколько раз по заданию Зорина ходила в Минское гетто Гинда Нахамчик. То был для ребенка далекий и утомительный путь. Но она не жаловалась и всегда со старанием выполняла поручения своего командира - дяди Шолома.

Во время первого похода был у нее такой случай. Пришла она в гетто, пробралась к одной своей подружке. С ее помощью собрала молодых людей, горящих желанием бороться с ненавистными гитлеровцами. Несмотря на возраст, очень обстоятельно проинструктировала их: как держаться в пути, что с собой взять, какую обувь лучше всего надеть в дальнюю дорогу. Своим девочкам она призналась, что сама тоже по дороге в Минск натерла мозоли из-

за плохой обуви. Услышав это, одна из присутствовавших девочек предложила:

- Гиндочка, возьми с нами мою младшую сестренку и двух ее подружек, а я отдам тебе сапожки одной из них... Гинда согласилась. Сапоги по размеру подошли. Нашла она себе и новые портянки. Ночью они ушли в сторону Старого Села и благополучно добрались. А там уже ждали новое пополнение присланные из Зори некого отряда молодые партизаны. Радости у молодежи не было конца. Многие друг друга знали еще по довоенному Минску.

А Гинда пришла в отряд и доложила в штабе, что выполнила задание командира. Когда Зорин пришел, он по-отечески обнял девочку, поцеловал и сказал, чтобы отдыхала, набиралась сил для нового задания...

Прошло немного времени и та девушка, которая достала для Гинды сапожки, уже в семейном лагере подошла к ней и говорит:

- Отдавай сапоги. Я их дала только на дорогу.

Гинда молча сняла сапожки и осталась в одних портянках. „В чем теперь я буду ходить?“ - растерянно подумала девочка. Свои дырявые полуразвалившиеся ботинки она бросила в гетто.

Выручил ее опять командир. Узнав в чем дело, он приказал отрядному сапожнику срочно сшить ей новые сапоги. А на время кто-то дал ей самодельные лапти из сыромятной кожи. Эти „мокроступы“ лагерные умельцы изготавливали из коровьих шкур.

Шолом Зорин хорошо знал многих Рубенчиков. До войны он жил в Минске и работал на стройках плотником. С ним был знаком и мой отец Исроэл и мама

Нахама. Вероятно, поэтому, когда организовался семейный отряд, он назначил маму первым поваром.

В целях безопасности еврейский лагерь, получивший официальное наименование семейного отряда № 106, был передислоцирован в Налибокскую пущу. Там на первых порах было очень много хозяйских работ. В пуще стали строить землянки, организовали несколько мастерских, наладили охрану территории, выставили дозоры. Ежедневно шла заготовка продуктов.

Интересный документ, характеризующий становление отряда Зорина, недавно попал мне в руки. Это интервью на идиш израильского историка и публициста Давида Коэна с моей мамой Нахамой Рубенчик в 1968 году. Тогда в Израиле готовился к печати второй том о евреях Минска, который редактировал бывший минчанин Шолом Эвен-Шошан.

Хочу привести маленький отрывок из этой беседы, передающий обстановку семейного лагеря, его будни, проблемы, связи с другими отрядами.

Д.К.: Кто дал приказ, чтобы вы шли в Налибокскую пущу? . Н.Р.: Это было распоряжение из бригады. А кто точно - назвать не могу...

Д.К.: Сколько у вас было людей?

Н.Р.: Более 650 человек. Но отряд продолжал расти.

Д.К.: А где же вы брали для такого большого количества людей хлеб?

Н.Р.: Немцы в нашей зоне жгли белорусские села. Жите-ли уходили. А посевы пшеницы оставались. Вот мы их убирали. Потом сделали собственную мельницу, мололи зерно, пекли хлеб. Только соли не хватало...

Д.К.: Как же без соли?

Н.Р.: Приходилось питаться без соли... Изредка только добывали соль в городе.

Д.К.: Расскажите о ваших партизанских врачах.

Н.Р.: Была у нас доктор Лифшиц, гинеколог, но ей приходилось делать и чисто хирургические операции.

Д.К.: Как же так?

Н.Р.: А что оставалось делать, когда не было других хирургов? Она ездила в другие отряды, доставляли раненых для срочной операции и к нам. За это Зорину в отряд привозили все что он просил, в том числе оружие и боеприпасы...

Д.К.: А где доставали лекарства?

Н.Р.: Большею частью сами делали. У нас в отряде были свои провизоры и местные лекари. Еще у нас была собственная пекарня, даже колбасный цех. И кухня с котлами, в которых я готовила обед: первое и второе. Большой котел у нас был на 26 ведер.

Д.К.: Неужели на 26 ведер?

Н.Р.: Да, да. И еще был котел на 19 ведер и на 14 ведер. Не удивляйтесь, ведь приходилось кормить очень много людей. На каждые десять бойцов варили ведро картошки. «(Перевод с идиш редактора книги Григория Розинского).

Много в тот период помогали зоринцам старейшие партизанские отряды имени Щорса и семейный еврейский отряд Тувье Вельского. О последнем можно было бы очень многое рассказать. Ведь этот боевой отряд как еврейский существовал в белорусских лесах раньше всех. Основной его костяк - это четверо братьев Вельских: Тувья (Анатолий), Асоэл (Александр), Зуся (Сигизмунд), Арчик (Аркадий) и две сестры - Тайбл и Эшке.

Они ушли со своими женами, мужьями и детьми из Новогрудка в леса еще осенью сорок первого. Когда немцы стали все чаще обнаруживать и блокировать их расположение, командование отряда приняло решение перебазировать свой лагерь в Налибокскую пущу. Так они оказались соседями отряда №106 и стали помогать им всем, чем могли.

Командиры еврейских партизанских отрядов Тувья Вельский (слева) и Шолом Зорин. Шолом Зорин постоянно и целенаправленно работал по спасению евреев, оставшихся в Минском гетто. Это было трудное дело, потому что немцы свирепствовали. И он сделал ставку на подростков, на девочек и мальчиков, не очень похожих на евреев.

Вскоре в отряд Зорина пришел мой отец. Причем не один, а уговорил идти к партизанам подростка-сироту Макса Конюка, который затем отличился в последнем бою отряда. А папа рассказал Шолому о трагической судьбе семьи своей племянницы Гинды, которая осталась круглой сиротой. Внимательный и добрый по характеру, командир отряда по-отцовски стал вникать в ее нужды, при необходимости помогал. Еще хочу рассказать о нашем соседе Мишке Одесе. Он первый раз вышел в лес с Едиди Перлом и моими дядьями Гедали и Яковом. Но тогда он вернулся в гетто.

Дома Мишку считали погибшим. Мама и сестра заплакали от радости. На следующее утро он пошел к своим друзьям. И опять он услышал одни и те же разговоры: для спасения надо искать связи с партизанами. Теперь у него уже был некоторый опыт, он знал, что нужно иметь с собой.

Вскоре он снова организовал группу из пяти человек. Они стали добывать теплую одежду, из хлеба сушить сухари.

В конце 1942 года Мишка снова бежал в лес. Вместе с ним было еще четверо парней. На этот раз они взяли направление на Раков. Этот маршрут оказался удачным. На пятые сутки они попали к партизанам отряда имени Щорса, которым командовал Кузнецов.

В этом партизанском отряде Мишка Одес воевал до освобождения Белоруссии. А потом его сразу забрали в армию и пришлось еще освободить Польшу.

Когда после войны он демобилизовался и вернулся в Минск, то оказалось, что в живых не осталось у него ни одного человека. Погоревал Мишка и пошел работать в МВД. В Минске он вскоре женился, жену его звали Циля. У них родилось два сына. Спустя некоторое время он нашел своих родственников, живущих в Америке. И Мишка Одес с женой и детьми переехал туда. Теперь у него не только сыновья, но и внуки. Живут хорошо.

А Зорин вообще взял за правило лично заниматься делами бежавших из гетто детей. Он подробно расспрашивал молодых об их родителях, друзьях, о судьбе тех, кто еще не смог по тем или иным причи-

нам уйти в лес. Заботливость его не была показной. И не удивительно. Командир был строгий, но действительно очень переживал за каждого.

В начале войны Зорин сам был в таком положении. Тогда в Минске он оказался в концлагере на улице Широкой. С группой патриотов бежал в лес, организовал партизанский отряд. К началу 1943-го он уже был командиром конного взвода отряда имени Буденного, во главе которого стоял кадровый военный старший лейтенант Семен Григорьевич Ганзенко. Кстати, к концу партизанской карьеры Ганзенко стал командиром бригады им. Пономаренко, насчитывавшей шесть отрядов и 625 бойцов.

А вот что пишет о деятельности Шолома Зорина и дальнейшей его судьбе израильский исследователь партизанского движения и участия в нем евреев Белоруссии доктор истории Леонид Смиловицкий:

.....Зорину были приданы 18 партизан, которые стали разыскивать и принимать евреев, бежавших из гетто, укрывшихся в сельской местности или скитавшихся по лесам. К маю 1943 г. под его опекой находилось 110 евреев, 25 из которых были вооружены. Вскоре по соображениям безопасности семейный лагерь был переведен из лесов Дзержинского района Минской области в Налибокскую пущу. Отряд получил номер 106 Ивенецкого партизанского соединения. Командовал им командир Шолом Зорин, комиссар Хаим Фейгельсрн, начальник штаба Анатолий Вертгейм.

К июлю 1943 г. зоринцы насчитывали 45 чел. боевой роты и 270 женщин, детей и стариков, а через год уже было соответственно 137 и 421 чел. Они участвовали в боях с противником и выходили на „хозяйственные операции" по обеспечению партизан продовольствием. 6 июля 1944 г. отряд принял бой с немцами, пытавшимися выйти из окружения после освобождения Минска. В этом бою погибло 6 партизан. Шолом Зорин был

тяжело ранен и врачи вынуждены были ему ампутировать ногу..."

(Из сб. „Евреи Белоруссии. История и культура“. Выпуск 2. МН. 1998)

Вот что рассказал мой друг - бывший партизан Зоринского отряда, а ныне гражданин Израиля, Хаим Гольдин:

- Это произошло, наверное, через день или два после освобождения Минска. Тогда немецкие армии попали в „котел“, но некоторые боеспособные части пытались вырваться из окружения, уйти на запад. На их пути и оказался отряд под командованием Зорина.

Чтобы преградить путь в Налибокскую пущу, а выдвинутые вперед дозоры докладывали, что движется большая, хорошо вооруженная группировка, командир послал донесение в штаб бригады и просил срочной помощи от соседних отрядов. Однако подмога не подоспела.

Напряжение росло. Зорин понимал, что если он не остановит противника, то может произойти самое худшее: немцы прорвутся в Налибоки и наткнутся на семейную часть отряда. А там женщины, дети, все хозяйство...

„Что делать? Принять бой? Но силы не равны. А если предложить им сдаться? Они ведь не знают, сколько нас..." - так думал командир.

- Приготовиться к бою! - звучит команда.

Зорин отобрал тридцать самых крепких ребят,

указал на удобную позицию для засады в лесу и велел окопаться. Мой шури́н Абраша Лившиц был пулеметчиком, и командир приказал ему взять ручной пулемет Дегтярева:

- Твоя задача держать под прицельным огнем дорогу. Нельзя немцам дать возможности переправиться через канал к нашей базе. Ясно?

- Так точно, ясно, - по-военному ответил он.

Отобранные для боя партизаны заняли огневую позицию. Каждый вырыл себе окопчик, приготовился к стрельбе. Пошли томительные минуты ожидания.

- Хаим, - сказал мне шури́н, - бери диски с патронами. Будешь у меня вторым номером.

Напряжение росло. Мы ждали команды Зорина. А он выдвинулся вперед и наблюдал за дорогой. Замысел у него был рискованный: подпустить фрицев поближе, а потом предложить им сдаться.

- Если они не сложат оружие, мы первые откроем огонь, - решил командир отряда.

Залегли. Окопались. Приготовились к встрече с врагом. Хаиму было не по себе. Он понимал, что это, наверняка, последний бой. Родной Минск уже свободен. Все партизаны только и говорят об этом. А командиры соседних отрядов не ввязываются в бои, стараются уходить, чтобы не столкнуться с хорошо вооруженной регулярной армией.

Наконец, на другом берегу канала появились немецкие автоматчики. Впереди шел местный проводник. Зорин встал во весь рост и выкрикнул по-немецки:

- Хенде хох! Гефангенгебен зих! *

Идущие впереди немцы вскинули автоматы и открыли стрельбу. Предложение нашего командира не было принято.

- Огонь! - скомандовал Зорин.

* Руки вверх! Сдавайтесь в плен!

Раздался залп из винтовок. Лившиц застрочил из пулемета. Он был метким стрелком, и я увидел, как стали падать немецкие автоматчики. В страшном напряжении этого боя мы даже не знали, что тяжело ранен наш командир...

Разрывная пуля попала ему в коленный сустав. Немцы, отстреливаясь, стали отступать и изменили направление своего движения. На месте боя у них осталось много убитых. Зорин, истекая кровью, приказал преследовать противника...

Нашел я в Израиле и партизана, который спас командира. Это Макс Конюк. Он живет в Мигдаль ха-Эмеке. Ему слово:

- Когда я увидел, что Зорин упал, я в горячке сразу поднялся во весь рост и бросился к нему. Вытащил его из окопчика и только потом почувствовал, что сам ранен в обе ноги... Я боялся попасть в лапы к немцам и пополз в лес...

Жена Макса, Хиля, находившаяся в том же отряде, дополняет:

- Всех раненых и Зорина отправили в военный госпиталь в первую очередь, а Макса никак не могли найти... Куда он девался? Только к ночи Горелик и Фитерсон обнаружили его в густом кустарнике. Привели в сознание, сделали перевязку. Оказывается, после ранения, в шоковом состоянии, он полз, пока не лишился чувств. Хорошо, что ребята упорно искали его и все-таки нашли...

Ярость партизан после того боя была столь велика, что их даже не удовлетворили двадцать сдавшихся в плен немцев. Ведь и наших там полегло немало - шесть бойцов! И это в последний день перед расформированием... Никогда не забыть, всем, кто

вернулся живым в семейный лагерь, как рыдали женщины... Особенно убивалась молодая жена погибшего Фимы - она была беременна и ждала ребенка.

Когда привели на базу пленных, партизаны дали волю своему горю за погибших товарищей. Немцев привязали к деревьям и буквально забили до смерти палками. А раненого командира Шолома Зорина подоспевшие к месту боя советские танкисты срочно повезли в Минск. У него от разрывной пули был раздроблен коленный сустав и требовалась квалифицированная медицинская помощь, немедленная операция...

*Участники последнего боя 106-го отряда
Макс Конюк (слева) и Лев Туник*

Новые подробности сообщили мне бывшие партизаны 106-го отряда Ицхак Туник и Моисей Горелик. Первый живет в Иерусалиме, второй - в

Нацерет-Илите. Туник в том бою не участвовал, ему было всего одиннадцать лет, но все события хорошо держит в памяти. Вот отрывок из его воспоминаний, опубликованный в книге, вышедшей в Иерусалиме:

„В конце июня сорок четвертого Красная Армия вплотную подошла к Минску. Окруженные немецкие войска в панике бежали по таким глухим лесам, куда раньше проникали только во время „марафона" (так называли блокаду - прим. авт.) Одна из таких частей внезапно наткнулась на заставу перед нашим лагерем. Отходить было поздно, и отряд вступил в бой с немецкими фронтовиками..."

У Моисея Горелика тоже имеются записки о том памятном бое. Запомнил он и воинскую часть, которая поспешила партизанам на помощь. Это были вои-У памятника павшим в последнем бою собрались бывшие партизаны 106-го отряда. В центре - Ш.Зорин ны 19-ой отдельной танковой бригады. Командиром одного из танковых батальонов оказался его земляк из Смилович Арон Венгер. Именно их армейская автоколонна, где командир части был тоже еврей, вывезла партизанские семьи из леса. Всех женщин и детей посадили на „студебеккеры" и отправили в Минск, а молодые бойцы высказали горячее желание вместе с танкистами участвовать в наступлении.

„Учитывая наш боевой опыт, - пишет Горелик, - командование посчитало всех молодых партизан воинами. Нам выдали армейскую форму, оружие, и мы стали десантниками 19-й танковой бригады. Мне присвоили звание младшего сержанта. С боями мы двинулись освобождать литовские города, а затем участвовали в боях в Восточной Пруссии..."

Таковы рассказы Гольдина, Конюка, Туника и

Горелика о последних днях отряда. А мне лично помнится, как после войны Зорин с бывшими партизанами (в их числе была моя мама и я) ставили бетонный памятник погибшим в том последнем сражении бойцам.

Это было в 1964 году, через двадцать лет после того боя. Местные крестьяне показали могилы павших. К месту установки обелиска мы добирались с приключениями (грузовая машина с тяжелыми бетонными плитами на мосту чуть не перевернулась). Но в конце концов все обошлось.

Каждого участника той поездки уже не припомню, но среди собравшихся в Налибокской пуще были Шолом Зорин, комиссар отряда Хаим Фейгельсон, партизаны Абрам Лившиц, Хаим дер-Брукирер. Не могу забыть жену одного из погибших партизан, приехавшую на эту траурную церемонию вместе с двумя детьми. Рядом с ней находился 20-летний сын.

У памятника павшим в последнем бою собрались бывшие партизаны 106-го отряда. В центре - Ш.Зорин

Глава двадцать седьмая

. АКТ ВОЗМЕЗДИЯ

Читателю я хочу рассказать, кем же был до своего назначения гауляйтером* в Минск - Кубе. Прочитую один любопытный документ. В январе 1946 года при допросе в Минске на судебном процессе по делу о преступлениях гитлеровцев против евреев Белоруссии бывший начальник германской полиции порядка, генерал-майор, бригаденфюрер СС Эбергард Герф сказал следующее:

„...Кубе был старым товарищем Гитлера в борьбе за власть. Он особенно точно и упорно проводил решение Гитлера об уничтожении евреев. Кубе вопрос уничтожения евреев все время старался провести в жизнь как можно лучше. Он считал, что в то время(это был 1942 год - *примеч. автора*) число уничтоженных евреев - 41.000 - было совершенно недостаточно...”

(„Трагедия евреев Белоруссии”, Минск, 1997, 2-е издание)

Полное имя Кубе Рихард Пауль Вильгельм. Родился он в январе 1887 года в г.Глогау (Восточная Пруссия). Закончил Берлинский университет. После этого долгое время не мог в столице найти работу, был домашним учителем, сотрудничал в берлинских газетах, печатал антисемитские статьи.

В 1924 году Кубе стал членом нацистской партии, вместе с Гитлером в последующий период

* Гауляйтер (нем.) - областной руководитель нацистской партии.

участвовал в захвате власти. В 1924-28 годах и с 1933 года Кубе от партии НСРПГ избирается депутатом рейхстага, а в 1934 году убежденный нацист становится обер-президентом Берлина.

Когда началась война, Гитлер вспомнил о своем старом товарище по партии. 17 июля 1941 года фюрер подписывает указ о назначении Кубе генеральным комиссаром в оккупированную Белоруссию. В Минск этот палач прибыл 1 сентября 1941 года.

Я помню, что летом сорок второго года бригаду штукатуров и маляров, в которой мы работали с отцом, срочно перебросили на отделку двухэтажного дома на улице Энгельса. Удивило, что вел нас туда сам герр офицер Штамп (до сих пор почему-то помню эту фамилию). Конечно, мы не знали тогда, что особняк специально отделялся для Кубе в связи с приездом из Берлина его многочисленной семьи.

Гитлеровский наместник был не только рьяным исполнителем воли Гитлера, но и убежденным идейным нацистом. Кубе даже пытался по старой памяти поучать посредством печати подвластный (так ему казалось) белорусский народ. Характеристику своего мировоззрения он сам дал в статье „Показать свое лицо!”, которая была опубликована в Минске в 1942 году в „Беларуской газэце”. Все здесь перевернуто с ног на голову. Вот несколько выдержек из нее:

„...Четвертый раз наша часть света выступает на защиту своего нордического облика... В 732 году Кароль Мартель Молот отразил нашествие ислама на французской земле, короля гуннов Атиллу... Силезский герцог Генрих в бою под Лигницем, несмотря на то, что сам погиб со своим немецким войском, победил воинов Чингисхана... и тем самым остановил монгольское нашествие.

И семь столетий спустя судьба повторяется. Снова восток, вульгарно искривленный гримасами всемирного еврейства, которое в Польше и России чувствует себя, как в раю, обрушивается на Европу.

Рыцарские народы Европы, благодаря Адольфу Гитлеру, узнали, что значит еврейство для человечества. Пока еврейству будет позволено существовать, не будет покоя на зеленой земле пращуров...

В. Кубе, член
рейхстага, генерал-комиссар".

Вот так: с больной головы на здоровую. Этот убежденный расист договорился до того, что утверждал в конце своей статьи: „...наша борьба с 1 сентября 1939 года показала всему миру, что еврей и только еврей имеет пользу от резни народов“. Антисемитский бред выродка с университетским дипломом!

Как же партизаны и подпольщики отправили этого палача на тот свет?

Сразу после войны появилось много публикаций, раскрывающих подробности операции по уничтожению Кубе. Среди участников этой смелой акции назывались подпольщики Мария Осипова, Елена Мазаник, партизанка-разведчица Надежда Троян. Только не оглашались имена, кто ими руководил. Будто это был секрет.

Партизанское командование в сорок третьем году серьезно занялось подготовкой покушения на Кубе. Были попытки уничтожить его автомобильный кортеж на дороге, при выезде и инспекционных поездках по гарнизонам Минской области. Но эта операция успеха не имела.

Первое серьезное покушение на генерал-комиссара было предпринято 6 сентября 1943 года диверсантами спецотряда Градова (под этим именем

действовал советский разведчик Станислав Ваупша-сов).

Действия участников этой операции были дерзкими и стремительными. Две подпольщицы Капитолина Гурьева и Ульяна Козлова приняли мины и тол от партизан в ведрах прямо во дворе столовой. Вначале девушки спрятали взрывчатку в кладовой, где хранились дрова. Потом, выбрав удобный момент, положили смертоносный груз в обеденном зале под кадку, где росла пальма.

За три часа до взрыва Капитолине Гурьевой удалось уехать на машине в лес. Мощный взрыв прогремел во время банкета. Из-под развалин пожарники извлекли 30 убитых и 50 тяжелораненых немецких офицеров. Кубе там ни было, на этот раз он снова избежал возмездия.

Но партизаны и подпольщики упорно продолжали искать пути уничтожения палача. Решили попытаться это сделать прямо в резиденции гауляйтера, и в это время наметилась возможность организовать взрыв в его доме, который мы, узники гетто, ремонтировали летом 1942 года.

Как я уже упоминал, Кубе со своей семьей жил в отдельно стоящем двухэтажном особняке под усиленной охраной. Это здание находилось недалеко от белорусского драматического театра (гитлеровцы эту улицу переименовали в Театрштрассе). Все трудоемкие работы в подвальной части особняка: подвоз и разгрузка топлива, уборка мусора, очистка территории - все это выполняли евреи, которых ежедневно приво-зили из гетто. А на кухне и в жилых комнатах труди-лись поварахи и горничные из числа белорусских девушек. Вот на них и было обращено внимание

партизанских разведчиков...

У 56-летнего гауляйтера Вильгельма Кубе и его жены Аниты было трое сыновей. Все они в Минске роскошно расположились в этом особняке. Двое старших детей учились в специальной немецкой школе, а младшему исполнилось шесть лет

За Кубе охотились несколько диверсионных групп. Они вели разведку, изучали его режим дня, маршруты служебных поездок, фиксировали номера и марки бронированных лимузинов. Наконец, наладилась связь с теми, кто обслуживал семью генерал-комиссара. Первой вышла на горничную Елену Мазаник разведчица Надежда Троян. Однако их контакты успеха не имели. Осторожная Галя (так среди обслуги называли Мазаник) поставила условие: перед тем как принять мину с часовым механизмом ее родная сестра Валентина должна побывать в отряде и убедиться, что это задание действительно исходит от командования, и лично она после этой диверсии сумеет уйти из города в лес.

Разведчица отказалась выполнить условие Мазаник. А когда Троян принесла из отряда крупную сумму денег - пачку немецких марок, то это и вовсе испугало горничную. Она подумала, что сами немцы устроили такую проверку. И Галя стала избегать „симпатичную девушку из леса“.

Однако вернемся в Вильгельму Кубе. Как же случилось, что Осипова и командир отряда „Дима“-Давид Ильич Кеймах сыграли решающую роль в совершении акта возмездия над безжалостным палачом? История эта непростая, и осуществлялась она несколькими многоходовыми и рискованными операциями. В них участвовали разные группы подпольщи-

ков, партизанские отряды, а также специальные разведывательные формирования, десантированные в леса Белоруссии.

С большим доверием Мазаник отнеслась к предложениям Марии Борисовны Осиповой, руководившей, как было сказано раньше, в Минске подпольной группой. Познакомил их работник кинотеатра, бывший военнопленный Николай Похлебаев. После нескольких встреч Осипова отвела сестру Лены Валентину в партизанский отряд. Мазаник воспряла духом, когда из леса сестра вернулась невредимой.

Теперь нужно было совершить более сложную операцию - доставить мину из отряда в город. Это рискованное дело взяла на себя сама Мария. Для страховки Осипова взяла в лес подпольщицу Грибовскую и предупредила хозяина другой конспиративной квартиры Дрозда, что на обратном пути она оставит у него „подарок“.

В отряде „Дяди Димы“ Осипова встретила с командиром партизан. Фамилия у него была вымышленная - Корниенко. В действительности его звали Давид Ильич Кеймах. Он был в звании капитана, родом из Одессы. И я высказываю предположение, что именно его национальность была причиной замалчивания руководителя операции.

Конечно, в то время никто из минских подпольщиков не знал, что Давид Ильич - опытный разведчик, и стал командовать отрядом по приказу из Москвы после гибели майора Василия Щербины*.

По одним источникам гибель произошла 23 сентября 1942 г.- из отчета, подписанного к-ром бригады Чкалова Грибановым и комиссаром Казаком. По другим - 20 января 1943 г.

В Минск подпольщицы принесли две мины в корзинках, где находилась собранная в лесу брусника. Как было условлено, вначале смертоносный груз оставили у Николая Дрозда, потом одну мину Осипова передала Мазаник в ее квартире на Театрштрассе, 48.

Мария Борисовна после этого сразу же стала готовить всех родственников Мазаник к уходу в лес. Жили они в Малой Масюковщине на окраине Минска. Дело еще осложнялось тем, что и Осипова, и Мазаник слабо разбирались в конструкции мины. Но как вставить детонатор и установить механизм на срабатывание через сутки, обе знали. Передавая мину, Осипова еще раз напомнила Лене:

- Ровно в полночь дома заведешь часовой механизм. Мина магнитная, сработает через сутки. В спальне приложишь ее к пружинам матраца и уходи. Я буду ждать в сквере у театра... Все будет в порядке.

Уверенность Марии Борисовны передалась Мазаник. Утром она без затруднений прошла в особняк. В подвале сняла пальто, мину подвязала ниже груди, надела фартук, но не стала его подвязывать, чтобы незаметными были очертания мины. Так она работала на уборке несколько часов, пока не представилась возможность проникнуть в спальню гауляйтера.

Это было очень рискованно, так как против входа в коридоре находился телефон и возле него дежурил офицер СД. Но с этим препятствием она справилась, предложив офицеру кофе, которое сварено в столовой. Тот поблагодарил и спустился вниз...

Сославшись на зубную боль и разрешение самого господина Кубе отправиться к дантисту, Мазаник благополучно прошла через охрану. В сквере ее уже

ждала Осипова. Вместе спустились к парку Горького, оттуда по аллее прошли к оперному театру. Вскоре шофер-подпольщик Николай Фуре подобрал всех трех женщин: Марию Борисовну, Елену и Валентину. По Танковой улице они выехали за город, а пропуск горничной Кубе избавил их от придирчивых проверок жандармских постов на дороге.

Что ночью произошло в спальне у Вильгельма Кубе, довольно подробно излагается в обнаруженном через тридцать лет акте:

„В ночь на 22.9.1943 г., в 0.40 часов, в спальне генерального гауляйтера Кубе взорвалась мина, при этом у него была разорвана левая сторона груди и оторвана правая рука. Раны были смертельные. Его наполовину сгоревший труп был вынесен из горячей спальни охраной и служащими генерального комиссариата... Его жена, лежавшая рядом с ним, Анита Кубе, урожденная Лиденколь, осталась невредимой и лишь находилась в состоянии нервного шока... Обер-штурмбанфюрер СС Брайнер установил, что мина была прикреплена, несомненно, к пружинам снизу металлической кровати и там взорвалась... В пользу этих предположений говорят и раны гауляйтера"...

Далее в пространном акте приводятся многочисленные имена арестованных по этому делу патриотов-минчан. В застенках гестапо и СД погибли Николай Дрозд, Мария Грибовская (она назвала себя Дубровой), Георгий Куликов, Владимир Зубко, помогавшие Марии Борисовне Осиповой осуществлять руководство, как в документе называется, „широко разветвленной, хорошо организованной разведывательной службой партизан..."

Но точку над „Г в детективной истории покушения на Кубе ставить рано. Совсем неожиданно, когда почти была написана эта глава, редактор моей

книги Розинский нашел новую версию убийства.
- По этой версии, - говорит Григорий Розинский, - выходит, что прямое отношение к убийству В.Кубе имеет узник гетто Лева Либерман. Минский историк профессор Эммануил Иоффе обнаружил в архивах очень интересные документы о причастности к организации покушения на В.Кубе командира спецгруппы Центрального штаба партизанского движения майора Степана Казанцева. Через четыре месяца после уничтожения гауляйтера он представил генерал-лейтенанту П.К.Пономаренко (в то время он был начальником ЦШПД), „Краткий отчет о проделанной работе по агентурному делу „Сатурн“. (Специальное мероприятие по ликвидации Кубе)".

В этом секретном документе, датированном 5 февраля 1944 года, перечисляются „мероприятия по уничтожению палача белорусского народа“. Они проводились: 1. В Белорусском драмтеатре; 2. В гараже Генерального Комиссариата; 3. В служебном кабинете; 4. В квартире Кубе. Там же уточняется, что по последнему пункту (имеется в виду мероприятия в квартире) в основном работали два резидента: Галло Захар Захарович, „Максим“ и Неборский Николай Николаевич, псевдоним „Иванов“.

Самые интересные для нас и для читателя подробности майор С.Казанцев сообщил в конце своего отчета:

.....В заключение докладываю сообщение резидента „Максим“, в котором он постфактум излагает предпринятые им по нашему заданию мероприятия по делу уничтожения Кубе...

Вот эти мероприятия:

19.09.43 п „Максим“ случайно встретился со своим товарищем по комсомолу Петей, 1922 года рождения, из рабочих, фамилии которого не знал.

Петя уже связан по работе с неизвестным для нас отрядом из „Пущи“, имел и хранил от него мины, также неизвестной нам конструкции для связанных с ним по совместной диверсионной работе людей, и собирался уже уходить из города.

В разговоре с Петей „Максим“ выяснил, что у него имеется знакомый, некто Лева Либерман, 1923 года рождения, еврей, бывший комсомолец, работающий в квартире Кубе чернорабочим на кухне по починке и ремонту и другим видам черной работы 3-4 дня в неделю.

Следует сказать, что по имеющимся у нас данным все квартиры Кубе отделявали евреи. (Как известно, в этом участвовал до ухода в партизаны и автор книги А.Рубенчик - *прим. редактора*).

Не теряя времени, „Максим“ встретился с Либерманом и договорился с ним о деле. Причем Либерман за работу взял с „Максима“ 1200 марок. Мину Либерману вручил Петя 20.09.43 г. Днем 21.09.43 г. ввиду того, что на другой день у Кубе должен был состояться „вечер“, Либерман чинил в его спальне пол и еще что-то. Выбрав момент, он заложила мину под низ плотного пружинного матраса. Через 30 минут окончил работу и ушел. Утром 22-го встретился с „Максимом“, доложил ему о результатах и просил его отправить к нам. Но в тот же день он пошел в свою квартиру в гетто за русским паспортом, попал в облаву и был убит. Об этом сообщила „Максиму“ его знакомая на другой день. Петя уже ушел в отряд 21.09.43 г.

Одновременно „Максим“ доложил, что после взрыва в спальне Кубе была найдена еще одна мина неизвестной конструкции и обнаружено исчезновение гувернантки, которая жила вместе с адъютантом и будто бы исчез и адъютант. Более подробно установить ничего не удалось...

„Максим“ впоследствии был арестован по другому делу и в настоящее время содержится под стражей в тюрьме.

Командир специальной группы 5 февраля 1944 года".
майор Казанцев.

Существует еще и третья версия о причастности к покушению на В.Кубе офицеров СС. Она высказана польским автором Юрием Туронком в его книге

„Беларусь под немецкой оккупацией”(1989 г.). Когда сообщение о гибели В.Кубе дошло до Гитлера, он распорядился тело гауляйтера доставить в Берлин. Перед этим оккупационные власти и военное командование в Минске решили гроб с погибшим генерал-комиссаром провести эскортом по центральным улицам Минска. Эту процессию видел и запомнил малолетний узник гетто, в ту пору находившийся в белорусском детском доме, Давид Таубкин. Живет он сейчас в Израиле в городе Петах-Тиква. Вот что он мне рассказал:

- Моя мама, Розалия Михайловна Таубкина, договорилась со своей знакомой главврачом белорусской детской больницы положить меня в палату под именем Виктора Савицкого. Оттуда меня перевели в детский дом для сирот, который находился в Красивом переулке в районе Минской товарной железнодорожной станции. В одноэтажном деревянном здании ютилось около ста ребят. И вот однажды директриса Вера Леонардовна Спарнинг нас предупредила:

- Сегодня, мальчики, никуда из дома не ходите. В Минске партизаны убили генерал-комиссара Кубе и на улицах жандармы свирепствуют...

Мы и притихли, как мыши, в ожидании неприятностей. Но нас не тронули. А на следующее утро мы услышали с Московской улицы звуки оркестра. Самые отчаянные, в их числе был и я, побежали через железнодорожные пути к путепроводу. Вдоль тротуаров на Московской стояло оцепление военных. Гроб с телом Кубе везли на орудийном лафете в сторону аэропорта. Он был прикрыт нацистским флагом: красное полотнище с белым кругом в центре и черной свастикой...

На улице толпилось много зевак. Лица у всех были строгие, люди своих эмоций не выражали, но по глазам было видно: акт возмездия над палачом воспринят с одобрением.

Останки Вильгельма Кубе на военном самолете доставили в Берлин. В германской столице по приказу фюрера были устроены торжественные похороны. В них участвовали высшие чины нацистского руководства: Гитлер, Геринг, Гиммлер, Геббельс, министры, генералитет вермахта. Похоронили палача на берлинском кладбище Ланковиц.

Так закончился беспримерный акт возмездия над гитлеровским ставленником в Белоруссии гауляйтером Кубе. За эту операцию Мария Осипова, Елена Мазаник, Надежда Троян были удостоены звания Героя Советского Союза, а командир отряда Давид Ильич Кеймах - высшей правительственной награды - ордена Ленина.

Судьба этого талантливого партизанского командира оказалась трагичной. В сентябре 1943 года при перелете через линию фронта самолет, на котором по вызову командования летел в Москву Кеймах, был сбит. Похоронен партизанский командир в братской могиле в Великих Луках.

Уже после войны, когда минчанам стали известны подробности уничтожения генерал-комиссара палача Вильгельма Кубе, сестра Ёха как-то мне сказала:

- Я ведь с Осиповой знакома. Добрая и симпатичная женщина. Я с ней встретилась во время второго похода из отряда в Минск.

Оказывается, их обоих партизаны на лошадях

подвозили до Старого Села, чтобы им было ближе добираться пешком до города. Тогда сестра, опасаясь жандармских патрулей, не отважилась идти с Осиповой прямо на Минск. Она повернула на Птичь, чтобы войти в город с совершенно другой стороны...

Лично я Марию Борисовну Осипову не знал, но мне о ней рассказывали многие евреи, спасшиеся из гетто и молодые партизаны, которым она помогла через проводников добраться до партизанской зоны.

В дни, когда я пишу эту главу, замечательная женщина, к сожалению, уже умерла. Как мне передали мои родственники-минчане, она скончалась в возрасте девяносто лет. Жива ее дочь Тамара. И я ей желаю от всего сердца жить здоровой и бодрой в родном Минске до 120 лет! Так евреи желают всем достойным людям.

Во время войны, кроме мужества и отваги, Мария отличалась добрым, сострадательным сердцем. Хотя она являлась хозяйкой конспиративной квартиры и в оккупированном городе очень рискованно было поддерживать связь с евреями, Осипова не только старалась помочь многим, но в своем доме вместе с дочерью Тамарой прятала скрывавшихся от ареста людей, даже приютила несколько еврейских семей, за что по израильским законам стала вместе с дочерью Праведником мира. Не пересчитать, скольким узникам гетто Мария Борисовна помогла в трудную минуту.

В Израиле живет бывшая минчанка подпольщица и партизанка Таня Бойко (ее девичья фамилия Лифшиц). Так вот она тоже была связана с Осиповой и дома у нее в Бат-Яме хранится дорогой документ, подписанный Марией Борисовной в 1964 году:

„...Знаю Татьяну Аркадьевну Бойко с октября 1941 г. по май 1942 г. по подполью в г.Минске. Знала ее как Наташу, которая из гетто приносила в Русский район на Заславскую,35 медикаменты, оружие, патроны... В этой квартире жил член моей подпольной группы комсомолец Столов Матиас (Матик). Все принесенное я забирала и отправляла в лес к партизанам. С уходом Столова в отряд в июне 1942 г. я с Бойко больше в годы войны не встречалась...”

Таня тоже ушла в партизанский отряд. Там ей доверили очень опасную работу. Она пробиралась в Минск и выводила в лес нужных для партизан людей. Из гетто и концлагеря для военнопленных на улице Широкой Таня в общей сложности вывела восемьдесят человек. Конечно, она не расспрашивала, кого ей как проводнику поручали доставить в отряд. Много позже она, например, узнала, что один из узников - Семен Ганзенко стал командиром бригады.

Между прочим, в гетто боевая девушка познакомилась со своим будущим мужем Захаром Бойко. Он приехал в Минск из Винницкой области погостить к родной тете. Тут и застала его война. 7 ноября сорок первого вместе с родственниками Захара гестаповцы повезли из гетто на расстрел, но ему удалось бежать. Город он не знал, и ему пришлось возвратиться в гетто. Такая у них судьба: второй раз Захар встретился с Таней в партизанском отряде им.Буденного. Потом он стал комиссаром вновь созданного отряда...

Неминуемые жертвы были при выполнении столь сложной операции. Но факт тот, что возмездие над палачом свершилось!

Глава двадцать восьмая.

. БОЕВАЯ РАБОТА

В отряде Старицкого было много местных жителей из близлежащих деревень. Вероятно, из-за этого произошла реорганизация. От нас отделились „боевики“- те, кто ходил на задания. А к нам назначили нового командира, бывшего военного, бежавшего из концлагеря. Так мы стали партизанами семейного отряда Ледеяева.

Очень трагически сложилась судьба его беременной жены. Она скрывалась в каком-то лесном хуторе, ее выследили полицаи и передали в гестапо. Там ее, как жену партизанского командира, страшно мучили, сажали на горячую плиту и требовали, чтобы сказала, где находится ее муж... Дальнейшая ее судьба мне не известна.

А в семейном отряде мы занимались разными работами, в том числе выполнением боевых операций. Сапожники чинили обувь, портные шили телогрейки. Многие были заняты чисткой и реставрацией оружия. Был у нас и настоящий оружейник Гиршл Берман, выходец из местечка Городок.

С группой партизан по заданию командира я ходил в разведку под станцию Олехновичи. Выяснял, когда там проходят на Минск новые воинские эшелоны. Мой непосредственный командир Гершон Цофин тоже был родом из местечка Городок. Он

хорошо знал многих местных крестьян, а от них мы получали сведения, где припрятаны снаряды, из которых можно выплавлять тол. Этим мы оказывали неоценимую помощь подрывникам.

Однажды три партизанских отряда отправились на выполнение сложного боевого задания. Предстояло разгромить Воложинский полицейский участок. Опыта участия в таком деле у меня не было. Поэтому я старался держаться поближе к командиру взвода.

Мы скрытно подошли в Воложине к одной улице. И вот Цофин мне говорит:

- На этой улице в одном из домов живет полицейский. Надо узнать, в каком и сможет ли он оттуда вести огонь.

Где живет полицейский, я разузнал. Потом мы тайком подкрались к его дому, окружили с трех сторон Ждали условного сигнала о начале операции по блокированию полиции.

Нашу задачу определил Гершон Цофин:

- Постараемся взять хозяина тихо и внезапно. Авремелэ,- обратился взводный ко мне,- ты пойдешь первым...

Когда он дал знак, я ворвался в дом и сразу на кухню. Вижу: там сидят двое. Крикнул им:

- Руки вверх! Вы окружены!

Наставил на них карабин. Мужчины были похожи друг на друга, вероятно, это были два брата. Один из них стал меня просить:

- Не стреляй! Не стреляй! Я вам пригожусь...

В это время мне на помощь пришли другие партизаны. Когда они вошли в дом, я отобрал у братьев коробку с сахарином. Тогда это было большое бо-

гатство. В коробке оказалось десять малых коробочек.

Цофин велел мне проверить кладовую. Там я обнаружил много обуви и разные теплые вещи. Среди этой одежды нашлись два тулупа.

Полицейского и его брата мы без стрельбы забрали с собой в плен. Впоследствии оба они оказали нам неоценимую помощь в разведке. В частности, помогли выловить предателей в окружающих селах. Были даже обнаружены немецкие агенты, находившиеся в нашем отряде.

Боевая работа пришлась по вкусу не только мне. В отряде рос авторитет подростков, у которых было оружие. Мы были бесстрашны, это ценили наши товарищи. Они старались нас брать в разведку...

Запомнилось время, когда началась блокада пуши. Немецкие войска окружили партизан со всех сторон. Они хотели взять нас измором, но сами боялись входить в лес для выполнения операций.

Троих подростков из гетто: меня, Янкеле Купера и Хаимке Гольдина - поставили в дозор. Старшим назначили более опытного Ваню Хохлова. Через сутки он сказал:

- Вы оставайтесь здесь, а я пойду в отряд и принесу для всех еду...

Так у нас было заведено... Но как ушел он, так мы больше его не видели. Мы в дозоре еще находились двое суток почти без пищи. С разных сторон были слышны выстрелы. Видимо, в эту переделку попал наш Хохлов. Потом мы пошли в сторону расположения отряда в надежде найти там что-то поесть. Хорошо, что догадались подойти скрытно. Возле землянок мы увидели немецких солдат. Они, оказывается, обошли нас стороной.

Мы двинулись в сторону болота, куда гитлеровцы боялись сунуться. Но и нам нельзя было пройти там из-за глубоких и топких мест. Ко всему, в то время нас заедали тучи комаров. Представить это невозможно. Комары не только жалили лицо и руки, но проникали под одежду.

Втроем мы бродили по болоту, порой погружаясь в трясину по грудь. Потом снова выбирались на сухое место. Говорят, „голод - не тетка“. Мы вынуждены были на вторые сутки снова вернуться к отрядной стоянке. Там уже никого не было, все разгромлено, но нашли кое-что из пищи.

Подкрепились и снова в путь. Прошло, может быть, пять суток. Несколько раз попадали в непроходимые болотистые места. Однажды стало слышно движение людей, шум нарастал. А мы сидели в болоте по пояс. Убегать некуда, ибо выйти на открытое место - это верная смерть.

Потом стали видны люди. Одеты они были в разные одежды. Значит, не немцы. Но идут в нашу сторону. Я вскинул карабин и крикнул:

- Стой, кто идет?!

Так всегда было принято для выяснения, кто такие.

- Свои,- ответил кто-то. Командую:

- Один - на переговоры! Они подумали, что нас много.

Мы приблизились друг к другу. Когда партизаны поняли, что нас всего трое, стали смеяться. Вместе с парламентаром мы пошли к командиру. Тот, узнав о том, сколько нас, стал хохотать. Трое подростков напугали целый отряд.

Партизанский отряд оказался большой - в нем насчитывалось больше ста пятидесяти бойцов. Командир взял нас с собой, только велел распределить по разным взводам.

Разведка этого отряда хорошо ориентировалась на местности. Мы двигались осторожно, чтобы не напороться на немцев, державших блокаду пуши почти четыре недели.

В густом сосновом лесу мы вдруг услышали одиночные выстрелы в нашу сторону. Все залегли. Я стал внимательно вглядываться, откуда раздаются выстрелы. Увидел на дереве человека с винтовкой. Показал на него старшему. Мы осторожно приблизились и приказали ему спуститься.

Человек понял, что сопротивление бесполезно. Он слез и дрожащим голосом стал оправдываться:

- Уснул я, хлопцы, а теперь, видишь, отстал от своего отряда...

Незнакомца, стрелявшего с дерева, сразу обыскали. Кроме нескольких обойм с патронами, нашли у него пять кусочков хлеба и сахар. По форме было ясно, что хлеб немецкий, такой же и сахар. При допросе он заверил, что в партизан не стрелял.

Командир не поверил ему и приказал:

- Проверьте запах со ствола. Угаром пахнет?

Я понюхал ствол винтовки и кивнул.

- Врет, что партизан... Проверим...,- сказал командир. Все стали относиться к новичку с подозрением. Задержанный переночевал вместе с нами, а наутро сбежал. Но все-таки партизаны его поймали и расстреляли.

Оказалось, что это немецкий осведомитель. По его условной стрельбе немцы определяли местонахо-

ждение партизан. При более тщательном обыске у него под подкладкой обнаружили удостоверение-аусвайс.

В то время от постоянного голода я так ослабел, что партизаны вынуждены были меня, обессиленного, положить на самодельные носилки, сплетенные из ветвей и жердей. Помню одну фамилию - Рожков Костя, саратовский, а второй был из Краснодарского края. Я был безмерно благодарен этим молодым парням, бывшим военнопленным, которые несли меня, не дали погибнуть в болотах.

Потом я нашел свой отряд „За Советскую Белоруссию". Там меня перевели в резервную группу. Командиром отряда у нас стал Александр Иода. В тех местах он знал буквально каждую тропку, потому что перед войной был лесничим. В отряд определяли всех женщин с детьми. А мы, подростки, их охраняли.

Во время блокады партизанская жизнь была тяжелой, полной опасностей. По несколько дней без пищи мы двигались по болотам. Приходилось питаться подножным кормом: ягодами и крапивой.

Большим подспорьем была конина. Когда натыкались на убитую или утонувшую в болоте лошадь, мы вырезали куски мяса и жарили на костре. Правда, опасность была, что по дыму немцы обнаружат нас. Поэтому вдали от костра в разных направлениях выставляли дозорных.

Переходя одно крупное болото по „чертову мосту" -так назывались проложенные на топких местах бревна, мы неожиданно увидели тонущую женщину. Сестра Фани (той девушки, которая ушла в партизаны с Ёхой) сорвалась с кладок и упала в болото. Мы случайно наткнулись на нее, когда тело ее погрузилось в трясину до самого подбородка. Она звала на

помощь, и мы пытались помочь ей. Но веревок, чтобы ее вытянуть, у нас не было. А болото все больше ее засасывало. Семь человек полтора часа боролись со стихией. Но мы ничего не смогли сделать. Спасти Фанину сестру так и не удалось.

После блокады люди были настолько измучены, что не могли идти искать пропитание. И вдруг отряду повезло: нам привезли три подводы с продуктами да еще дойную корову. Помощь подоспела вовремя. То были плоды заготовительной операции партизан нашего отряда, хорошо знавших местность. Целый месяц они действовали за пределами блокированной территории, умело маневрировали, чтобы не нарваться на карателей. Этим героем был Цофин, он был местным жителем.

И вот меня поставили охранять все это добро. Через час к повозкам с продуктами пришел сам командир и взял все, что хотел. Потом стали приходить другие командиры и тоже стали брать продукты без спроса. Я подумал: „А что мы? Рыжие что ли?“ Взял продукты и отправил ребятам в землянку. Другие заметили и пошло, стали растаскивать с подвод все, что попало. Вижу, дело плохо. Поднимаю карабин и стреляю вверх. Прибежал командир:

- Кто стрелял?

- Я стрелял, - отвечаю.

- По какой причине?

- Все занимаются растаскиванием продуктов, это непорядок! - выпалил я.

Командир всех построил и перед строем вынес мне благодарность за хорошее несение службы.

Глава двадцать девята

ПОСЛЕ БЛОКАДЫ

Сбор продуктов нелегко нам доставался. Порой их приходилось отбирать силой или под страхом применения оружия. Кроме нас, еще были такие отряды, которые не церемонились и отбирали у крестьян все подряд: муку, картошку, сало и даже корову. К сожалению, находились безжалостные партизаны, занимавшиеся мародерством. Правда, за это командование строго наказывало вплоть до расстрела.

Однажды нас послали на небольшую операцию | мы должны были собрать у крестьян белое полотно. Из него предстояло сшить маскировочные халаты для боевых отрядов. Дело было зимой, ехали мы на трех санях и передвигались только ночью.

Командовал нами невысокий еврей, крепко сбитый парень лет двадцати пяти. Запомнилась мне его добрая улыбка. Он только недавно прямо в лесу женился. Звали его Михл Лицкий. Был он из местных местечковых евреев, хорошо знал все дороги, населенные пункты и многих крестьян.

Когда уезжаешь на такую операцию, никогда не знаешь, сколько времени она продлится. Порой требовалась неделя, а иногда и больше.

В темноте мы добрались до большой деревни. Название ее я не помню. Недалеко был полицейский

участок, но командир группы Михл заехал с такой стороны, чтобы миновать его и не подымать шума.

Постучались в одну хату. Открыл хозяин. Когда мы вошли и сказали, кто мы и зачем пришли, хозяин перепугался, что мы его заберем в партизаны. Жена его стала плакать:

- Родненькие, у нас же детки маленькие. Кормить нечем, одеть нечего...

- Успокойтесь, мы у вас ничего не возьмем,- сказал Лицкий. - Но подскажите, у кого есть белое полотно? Кто прислуживает немцам?

Хозяин объяснил, где живет староста. Недавно он собрал для немцев много продуктов и полотно. Делает он это для них очень усердно. Крестьянин даже подсказал, где в доме у старосты тайник.

Наш командир поблагодарил за эти ценные сведения и приказал сопровождавших партизан ничего в доме не трогать. Оттуда мы тихонько подъехали к дому старосты.

На стук в дверь долго не отзывались. Мы окружили хату, у каждого окна стал партизан. Постучали опять. Слабый голос спросил:

- Кто там?

- Партизаны!

Староста открыл двери. Весь вид его, трясущиеся руки свидетельствовали о том, что он очень напуган.

- Ты работаешь на немцев,- сказал Лицкий.- Я знаю, что ты очень стараешься... Сейчас открывай тайник и отдай все, что заготовил для них...

Староста очень удивился нашей осведомленности и сразу повел нас в гумно. Под соломой оказался вход в тайник. Он открыл его, зажег керосино-

вую лампу. Там оказался целый склад. Мы взяли оттуда сало, окорока, мешок муки и три рулона полотна. К тому времени староста немного отошел от испуга и начал громко возмущаться, что мы его грабим.

Кто-то из партизан сказал:

- Это все не твое, у крестьян отобрали. Михл Лицкий дополнил;

- Ты живешь с семьей в тепле и уюте, а люди вокруг бедствуют. Немцы сожгли столько деревень, убили столько белорусов и поляков. А ведь ты и сам поляк? Так?

Староста кивнул.

- В лесу мы хозяева, - продолжал Лицкий. - Подумай, как ты можешь помочь партизанам. Когда вернется Красная Армия, спросят с каждого...

Задание было выполнено, полотно мы достали. В придачу набрали продуктов. Можно было возвращаться. На санях мы двинулись в сторону леса, где была запланирована дневка (так назывался дневной отдых, а движение мы совершали ночью).

А староста оказался негодяем. Хотя он обещал молчать, утром сообщил полиции. По следам на снегу они установили направление нашего движения.

Мы всегда старались дневать недалеко от леса. Для охраны выставили часовых. Так было и на этот раз. Ничего не предвещало опасности.

На рассвете, когда мы крепко спали в доме на хуторе, а утомленные часовые, по-видимому, тоже задремали, вбежала хозяйка с криком:

- Немцы, полицаи!

Мы спали одетые, а оружие на ремне висело на согнутом локте руки. Хорошо, что враги не успели

окружить дом и дорога к лесу оказалась свободной. Но на пути туда был высокий забор и снега намело по грудь. Несмотря на суматоху, взрослые партизаны быстро перескочили через преграду и кинулись в лес, а я застрял.

На выручку бросился высокий парень по фамилии Шнит из Воложина. Он был старше меня и ростом выше. Шнит подставил плечо, и я перемахнул через забор, следом перелез и он.

Когда мы бежали к лесу, нас начал догонять конный полицейский. Я остановился и стал по нему стрелять. Признаюсь: стрелять я толком не умел, при каждом выстреле приклад больно бил мне в плечо.

После моих выстрелов полицейский повернул и погнался за Шнитом. Это меня спасло. Я бросился в лес и уже там услышал очередь из автомата. Мой спаситель был убит полицейским.

В зимнем лесу я остался один. В глубину леса преследователь побоялся въехать, потому что там ему грозила опасность из-за любого дерева. После горячки боя я немного успокоился. И сразу возникли вопросы: что делать? Куда идти? Нашел следы моих товарищей. Но я боялся погони и подумал, что днем продолжать путь одному опасно.

Лес был небольшой, и я решил дождаться темноты. Мороз усиливался и меня стал донимать холод. Впопыхах я не успел в доме надеть шапку, где-то ее потерял и теперь мерзла голова. Днем еще пригревало солнце. А к вечеру, чтобы согреться, я бегал, хлопал руками, тер уши и стучал нога об ногу, оглядываясь кругом.

Стало темнеть. Я осмелился выйти на дорогу.

Издали увидел, что на санях едет один человек.

Вышел навстречу и поднял карабин. Я заставил крестьянина выпрячь лошадь и отдать мне шапку-ушанку. Потом приказал отойти на сто метров, так как боялся, что он может наброситься на меня. Дальнейший путь я продолжал верхом...

Своих я нашел на вторые сутки. В деревне Болотковщина - это уже была партизанская зона - я никем не замеченный вошел в дом, где спали Лицкий с партизанами. Чтобы согреться, я залез под лавку, на которой лежал Михл. Но заснуть не мог, меня била

Мои командиры в партизанском отряде: взводный Гершон Цофин (слева) и Михл Лицкий

дрожь. Тогда я стал тихонько снизу стучать и звать:

- Михл, Михл...

Лицкий очнулся и стал сквозь сон бормотать:

- Черт возьми... Какой-то кошмар. Я сейчас во сне видел, что байстрюк (так он меня называл) у меня под лавкой и зовет меня...

Никто ему не ответил. Все крепко спали. Он

тоже повернулся на бок, и я услышал его храп. Вероятно, и я вскоре согрелся и заснул.

Утром, когда Лицкий проснулся и спустил с лавки ноги, я дернул его за сапог. Командир подскочил, как ужаленный:

- Эй, кто это?

Я вылез из-под лавки и бросился обнимать Михла. Сколько было смеха и радости!

А в отряде из-за нашего долгого отсутствия ходили разные слухи. Толком никто ничего не знал, но слухи пошли, что Шнит и Байстрюк, то есть я, погибли. Но маме эту печальную весть никто не сообщал. Да и кто мог осмелиться сказать женщине, уже потерявшей пятерых детей, о гибели ее последнего сына?...

О нашей гибели все говорили тайком от моей мамы. А она в это время, ничего не зная, зашла в одну из землянок и по обыкновению рассказала женщинам какую-то веселую историю. Все подумали, что она от страшного сообщения сошла с ума.

Только когда наша заготовительная группа вернулась, потеряв одного товарища, все узнали, как все было на самом деле. А нам тогда не давала покоя судьба Шнита. Через какое-то время мы вернулись к месту нашей дневки. Там мы узнали, что раненого Шнита немцы сожгли вместе с домом и хозяином, где мы ночевали. А хозяйка с детьми, к счастью, скрылась у своих родственников.

Потом стало известно, кто именно навел полицаев на наш след. Это был тот самый староста, и он забрал назад все конфискованное нашей группой. Жадность его была такой чрезмерной, что он взял в сожженном хозяйстве лошадь, корову и все продукты, заготовленные на зиму. Однако предатель вскоре был

уничтожен, а хозяйка, которая вовремя нас предупредила, со своей семьей оказалась в нашем отряде.

Одну историю я должен рассказать из нашей партизанской жизни. Мне очень хочется вспомнить о партизане-еврее Подберезкине. За высокий рост, большую физическую силу его у нас называли Петр Первый... Родом он был из местечка Городок. В отряде его ценили за умение ориентироваться, за хорошее знание местности. Главное - он был отличным специалистом-подрывником, участвовал в рельсовой войне, пускал под откос составы. Командование стало ему давать самые сложные и ответственные задания

Однажды он с небольшой группой из десяти человек совершил успешную акцию: подорвал поезд Железнодорожное сообщение в сторону фронта немцев было остановлено на много часов.

Группа подрывников благополучно добралась до пуши. По дороге, добыв самогон, сало и хорошие продукты, партизаны на радостях хорошенько выпили. Пьяные, они продолжали путь на базу. Путь не близкий, через лес на телеге быстро двигаться невозможно. Подберезкин сидел спереди и правил лошадь. На телеге, кроме него, были еще трое. Вдруг партизан, по имени Козлов, тихо сказал другому:

- Давай кокнем этого жида. Другой, тоже пьяный, отвечает:

- Хочешь - кокни. И хрен с ним... Козлов приставил дуло к затылку Подберезкина и выстрелом снес ему полголовы. После выстрела, все, соскочив с телег, сбежались к окровавленному Подберезкину. Увидев такую картину, они отрезвели.

- Кто стрелял? - спросил старший. - Откуда? Никто не верил, что это сделал свой партизан.

А пьяный Козлов отвечает:

- А хрен с ним, одним жидом будет меньше...

Большинство возмутились диким поступком Козлова. Кто-то спросил:

- Что же мы скажем, когда приедем на базу?

- Скажем, что напоролись на немецкую засаду и в бою его убили. Дело обычное. На то и война.

Подберезкина закопали на обочине на том же месте, где случилась эта трагедия. В могилу рядом с ним положили личные вещи, в том числе и оружие, молча поехали дальше. Все-таки большинство было удручено происшедшим. Может быть, так бы и приняли версию о засаде. Но партизаны из Городка горбатый Рубель, Михл Лицкий, швея Баши-Голде, наша поэтесса Брайнэ и командир Цофин почувствовали, что в этой истории не все ладно. Они стали вести собственное расследование.

Когда выезжали на задание, у местных жителей, где проходила дорога, допытывались, не произошел ли там бой с немцами, не попал ли кто-нибудь из партизан в засаду или был убит полицией.

Больше всех инициативу проявлял командир взвода Гершн Цофин (впоследствии после войны он репатриировался в Израиль). Обо всем он доложил в особый отдел и требовал провести расследование.

В то время в отряде уже соблюдалась строгая дисциплина, была постоянная связь с командованием и особистам пришлось доложить о происшествии в штаб бригады. Оттуда последовал приказ: найти виновника, судить и наказать перед строем.

Особый отдел легко докопался до истины. Да и сами партизаны не одобряли бандитскую выходку антисемита. Решили устроить публичное дознание и суд.

На поляне весь личный состав партизан построили полумесяцем.

Виновниками признали командира отделения и рядового партизана Козлова. Помню даже вопросы, которые им задавали.

У командира отделения спросили:

- Почему ты не доложил об этом убийстве сразу, когда прибыл в отряд?

- Я был пьяным.

- Почему ты скрыл правду?

Он промолчал. Да ему и нечего было сказать.

Спрашивают у поляка Козлова:

- Почему ты убил боевого товарища, рисковавшего вместе с тобой?

Опять все услышали ответ мерзкого антисемита, ненавидевшего евреев:

- А хрен его знает...

Перед строем партизан был зачитан приговор.

За скрытие правды о трагическом случае при выполнении боевого задания командиру отделения - расстрел, за убийство своего товарища - к партизану Козлову применить высшую меру наказания, лишить его жизни через повешение.

У партизан суд был скорый. На глазах у всех приговор был приведен в исполнение. Повесили Козлова тут же на суку дуба, росшего на поляне. Так распорядилось командование, чтобы больше не повторялось подобное.

Должен сказать, что этот суд имел весьма положительные последствия. В каждом отряде нашей бригады обсуждали случившееся. Все без исключения бойцы и командиры осуждали действия Козлова и одобряли справедливое решение Командования.

Действительно, после суда у нас в бригаде не было ни одного случая убийства. Кроме того, прекратилась межнациональная рознь, антисемитизм, шовинизм, отдельные проявления которых до этого еще изредка случались в отрядах.

После этого суда наступил самый настоящий мир и спокойствие среди партизан. Во всех отрядах прошли беседы о случившемся. Везде отмечали правильность принятого решения. Партизаны высказывали справедливые суждения о происшедшем, строго отзывались о подлых поступках тех, кто нарушил присягу и дисциплину.

Партизаны из бригады им.Чкалова. Слева направо: Шепсл Шпрингер, Ехиел Окунь и Лёля Шухман (Снимок 1942 года, публикуется впервые).

Глава тридцатая. **ВСТРЕЧА С РОДИТЕЛЯМИ**

После блокады я немного поправился и начал тосковать по своим родителям. Мне было известно, что они находятся в Налибокской пуще в отряде у Зорина. Очень захотелось их увидеть. Прямо не находил себе места. Но как добраться до них? Это было непросто. Ехать лесом сутки, может быть, двое. Кто отпустит на такое время?

Каким-то образом я узнал, что кто-то из начальства собирается везти жену на аборт к врачу в отряд № 106. Сразу же стал у командира проситься, чтобы они меня взяли с собой. Он и слушать не хотел.

И вдруг я заплакал.

- В чем дело? Почему ты плачешь? - удивился командир Иода.

- Хочу увидеть родных...

- Кто там у тебя?

- И мама, и папа... Он смягчился:

- Так бы сразу сказал...

Вечером командир вызвал меня, и мы на подводе отправились в дорогу. Направление было в Налибокскую пущу. Ехали мы долго. Помню, что проезжали через взлетное поле какого-то аэродрома. Ехали и днем и ночью. По дороге встречали много партизанских групп, идущих на задание. Меня это ободряло.

Нам повезло. В глубоком лесу, плутая, мы вст-

рители группу из зоринского отряда. Они возвращались на базу после операции. Услышав фамилию Рубенчик, старший группы кивнул:

- Да, у нас есть такие... А ты кто им будешь?

- Сын.

- Тогда поехали с нами. Твоя мама у нас старший повар. - Он подмигнул товарищу и с улыбкой сказал: - За такого гостя мы сегодня у нее получим двойную порцию мяса.

Начальство всегда получало обед первыми и самое вкусное, а мама этому искусству была мастерица.

Вместе мы уже уверенно двигались в большом лесу и вскоре добрались до места.

Наконец встретился я с мамой и с отцом. Поцелуй, слезы. Радости не было конца. Разговоры, рассказы, бесконечные воспоминания.

Встретил я там и Фитерсона Нонку, который в Минске жил в нашем Зелёном переулке. В их семье тоже семеро детей погибло в гетто. В еврейском лагере было много подростков, которые мне завидовали, так как я был вооружен, настоящий партизан, принимавший участие в боях.

Я пробыл в Зоринском отряде три дня. Тогда же стал уговаривать родителей, чтобы они перешли в наш отряд. С командиром отряда Иодой у меня перед отъездом уже была об этом договоренность.

В начале мой отец категорически выступил против. У Зорина у него действительно была хорошая должность. Зная его кристальную честность, командир назначил отца старшиной хозяйственного взвода - отвечать за продукты и организацию питания.

Но я и Ёха настойчиво звали их с собой. Ре-

шающее слово сказала мама:

- Раз Авремелэ договорился, надо ехать.

С тех пор мы стали жить вместе. Маму назначили у нас постоянным поваром, папа ходил на задания, как все остальные партизаны.

Нахама и Исроэл Рубенчик

В этой связи я вспоминаю интересный случай. Однажды командир вызывает отца и как опытному солдату (а из его рассказов все знали, что еще в гражданскую войну он воевал с басмачами) дает ему срочное задание, пойти в расположение бригады (от отряда это 60 километров) и привести оттуда арестованного. Отец отправился в путь. Дорога была длинная, болотистая. Земля раскисла из-за дождей.

На обратном пути отец на отдыхе стал расспрашивать арестованного. Тот рассказал, что он по званию майор, родом из Саратова. А скрывался он у женщины по имени Любаша.

Стало темнеть. Они двинулись в путь. Часто

проваливались в ямы. Болото порой доходило до шеи. Выберутся и выкручивают одежду, из сапог выливают воду.

Отец говорит ему:

- Вот приедем в отряд и встретит тебя Любаша, которую только вчера привезли...

- Неужели это правда? - обрадовался арестованный. - Он разоткровенничался и признался отцу, за что его поймали и привезли в пуцу. Оказывается, он находился в плену в лагере Дрозды недалеко от Минска. Оттуда с двумя однополчанами бежал. Они нашли партизан, но он и от них сбежал в деревню и пристроился у этой Любаши. Потом с одним из военнопленных, который стал партизаном, он еще раз встретился. Тот стал уговаривать его не прятаться под юбку, а идти в отряд воевать. Уговорил. Но во время операции он опять сбежал. Поэтому его поймали как дезертира.

Отец проникся к этому человеку симпатией и пообещал помочь, чтобы его строго не наказывали. Когда он пошел докладывать в штаб отряда, что привел арестованного, в сопроводительном конверте было написано: „Расстрелять как дезертира“.

Эту лаконичную записку начальник штаба прочитал вслух. Он удивился и даже с сомнением покачал головой. Его настроение поддержал отец:

- Наверно, этому человеку можно найти другое наказание. Он же никого не убивал, он ведь не полицей и не предатель. Лишать человека жизни только за то, что сбежал к бабе под юбку?

В это время в землянку вошел командир отряда Александр Иода. Взял записку, которую прислали из штаба бригады, и тоже усомнился в таком скропалительном приговоре.

Отец доложил командиру отряда, как он его потерял в болоте. Они чуть не утонули, потом нашли ночью друг друга по голосам. Рубенчик убедил Иоду, что бывший майор не дезертир, а просто патологический трус. Надо его наказать по-другому. Благодаря заступничеству отца, этого человека не расстреляли, оставили в отряде, он работал и помогал по хозяйству.

Послевоенная судьба этого бывшего майора была благополучной. Он по-прежнему жил в колхозе с Любашей, имел двоих детей. Бывая в Минске с сыном, он обязательно приходил к нам в дом.

- Смотри, Саня, - сказал он как-то сыну, показывая на моего отца. - Этот человек мне спас жизнь. Я век этого не забуду!

Недалеко от территории пуцы, где располагался наш отряд, было несколько хуторов. Мы их всегда щадили, старались в их хозяйствах не проводить ника-

Партизаны 106-го отряда Хаим Гольдин с другом Леонидом Окунем (слева) и Моисей Горелик

ких заготовок. Зато гитлеровские каратели, не сумев победить партизан, всю свою ярость выместили на беззащитных людях, которые хотели лишь одного - мирно трудиться.

Много позже из каталога выставки документов и материалов „Немецкая пропаганда в Белоруссии в 1941-1944 гг.“, проходившей в Минске в 1996 году, мне стали известны поразительные цифры и факты. Гитлеровское командование называло свои кровавые карательные операции поэтическими именами и эпитетами.

„В 1943 г. это был „Зимний лес“, „Праздник урожая“, „Зимнее волшебство“, „Русалка“, „Майский жук“, „Охота на уток“ и др. По немецким данным в ходе операции „Гамбург“...подразделения СС и полиции убили 1.676 партизан, 1.510 подозрительных лиц, 658 евреев и 30 цыган...627 деревень были сожжены карателями вместе с их жителями...”

Такая же участь ждала и жителей соседних с нами хуторов. Но партизаны вовремя предупреждали их об угрозе, и они бежали в лес. Когда же немцы сожгли эти хутора, крестьянам ничего не оставалось, как примкнуть к отряду. А у начальства появилась новая проблема. Что делать с безоружными людьми, как отделить от боевых подразделений стариков и женщин с детьми, прибывающих из сгоревших деревень и из гетто?

Тогда нас, подростков, отделили от боевого состава. При штабе бригады „За Советскую Белоруссию“ создали резервную группу. Именно к нам направляли всех нестроевых, женщин и детей. Мы должны были их кормить и защищать от врага. В наши обязанности еще входили: разведка, заготовительные операции, разоблачение разного рода лазутчиков и предателей.

Глава тридцать первая.

БУДНИ ОТРЯДА

Пополнение в отряд шло из местного населения. Используя это, вражеские лазутчики постоянно пытались проникнуть в наши ряды. Из рассказов помню, что втерся к нам в доверие один предатель. Очень хитрый и ловкий был человек. Но когда стало о нем известно, он успел скрыться. А приказ из штаба бригады был строгий: не жалеть времени, только найти опасного лазутчика, предателя.

Три дня пятнадцать человек не оставляли лошадей, не слезали с сёдел, искали беглеца. Прочесали всю местность вокруг партизанской зоны. Никаких результатов это не дало.

Лучше всего сработала разведка. От связных им стало известно, что этого человека неоднократно видели в Воложине на базаре. Такие данные были похожи на правду. В этом районном центре существовал сильный полицейский участок, там постоянно действовали различные немецкие карательные- и разведывательные части.

Разведчики задумали послать в Воложин в базарный день переодетых людей. Операция сложная: было известно, что предатель в такой день любил прохаживаться по базару... И надо попытаться его захватить. Но как это сделать в центре города без стрельбы и жертв?

В одном из партизанских отрядов нашей бригады был учитель немецкого языка из Ленинграда Ханин. Он владел немецким языком, и разведчики задумали устроить на базаре.... облаву, то есть провести операцию без стрельбы и большого шума.

Ханин переоделся в форму немецкого офицера и в сопровождении троих партизан, которых нарядили полицейскими, на телеге отправился в Воложин. На рынке он важно ходил между торговыми рядами с тростью, как настоящий гитлеровский командир.

Лжеполицаи неотступно следовали за „офицером“. Один из них хорошо знал предателя в лицо. Через некоторое время он увидел этого человека и дал знак Ханину. Тот подошел к предателю, осмотрелся, выбирая удобную позицию, начал бить его тростью и кричать:

- Партизан! Партизан!

Тут же к офицеру на помощь подбежали переодетые в полицейскую форму партизаны, скрутили предателю руки, поволокли к телеге. Пока настоящие полицейские, находившиеся на базаре, разбирались, откуда этот офицер и сопровождавшие его люди, наши разведчики выехали из города. Им удалось скрыться от посланной вслед погони и доставить предателя в отряд. Впоследствии он получил по заслугам.

Вспомнил еще один случай из партизанских будней. Однажды мы с Ёхой были посланы на очередную операцию в составе целого взвода. Задание выполнили. На обратном пути собрали у крестьян много живого скота: свиней, овец, две дойные коровы. С таким обозом назад двигались со всеми мерами осторожности и только по ночам.

На дневку устраивались на хуторах, поближе к

лесу, на дорогах выставляли дозорных. Партизанам необходимо было отдохнуть, подкрепить свои силы, чтобы вечером с наступлением темноты продолжать свой путь.

Я один не спал, потому что был назначен в этом доме дневальным. Сажу у дверей, охраняю спящих партизан, иной раз выйду во двор, оглядываюсь по сторонам. И вот один подвыпивший партизан из соседнего дома зашел к нам. Давно приглянулся ему мой карабин, стал он мне предлагать обменять на его винтовку:

И Давай, байструк, махнем. Дам я тебе еще в придачу гранату и три обоймы с патронами.

Я не согласился. Тогда, он припёр меня к стене, выхватил пистолет, наставил на меня и говорит:

- Не отдашь - убью!

Видимо, он думал, что я из породы робких и трусливых.

- Нет! - сказал я. - Карабин ни за что не поменяю!

Я подумал, что он отстанет.

- Ах ты, жидёнок! Считаю до десяти: раз...

два...три...

Вдруг откуда ни возьмись - Ёха с автоматом. Она спала в соседней комнате. Ей видно кто-то шепнул: „Там твоего брата убивают...“. Она схватила свой автомат за ствол и со всей силы ударила пьяницу по руке, державшей пистолет. Тот даже ойкнуть не успел, повалился на пол и сломал руку. Так как в тот момент медицинской помощи ему не оказали, остался он инвалидом на всю жизнь. А Ёху, учитывая её боевые заслуги, даже не наказали.

Произошел с моей сестрой и такой незабы-

ваемый случай. Однажды Ёха заснула на посту, а была она в дозоре. На ту беду проезжал там комбриг с адъютантом и группой бойцов.

Не стали они будить партизанку, а адъютант по приказу комбрига забрал ее винтовку.

Конечно, среди командования отряда это ЧП вызвало переполох. Всех подняли по тревоге. А комбриг возмутился:

- Это преступление - уснуть на посту! Представляете, что бы было, если бы на нашем месте оказались каратели?! Конец отряду! Всех бы перебили спящими!

Ёху сразу же арестовали, повели на гауптвахту „под ёлку" (так это у нас называли). Командиры стали совещаться, что делать. Решили для укрепления дисциплины и повышения бдительности объявить о ЧП перед строем.

Личный состав отряда выстроили на поляне. Привели бледную, уставшую Ёху. Она страшно переживала, но держалась мужественно. Правда, по лицу текли слезы. Кто-то из взводных вышел и сказал, обращаясь ко всем:

- За такой проступок и нарушение дисциплины партизанка Рубенчик заслуживает одно наказание - расстрел!

Эти слова меня резанули словно ножом по сердцу. Я вышел из строя и хотел что-то сказать. Но волнение сдавило мне горло, и я стал плакать. Но потом опомнился и плачущим голосом, обращаясь ко всем, говорю:

- У нас в семье было семь детей, пятерых из них фашисты убили. Если вы Ёху расстреляете, я себя тоже убью...

Командир подошел и вырвал у меня из рук карабин. Весь отряд после моего рассказа и моей мольбы начал перешептываться.

Тогда присутствовавшее начальство стало совещаться с командиром отряда и постановили посадить нарушительницу на гауптвахту, а потом послать ее на самую опасную операцию.

Еще один интересный эпизод. Наша группа „заготовителей" действовала в районе местечка Городок. Это в Воложинском районе, в 12 км. от железнодорожной станции Олехновичи.

Один партизан, хорошо знавший эту местность, привел нас к хутору Битейки. Постучали, хозяйка открыла. Зашли мы в дом. Сюда раньше партизаны не заходили из-за близкого расстояния этого хутора от местечка Городок (там был полицейский участок).

*Бывшие партизаны на 70-летию Ш.Зорина.
Фото сделано в Минске.*

Нам было известно, что у хозяйки дома четыре сына. Один из них был партизан, а другой служил у немцев. Не исключено, что сын-партизан и указал, где в доме спрятаны продукты. Мы взяли у хозяйки ключи от амбара и под соломой нашли замаскированный склад. Стали наполнять мешки зерном. Этого добра там было много.

Ваня Куликовский держал мешок, Ёха ведром насыпала, другие относили на телегу, где я сидел и охранял лошадь. Дело уже подходило к концу, как вдруг раздалась автоматная очередь. Куликовский сразу же бросил мешок и стал из своей винтовки стрелять в сторону, откуда раздалась автоматные выстрелы.

Завязалась перестрелка. Этим временем Ёха успела выскочить из амбара и сесть на одну из подвод. Мы погнали лошадей, чтобы скрыться с хутора в лесу.

Тревожило только одно: почему не успел с Ёхой бежать Куликовский? Растерялся или прикрывал отход Ёхи?

Потом наша разведка донесла, что партизан, приняв бой, отстреливался до последнего. Полицай кричали ему:

- Партизан, сдавайся!

Он им не отвечал, а когда они пытались продвинуться вперед, снова начинал стрельбу. Войти в амбар они боялись из-за страха погибнуть. Этот неравный поединок продолжался, может быть, час. Видя свое безвыходное положение и чтобы не попасть в плен, этот геройский парень выстрелил себе в подбородок.

Наши разведчики установили 'подробности,

почему была сорвана эта операция. Оказывается, пока шла погрузка зерна, хозяйка незаметно дала знать полиции. Во дворе лаяли собаки, и она вроде пыталась их успокоить. Этим она притупила нашу бдительность.

Потом хозяйка незаметно вернулась в дом, зажгла керосиновую лампу и поставила на окно. Это был условный сигнал. Окно выходило в сторону полицейского участка. Сын-полицай понял, что в доме чужие, и на выручку матери привел своих...

Обычно такие хутора каратели после рейда партизан сжигали. На этот раз полицейские его не тронули, чего никогда не бывало. Это лишний раз подтвердило, что хозяйку хутора они пощадили из-за сына, служившего в полиции.

Разных эпизодов из жизни в партизанском отряде в памяти у меня сохранилось множество. Всех их не пересказать. Опишу только еще несколько, когда немцы попали под Минском в окружение.

Возвращаюсь рано утром в расположение отряда, чтобы получить завтрак на всех, кто стоял со мной в дозоре. Прошел полпути и вдруг вижу, что на обочине дороги спит немец. Быстро осмотрелся кругом - никого больше нет. Загнал патрон в патронник и громко кричу:

- Хенде хох!*

От внезапного окрика немец вскочил, как ужаленный. Я держу оружие на прицеле и командую ему по-немецки: „Бросай оружие и иди вперед!“

Он выполнил приказание, а автомат его я подобрал. Подумал: „Хорош трофей!“ Велел ему идти впе-

* - Руки вверх! (нем.)

ред и не оглядываться. Пройдя немного я уже чувствую запах еды от кухни, так как мы приближались к нашему отряду. Командую ему, чтобы снял мундир, сапоги, а в них положил свои часы и все связал ремнем.

Это было раннее утро. Смотрю, немец дрожит и узел с верхней одеждой держит перед собой. Повел я его в штаб отряда мимо землянок. Стали выходить партизаны и хвалить меня, что трофеи добыл. Обычно партизаны ценные трофеи, добытые в бою с немецкими карателями, забирали себе. Я же жадности не проявлял и охотно делился такими вещами с друзьями.

В штабе нас встретил начальник штаба Резницкий. Он хорошо говорил по-немецки и стал допрашивать солдата. А тот продолжал дрожать и попросил, чтобы ему вернули отнятую одежду. При этом на скверном русском сказал, что партизан он не убивал и неожиданно заплакал. Мне почему-то стало его жалко и с разрешения начштаба Резницкого я вернул пленному брюки, сапоги и китель.

Помню, он признался на допросе, что у него имеется много ценных сведений и готов все рассказать, если его доставят к высшему командованию (мне кажется, что было это в тот период, когда немецкая армейская группировка попала под Минском в окружение - так называемый белорусский котел).

Из нашего отряда немца после допроса отконвоировали в штаб бригады.

Подобный случай произошел и с моей сестрой Ёхой. В числе двенадцати бойцов, которые круглые сутки находились в дозоре возле окраины пущи, она вела наблюдение за главной дорогой. Пищу в этом

дозоре готовили на месте, немного в стороне от поста. Оттуда тоже были видны все люди, входящие и выходящие из пущи. Подошла очередь готовить обед моей сестре. С нею был послан еще один человек - бывший полицей. Это был период, когда благодаря успехам Красной Армии, полицей с оружием в руках переходили к партизанам. К нему еще присматривались и не совсем доверяли. Ёха знала об этом, т. к. ее предупредили.

На поляну к своей кухне они шли по узкой тропинке вдвоем: новичок спереди, сестра сзади. Вдруг он резко повернулся к ней, она вздрогнула, вскинула винтовку и громко скомандовала:

- Руки вверх!

И тут Ёха видит: за его спиной стоят двое немцев и от ее окрика тоже подняли руки кверху, решив, что это относится к ним. Оказывается, партизан первым заметил двух немцев, резко повернулся и хотел предупредить об этом.

С помощью напарника Ёха обезоружила солдат, доставила их в расположение дозора, а потом по приказу старшего повела в отряд. Гитлеровцы догадались, что попали к партизанам и на ломаном языке стали просить, чтобы их пощадили.

Увидев на пленных эсэсовскую форму, сестра хотела уже в дороге расстрелять обоих палачей, но сдержалась, потому что знала строгое предупреждение командира отряда не устраивать самосуд. Она смотрела на эти жалкие перепуганные лица и вспоминала, какие самодовольные они были там, в Минске, когда на машинах приезжали в гетто.

Ёха поняла, что может сейчас отомстить за гибель всех родных. Но враг уже был сломлен, нацисты

были раздавлены морально и оставалось только уничтожить этих зверей.

Приблизившись к отряду, партизаны-конвоиры приказали немцам раздеться. Таков был установившийся ритуал. Верхнюю одежду партизаны, ходившие в обтрепанных пиджаках и брюках, забирали себе в качестве трофеев, и портные им все перешивали.

Немцы остались совершенно голыми. Ёе противно было смотреть. Она приказала им сорвать с деревьев листву и прикрыть свой срам. В таком виде они под общее одобрение попадавших им навстречу партизан дошли до штаба отряда.

И снова допрос вел начальник штаба Резницкий: из какой они части, какое задание выполняли и т.д. Резницкий слушал их сбивчивые ответы, а сам думал, что теперь уже немцы стали попадаться в плен с совершенно другим настроением. Им тоже надоела война.

Пленные рассказывали, что их дивизия попала в окружение под Минском. Многие солдаты бегут в лес в надежде спастись. Они хотят мира. Они чувствуют себя обманутыми и понимают, что пришел час, когда их с позором выгонят с этой непокоренной земли...

Глава тридцать вторая.

ГИРШ СМОЛЯР -РУКОВОДИТЕЛЬ ПОДПОЛЬЩИКОВ

Сразу после войны бывшие узники гетто да и все честные люди, кто пострадал в Минске от нацистского режима, зачитывались вышедшей в Москве книгой „Мстители гетто". Ее автором был бывший узник гетто и, как стало ясно из содержания книги, один из руководителей подпольщиков Гирш Смоляр. Многие не знали, что он жил и боролся под вымышленной фамилией - Ефим Столяревич, а затем получил еще один псевдоним - Скромный.

Скажу откровенно, в то время мне не нравилась позиция автора книги, мне казалось, что он всячески угодничает перед властями, совершенно не анализирует причины трагедии евреев Белоруссии. Я тогда не понимал, что это не его вина, что редакторы заставили идти на компромисс, иначе мы бы вообще не увидели этот труд, вышедшим в свет. А цензура трижды все факты и имена просеивала через свое „мелкое большевистское сито". В конце концов эту безобидную книгу за то, что она показывает горькую долю белорусских евреев, изъяли из продажи и библиотек.

И вот в 2002 году в Минске на белорусском языке вышла новая книга Гирша Смоляра „Менское гета" (перевод с английского языка). Сколько нового я узнал, прочитав ее! Оказывается, многие руководители

республики во время войны, мягко говоря, с большим недоверием относились к евреям, если не называть это обыкновенным антисемитизмом. А сколько страданий и жертв принесло это еврейскому народу!

Однако вернусь к самому Гиршу Смоляру. Трудно, очень трудно пришлось ему, когда в начале оккупации Минска он, наконец, добрался из Западной Белоруссии до столицы. Ситуация была почти трагическая. Ни жилья, ни знакомых, ни работы. Как жить? Что делать? Но закаленный подпольщик не растерялся:

„Большим счастьем было для меня,- пишет он в своей книге, - встретить доброго старого друга, еврейского писателя Гирша Добина. Он устроился в еврейском детском доме, где организовал мастерскую по ремонту детской обуви... Гирш посоветовал мне поискать подобное место, хотя бы для того, чтобы не иметь проблем с хлебом и супом..."

Так началась жизнь, полная тревог и ежедневной борьбы с ненавистным режимом. Через связных он познакомился с Зямой Серебрянским, руководившим геттовской полицией (о нем я уже писал в предыдущих главах). По его рекомендации Смоляр был послан работать в котельную геттовской больницы. Там был у него ночлег, а заведующий больницы Лейб Кулик разрешил ему питаться наравне с пациентами.

Постепенно круг знакомств Смоляра расширялся, и он оказался втянутым в подпольное движение в гетто. На чердаке у Нотки Вайнгауза он стал регулярно слушать по радио передачи из Москвы, ной. Но предупредил, что сделал это в порядке исключения...

Осторожный и опытный конспиратор (эту школу он еще прошел в тридцатые годы в Польше), Гирш

Смоляр несколько раз был на грани провала. Смоляр с помощью доктора Кулика оказался „больным" в заразном отделении. Туда немцы никогда не заглядывали.

Проведать его пришли Миша Гебелев и Зяма Окунь. Стали решать, что делать в этой необычной ситуации... Среди сотрудников юденрата началась паника. И тут выход нашел мудрый и образованный Иоффе. Он вспомнил библейскую легенду о „смерти"Иосифа, любимого сына Яакова... Иоффе выписал пропуск на имя Ефима Столяревича, сходил на еврейское кладбище, где еще лежали убитые накануне и непогребенные жертвы, выпачкал кровью пропуск и показал документ гестаповцам, мол, вот что он „нашел" в кармане одного из расстрелянных. Так Ефим Столяревич больше не числился в списке живых. Даже в момент побега в партизанский лес, Смоляр сумел уйти от преследования.

Перед самым наступлением комендантского часа добрался на улицу Немига 25, где жил один из руководителей подпольного городского центра Николай (Назар) Герасименко, вместе с женой спасшего от смерти множество детей-сирот из гетто.

И вот что случилось на квартире у известного минского подпольщика. Пожалуй, лучше самого автора книги „Минское гетто" не расскажешь, поэтомую решил процитировать его воспоминания:

„...Мы придумали с его женой Таней, что в случае облавы я и Николай выберемся через окно на крышу сарая, а оттуда - на соседнюю улицу.. Тем же вечером, очень уставший, Николай вернулся из поездки на партизанскую базу, где должен был обсудить все детали прибытия очередной группы людей из Минска. Отложив наш разговор на утро, мы легли спать.

В полночь нас разбудил настойчивый стук в двери. Таня помогла мне пролезть через окно. В одних подштанниках я оказался на подоконнике из жести. Оглянулся: где Николай? Зачем он натягивает брюки? Неужели не успеет? А дальше - как в страшном сне: ругаясь и угрожая, гестаповцы выламывают двери, врываются в квартиру... Я успел заметить, как один из погромщиков бросился к окну и осветил фонариком - как только он меня не заметил?.. И как не обратили они внимание на одежду, которая, сложенная, лежала возле кровати, где я спал?

Михаил Гебелев

...Некоторое время, ошарашенный, я не мог даже пошевелиться. В чувства меня привел грохот дверей - убийцы ушли вместе со своими жертвами. Перегнувшись, я глянул, не оставили ли гестаповцы кого-нибудь на входе в дом. Нет, там никого не было. Тогда я снова влез в квартиру Николая; там все было перевернуто кверху ногами, я еще удивился, как могли гестаповцы не увидеть моей одежды... Быстро оделся, достал из-под обоев документы, выданные мне в партизанском центральном штабе, вышел на улицу и направился в сторону гетто..."

Я намеренно опускаю весь партизанский период деятельности Смоляра. Находясь в разных отрядах, он безрезультатно пытался защищать евреев и требовал от командиров осуждать всякое проявление антисемитизма. Как у него получалось - это другой разговор. Он очень переживал свои неудачи на этом непростом поприще. Но, веря в коммунистические идеалы, продолжал бороться с всякими проявления-

ми расизма, доказывая командирам, что только интернационализм может объединить разных людей.

Не могу обойти и такой эпизод из книги Смоляра - его встречу с партийными деятелями белорусского ЦК партии, когда Минск уже был освобожден.

Вначале был В.Закурдаев. Его (Смоляра) горячее желание „помочь евреям вернуться к нормальной мирной жизни - наткнулось на глухую каменную стену". Вероятно, партийный чиновник почувствовал, что от его равнодушных к страданиям евреев слов несет обыкновенным антисемитизмом, и он предложил настойчивому ходатаю все изложить в письменной форме...

После Закурдаева был секретарь ЦК Калинин. „Он совсем не интересовался,- пишет Г. Смоляр, - тем, что случилось в Минском гетто, и тем, какую роль

Герой Советского Союза Исая Казинец (слева) и руководитель подпольщиков Гирш Смоляр

сыграло против оккупантов подполье ...Он только сказал: - Подготовьте докладную записку и ждите..."

Потом произошла у него встреча с Пантелеймоном Пономаренко. Тот тоже выслушал его и заявил: докладную написали? Отлично. Ждите ответ. Так Гирш Смоляр ничего не дождался... Еще многие годы неумолимая судьба бросала Смоляра в разные жизненные круговороты. Он работал в Москве в еврейском издательстве, был корреспондентом газеты „Эйникайт" в Минске. Потом переезд в Польшу. С женой Валентиной Найдус и двумя сыновьями Геннадием и Александром. Он депутат сейма, работал в ЦК партии. Но там все захлестнул махровый антисемитизм.

И последний рубеж борьбы - Израиль. Здесь он в основном занимался преподавательской деятельностью, писал книги, выступал с лекциями. Выезжал во Францию, Латинскую Америку. В его выступлениях кроме подробностей подпольной деятельности в Минске и работы в партизанских отрядах звучал рассказ о борьбе, а в его книгах - грусть, ностальгия. Умер он в 1992 году.

Глава тридцать третья.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Партизанская жизнь продолжалась. Но мы уже

ощущали, что с каждым днем все ближе и ближе долгожданная встреча с воинами-освободителями Советской Армии. Это чувство невозможно передать словами. Точно так же, как нельзя описать словами все издевательства нацистов и их пособников, которые пришлось нам пережить в гетто.

Уже были слышны по ночам залпы наших орудий. Партизаны, приходившие с дозоров на аэродроме, рассказывали, что видели с высоких деревьев советские танки. И лица людей светились от радости, все воспряли душой.

Я неоднократно просился дежурить на аэродром, чтобы быстрее самому увидеть и потрогать советский танк. Ведь до сих пор я видел только немецкие с крестом на броне. И вот это случилось. Однажды мы шли сменить дозор и услышали шум моторов, лязг гусениц. А потом появился танк со звездочкой. От избытка чувств я подбежал и стал целовать железо танка. Танкисты и партизаны бросились в объятия друг другу, целовались. Начались расспросы, взаимный обмен информацией...

Становилась свободной от оккупантов белорусская земля. Началось расформирование нашего от-

ряда. Напряженно работал в те дни штаб. Нам выдали характеристики, справки о нашей службе в партизанах. Мы были свободны и стали обмениваться адресами. Уже можно без опаски идти домой, а нам было как-то не по себе, дико, как будто мы оказались на другой планете. Станные мысли приходили в голову: что делать дальше, как это жить без страха, без борьбы. В горе люди сближаются, а тут мной овладевало чувство опустошенности, растерянности и какого-то безразличия к жизни.

Среди партизан было много местных евреев. Один из них - Сайка Лавит с женой, которую звали Рохл, предложил нам остановиться пока у них, в Воложине. Мы пошли туда пешком. По дороге, на обочине, увидели страшный образ проявления народной мести: на высоких березах сверху висело что-то большое, непонятное и в порванной одежде. Вокруг каркали вороны. Остановились, подошли поближе. Присмотрелись. Такого я еще никогда не видел. На двух рядом стоящих березах болтались, привязанные за ноги, две половинки человеческого тела. Они выглядели так, как будто разрублены строго пополам сверху донизу, кроме головы. Внизу на земле валялась форменная офицерская фуражка с черным лаковым козырьком и эсэсовской кокардой.

По-видимому, партизаны, поймав немецкого офицера-эсэсовца, наклонили березы друг к другу, к каждой привязали по одной ноге гитлеровца и, совершая казнь, отпустили их...

Идем дальше. Впереди неглубокая речушка. Через неё - небольшой мостик. Голый немец (вокруг валялась уже слегка подпревшая его одежда), обкрученный весь веревками, висит вниз головой. Его

распухшее тело, облепленное мухами, привязано к мосту. Голова и шея - в воде. Можно было себе представить мученическую смерть этого фашиста, глотающего воздух и захлебывающегося...

Такие пытки придумали партизаны, озлобленные зверствами карателей. Они были доведены до такого состояния, что спокойно совершали казнь и потом смотрели на предсмертные муки извергов. Такая была ответная реакция, месть за погибших и замученных родных, друзей, боевых товарищей.

И вот мы: папа, мама и я - поселились временно у Сайки. Ёха в это время была уже в Минске. Её туда направили с группой партизан бригады „За Советскую Белоруссию“. Все они в июле 1944 года участвовали в знаменитом партизанском параде в Минске и строем прошли мимо руин и разрушенных зданий.

А в Воложинском районе еще было беспокойно от скрывающихся недобитых немцев. Как-то прибегает один крестьянин и, зная, что Сайка партизанил, просит его помощи. Он обнаружил, что в его жите (рожь) прячутся несколько немцев. Там они живут, попрошайничают, а крестьяне их просто боятся, фашисты-то с оружием.

Как раз в это время мимо Воложина шли на запад наши войска. Папа предложил попросить помощи у остановившегося на привал командира взвода. Так и сделали. Лейтенант взял десять солдат, и мы вместе пошли туда, куда указал крестьянин. Это километра два от дороги. Взводный построил солдат в линию с расстоянием три метра друг от друга. Все стали двигаться вперед, прочесывая поле автоматными очередями.

Вдруг раздались выстрелы в нашу сторону. Немцы этим обнаружили себя. Командир скомандовал:

- Ложись!

Все залегли, стали двигаться ползком, а лейтенант обратился ко мне:

- Эй, пацан, я видел у тебя гранату. Дай-ка ее сюда!

Эту немецкую гранату с длинной деревянной ручкой я прихватил с собой из партизанского отряда, хотя все оружие мы обязаны были сдать (я просто припрятал ее на всякий случай).

Командир оказался опытным воином. Он попластунски подобрался поближе к немцам и, кинув гранату, попал в самую точку. Раздался взрыв, послышались стоны. Подойдя, мы увидели, что трое гитлеровцев мертвы, а двое ранены.

Командир обыскал их, забрал знамя, документы, нас поблагодарил за помощь и распрощался с нами. Папа подошел к смертельно раненым. Помня своих убитых пятерых детей, всех погибших братьев и сестер, он стал что-то выкрикивать, желая этим извергам смерти...

Всю одежду с убитых нацистских офицеров мы забрали, часть отдали крестьянину, который указал место, где они скрывались.

Через день-два после этого, мы решили добираться до Минска. Вышли на дорогу, долго голосовали и, наконец, нас подобрала одна машина с двумя бойцами. Маму они посадили в кабину, и мы поехали на Першай, Раков, Минск. Отъехали немного от Воложина, вдруг чуть ли не под машину бросается одна крестьянка. Лицо бледное от испуга, кричит:

- Деточки, помогите! У меня в сарае скры-

ваются два немца. Очень боюсь за детей.

Шофер достал автомат и сказал:

- Надо помочь. Он с двумя бойцами и я с папой побежали за крестьянкой. Оцепили сарай. Я скомандовал по-немецки скрывающимся выйти. По их форме мы поняли, что это гестаповцы, а не фронтовики. Чувствуя нашу враждебность, они стали просить отвести их в комендатуру. При этом сослались

*Характеристика Рубенчика,
выданная в партизанском
отряде*

(обычный прием!), что не знают армейских секретов.

Пока мы думали, что с ними делать: конвоировать в Воложин или везти с собой, раздалась автоматная очередь. Один из солдат расстрелял их с близкого расстояния.

- Ты что сделал?! - невольно вырвалось у меня. Я всегда был против зверского желания лишать жизни беззащитного человека, который не причинил вреда.

- Что сделал..., - мрачно повторил он. - Ты еще спрашиваешь? Или ты не видишь, сколько/оря они принесли?.. Посмотри вокруг.

Мы пошли к машине, продолжили путь. Вдруг

выскочили на дорогу жители с просьбой помочь им.

- Что у вас случилось? - спрашивает шофер.

- Беда, никак не можем прогнать одного немца.

Гражданскую одежду дали - не хочет уходить. На ломаном русском уговаривает, что будет работать по хозяйству, что он еще молодой...

Снова водитель вышел с автоматом, и я следом за ним выпрыгнул из кузова. Во дворе стоял обросший и невымытый немецкий солдат.

Партизанская справка Абрама Рубенчика

Почувствовав, что сейчас с ним могут расправиться, немец упал на колени и стал просить, чтобы в него не стреляли. Я отвернулся, не мог смотреть на него... И вдруг вижу, что на дороге джип с нашими солдатами.

- Стой! Не стреляй! - крикнул я шоферу и показал на дорогу. - Они его заберут...

К счастью для скрывавшегося, это был комендантский патруль. Они забрал немца, а мы поехали

дальше.

В предместьях Ракова, где с холмистой дороги видно далеко вокруг, мы были поражены развернувшейся невиданной картиной. На огромном пространстве в перелесках и вдоль дороги громоздилось множество покореженной техники: разбитые машины, орудия, танки... А сколько там было еще неубранных немецких трупов, оторванных рук и ног... Не передать!..

Мы ехали по дороге медленно. Все напоминало о недавно прошедших здесь жестоких боях. То было наглядное зрелище последствий белорусского „котла“, в который попала германская армия.

И вот мы в Минске. Въехали со стороны Кальварии. Вышли на Юбилейной площади недалеко от бывшего юденрата. Уже нет на том здании тревожащей надписи на немецком: ГОЕШАТ. Все вокруг разрушено, много сожженных домов - остались лишь фундаменты да кирпичные трубы. От увиденного у меня защемило сердце, хотелось плакать - когда мы уходили, еще оставались люди.

Дом наш на Зеленом переулке остался цел, но в нем жили совершенно чужие люди. Когда мы вошли, они стали нагло утверждать, что откупили у хозяев, даже назвали сумму.

- Вот это да! - от неожиданности я рассмеялся. - А мы кто такие?

Когда папа заявил, что он хозяин этого дома, они не поверили:

- Не может того быть! Всех евреев здесь убили. В том числе и хозяина... Я много помогал ему хлебом, картошкой...- и он осекся, замолк, видя наше настроение.

Конечно, без документов мы доказать ничего не могли. Нам они все же выделили комнату, где мы переночевали. Утром от соседей узнали, что в огороде у „хозяев" закопано много добра...

Днем на следующий день пришла Ёха, участвовавшая в партизанском военном параде. На плече у нее висел автомат, она была в партизанской беретке с красной ленточкой. Сестра решительным тоном

приказала:

- Ищите себе жилье, где хотите, а из нашего дома выбирайтесь!

Видя, что ее слова не действуют на нового „хозяина", Ёха сняла с плеча автомат и выстрелила вверх. Из комнаты выскочила перепуганная женщина и заголосила:

- Што гэта робыца, людзей уб1ваюць! Ратуйце!

- До завтрашнего дня, чтобы вашей ноги здесь не было. Понятно? - сестра сначала говорила спокойно, а потом перешла на крик: - Мы воевали, а вы наживались! Вон из нашего дома! Если добром не

Партизанский парад в Минске, после освобождения

уйдете, то будете там, где мои братья и сестры!

Это были люди, которые нажились на страданиях и горе евреев. После убийств и расстрелов они пробирались в те дома, где уже никого не было в живых, и забирали самые ценные вещи. Вероятно, также они оказались и в нашем доме, когда мы ушли оттуда, 28 июля 1942 г., после гибели братьев и сестер.

Мне сразу захотелось узнать, что же произошло в гетто после нашего ухода к партизанам в лес. Сведения о зверствах и расстрелах, конечно, до нас доходили. О них рассказывали те, кто вырвался из Минска осенью 1943 года. В подтверждение приведу выдержку из воспоминаний М.И.Левинной, которой в то время исполнилось всего восемь лет:

„В октябрьские дни сорок третьего года всем оставшимся еще в живых узникам гетто стало ясно -фашисты решили покончить с нами. Мой брат Иосиф - ему было тринадцать лет -сказал, что всё, надо уходить. Он и раньше выходил за проволоку, добирался до партизан, помогал выводить из гетто людей. Боевой парнишка был. Ну, а когда не стало нашей мамы, он решил спасти меня и еще девочек и мальчиков. Собрал нас, человек пятнадцать, вывел нас потайным ходом, через еврейское кладбище. Несколько дней и ночей шли, у меня уже и сил не было. Ребята постарше несли меня на плечах. Наконец, добрались до отряда... Там собралось нас человек сорок детворы, сумевшей уйти из гетто..."

(Из сб. „Трагедия евреев Белоруссии", Минск, 1995.).

Небольшое количество евреев еще существовало в гетто до конца 1943 года. Именно существовало, а не жило. Это было нищенское прозябание горстки голодных и одичавших людей, которые прятались в подвалах домов, в редких сохранившихся „малинах". Немцы и полиция охотились за ними, ревностно

выполняя приказ из Берлина - стереть с лица земли Минское гетто („фрай фун юден“). Но евреи со свойственным любому человеку желанием не умирать прежде времени, тем более насильственно, продолжали сопротивление. К каким только способам не прибегали они, лишь бы остаться жить.

В это самое время в конце улицы Сухой, за трамвайным кольцом, где начиналось еврейское кладбище, небольшая группа узников гетто предприняла беспрецедентный шаг: они осмелились замуровать себя в специально вырытой пещере-укрытии. Цель была одна - любой ценой выжить и дождаться прихода воинов-освободителей. Это было настоящее чудо, когда несколько семей сумели почти девять месяцев в абсолютной темноте, почти без пищи и со скудными запасами воды прожить в нечеловеческих условиях под землей.

Размышляя над этим невероятным фактом еврейского сопротивления, я невольно обращаюсь к мудрым словам Торы, в которой есть такое восклицание:

„Братья наши из дома Израиля! Все, кто в беде и неволе, где бы вы ни были: на море или на суше, Тот, Кто является сосредоточием мироздания, смилуется над вами, выведет вас из тесноты на простор, из мглы к свету, из рабства к свободе. И скажем: Амен!“

У читателя, естественно, возникнут вопросы. Кто был инициатором такого необычного даже технически сложного плана? Как готовилось укрытие в земле? Известны ли все затворники, отважившиеся на подобное? Как жили они там? Что произошло затем?

Я хочу рассказать о пятерых выживших в этом заточении, о нашей удивительной встрече, которая

произошла в Израиле спустя 60 лет, когда я готовил к выпуску второе издание моей книги. Слово Фиме Гимельштейну и Лизе Левкович:

- Мы скрылись в этой пещере в октябре 1943 года. Тогда нас было 28 человек. Инициатором и руководителем нашей группы был печник Пиня Добин. Он ушел в пещеру вместе со своей семьей: старой матерью, женой и двумя сыновьями Борисом и Семеном. Извозчик Эля с женой, бухгалтер Берл и пожилой часовщик, женщины средних лет Рая с сыном Мариком Гухманом, Рахель с маленьким сыном, Муся и дочка швеи Леи. Еще две девушки и дети, имен которых не помним.

Кратко расскажу о жизни в пещере. Она была вырыта на территории еврейского кладбища под бетонным перекрытием разрушенного дома. В двух отсеках оборудовали стеллажи. Каждая семья старалась запастись побольше сухарей и других непортящихся продуктов. Готовились к добровольному заточению несколько месяцев. Взяли самые необходимые вещи. Для хранения воды притащили трехсотлитровые бочки. Печник Пиня Добин, чтобы замаскировать вход в наше необычное укрытие, сделал лаз и приготовил материал для его замуровки изнутри кирпичами.

Первое время, чувствуя себя в относительной безопасности, люди жили дружно, не унывали и верили, что дождутся Красной Армии и освобождения. Дети придумывали себе незатейливые игры, пела грустные еврейские песни Марья, много шутила неунывающая Рахель. Чтобы не выдать себя своими разговорами и шумом, мы избрали необычный образ жизни: спали днем, а бодрствовали ночью. Со временем к этому режиму привыкли, потому что больше всего находились в темноте. Была коптилка, свеча и лучины. Но светом старались не пользоваться.

Не все могли вынести такую жизнь. Первой умерла самая старая женщина Хая-Сора. Ее похоронили здесь же в пещере. Потом ушел из жизни пожилой бухгалтер Берл.

Через несколько месяцев все поняли, что мы можем погибнуть от жажды. В бочках кончилась вода. Мы только увлажняли пересохшие губы. Больше всего страдали дети. И тут случилось чудо. Однажды Пиня обнаружил недалеко от могилы, где похоронили бухгалтера, мокрый песок. Он стал разгребать

это место и из-под земли начала сочиться талая вода. По-видимому, она просачивалась из-за интенсивного таяния снега. Несколько дней мы радовались этому, наполнили доверху бочки, пили воду до отвала... А потом наступил страх, что вода эта нас затопит. Все перебрались на верхние полки стеллажей, а вода все прибывала и прибывала. Радость сменилась отчаянием. Но есть Бог на свете. К концу недели Пиня обнаружил, что вода стала спадать.

Прошло, наверное, уже пять месяцев. И молодежь стала роптать и проситься, чтобы их выпустили на волю из этой могилы. Парни и девушки готовы были уйти к партизанам. Но наш вожак Пиня Добин не соглашался. Это значило, по его мнению, посылать людей на верную смерть. Убеждения его старшего сына Бориса на него не действовали. И все-таки две девушки уговорили его. На дворе уже март, весна... Они обещали установить контакт с партизанами и вернуться, чтобы вывести всех в лес. Как ушли, так их больше никто и не видел.

Стала проситься на волю тетя Рахель, свояченица Пини. Он доверял ей и надеялся, что она не выдаст тайну пещеры.

- Лучше идти вдвоем, - наставлял он Рахель. - Возьми с собой Мусю. И деньги соберите, у кого остались. Они могут пригодиться... Надо что-то купить от цинги.

Выход из подземелья был удачным. На Юбилейном рынке Муся встретила знакомую белоруску Гану. До войны они работали на обувной фабрике. Гана повела их к себе домой, накормила хлебом и каким-то варевом. Они ели и плакали. Потом не выдержали и рассказали, что пять месяцев живут в пещере под землей. Где находится их укрытие - не сказали. А Гана, переживая, тоже плакала. Она им сказала, что в гетто евреев уже больше нет. Немцы всех истребили... На дорогу белорусская женщина дала им хлеба, луку, чесноку и соли.

Потом и сам Добин установил связь с другой женщиной, которая жила рядом с кладбищем. Оказалось, что она знакома с Ганой. Это успокоило осторожного Пиню. Очередной его выход, и он приносит в пещеру добрую весть - партизанскую листовку. Из нее все узнают, что советские войска наступают и недалек тот день, когда они будут в Минске. В тревожном ожидании люди в пещере даже перестали замечать, *что совсем уже нечего есть.

О том, что Минск освобожден, в пещере мы узнали на вторые сутки. Большинство из оставшихся тринадцати живых вы-

ползли на свет божий на четвереньках. Воины, освободившие⁴ город, помогали нам. Потом прибыло командование и среди них, говорили, приехал и сам Илья Эренбург. Вызвали военврачей. Ведь мы ослепли от постоянной темноты, ходить уже не могли.

В пятом томе Краткой еврейской энциклопедии в историческом обзоре о Минске и Катастрофе есть сообщение, что в конце концов в Минском гетто только 13 евреев дожили до дня освобождения города (тех самых тринадцати, о которых я рассказал в этой главе после удивительной встречи с жителями Израиля Фимой Гимельштейном и Лизой Левкович).

А в самом городе финалом трагедии Минского гетто стали три дня в конце октября 1943 года. Вовремя увел своих подопечных Пиня Добин!

По замыслу гитлеровских властей остатки еврейского населения необходимо было отправить за город к местам „эзекуций" и уничтожить. С вечера 20 октября 1943 года территория гетто была окружена войсками СД и полицейскими батальонами. Утром следующего дня всех евреев погрузили на машины и вывезли в Тростенец. Кто сопротивлялся или уже не мог передвигаться из-за голода, распухших ног и болезни, того расстреливали на месте. Если у карателей существовало подозрение, что в погребах или в других укромных местах скрываются люди, они взрывали такие укрытия гранатами.

Мне хочется процитировать из „Черной книги" под редакцией Ильи Оренбурга и Василия Гроссмана заключительные слова. Они написаны по горячим следам, когда печник Пиня Добин рассказал Илье Оренбургу, как горстка евреев девять месяцев в вырытом подземном укрытии ждала дня освобождения:

„...Не стало Минского гетто. Погибли последние обитатели его. В Минском гетто не осталось живого дыхания человека. Одни лишь развалины напоминали о страданиях и страшных муках, выпавших на протяжении двух с половиной лет на долю многих десятков тысяч минских евреев“.

Глава тридцать четвертая.

ЧЕРНЫЙ ОБЕЛИСК

В моих воспоминаниях то и дело мелькают эпизоды о котловане, из которого минские строители брали песок для нужд все расширяющегося строительства. Об этом мне рассказывал и мой дядя Лазарь Рубёнчик - человек очень почтенного возраста, ныне живущий в Иерусалиме.

Нацисты - любители массовых кровавых зрелищ - превратили этот котлован после погрома 2 марта 1942 года в огромную братскую могилу; с тех пор то место назвали Ямой.

Когда окончилась война и стали возвращаться на родные пепелища бывшие воины, партизаны, беженцы, и они узнали обо всем, что случилось с их родителями, детьми и близкими, земля зашаталась под их ногами, взывая к памяти. Совесть и сердце искали утешения. И тогда многим одновременно пришла мысль собрать деньги и установить скромный обелиск на месте гибели евреев в Минске.

Надо сказать, что у евреев вообще не принято воздвигать помпезные монументы и украшать их цветами,

Вспоминается, как приходили к моей маме озабоченные, опечаленные люди, тяжело вздыхали, о чем-то с ней шептались. Потом я узнал, что речь идет

о желании евреев собрать деньги и обозначить памятное место захоронения жертв погрома, то есть установить на том месте обелиск и отметить эту Яму. К моему сожалению, я не запомнил да и не мог знать всех, кто принимал посильное участие в сборе денег и установке обелиска на Яме. Но некоторых, кто остался в моей памяти, хочу назвать:

Фитерсон Ривка (погибло у нее 6 детей), Цукерман и ее дочь Ида, Дора Борисовна - врач, Рольбина Лена и ее брат (их отца собаками затравили), Зорин Шолом - командир отряда № 106, Екельчик Фаня, Гольдина Сарра, Горелики, Туник, Кульчаева Галина Ефимовна, Шедлецкий Федя, Фельдман Наум, семья художника Житницкого, Рубенчик Лазарь-демобилизированный, врачи: Плоткин, Зигельман Яков, Оликер Лев Моисеевич, Сана Клепцан...

По крохам, по рублям собирали средства и вскоре - 6 августа 1946 года памятник из черного мрамора был установлен. На нём на двух языках (как обычно, на русском и, что удивительно, на идиш) было написано, что на этом месте захоронено пять тысяч человек, расстрел я них только за то, что они - евреи.

Какой-то старый еврей, который вернулся из эвакуации, прочитал при открытии обелиска поминальную молитву, собравшиеся люди поплакали и разошлись. С тех пор каждый год 2-го марта - в годовщину погрома сюда приходят родные погибших, узники гетто, некоторые с детьми и внуками, грустят, вспоминают, а потом расходятся...

Это был первый и, как мне стало известно, единственный памятник евреям с надписью на идиш. Велик был шок властей, узревших в установке обелиска в память не „погибших мирных советских гражд-

дан", как было принято тогда, а рядовых евреев с надписью на их родном языке.

В 1952 году власти не простили ни руководителю работ по возведению памятника Мордуху Стришену, ни автору текста - еврейскому поэту Хаиму Мальтийскому, пришедшему с войны на одной ноге. Их обвинили в национализме и арестовали...

Шли годы. Популярность этого скорбного места росла. В 60-70 годы прошлого столетия здесь стали собираться еврейские диссиденты, затем сюда приходили тысячи людей на митинги. Однажды здесь побывал и президент Белоруссии А.Лукашенко. В своем выступлении на Яме он назвал антисемитизм позорным явлением.

В 2000 году здесь же возвели мемориал - скульптурную группу уходящих в небытие стариков и женщин с детьми. Теперь сюда приводят экскурсии, по торжественным дням к его подножию возлагают венки.

А черный обелиск остается первым и постоянным символом мучений, гибели и сопротивления евреев. К нему не зарастет народная тропа!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

заключительной части я хочу рассказать читателям о послевоенной судьбе тех, кто остался жив. Когда пришла Победа, наступил мир, выжившие евреи, очень хотели как-то наладить свою жизнь. Женились, учились, трудились, рожали детей. Жизнь шла своим чередом.

Каждому из нас было понятно, что погибших в той страшной войне из-под земли не подымешь, назад их не вернешь. Такова трагическая реальность. Но мы, кто был рядом с ними, кто уцелел в том пламени, должны их вечно помнить.

Первым долгом о самых моих близких - о маме, папе, Ёхе и Гинде. После возвращения в Минск отец начал работать бригадиром строителей .

Сестра Ёха вскоре вышла замуж за польского еврея и уехала в Израиль. О своих партизанских заслугах она увезла туда лишь боевую характеристику. Вот что в ней записано:

„Находясь в партизанском отряде показала себя смелой, дисциплинированной партизанкой. Участвовала в подрыве одного вражеского эшелона: разбит паровоз, повреждено 24 вагона с военным грузом, убито 3 немца. Кроме этого участвовала в открытом бою с немцами, где убито 10 гитлеровцев. Два раза ходила по спецзаданию в город Минск по поручению особого отдела; в отряд принесла 20 винтовок. Участвовала в открытом бою, где захвачена автомашина.

За боевые заслуги Рубенчик Е.И. награждена медалью „Партизану Отечественной войны" (приказ начальника БШПД №193/н от 15.07.44 г.)

Я в Минске учился в вечерней школе, хотя большого рвения в учебе у меня не было. Пройдя школу узника гетто и партизана, я уже смотрел на жизнь другими глазами. В учебе я очень отстал от своих сверстников.

Учась в школе, я одновременно работал, помогал отцу и хотел быть независимым... Брал уроки частным образом, чтобы догнать своих сверстников.

Вернулся с войны папин брат Лазарь – преподаватель зубоврачебного училища. Мне нравилась его специальность техника-протезиста, потому что она требовала, чтобы человек умел работать головой и руками. Он вечерами трудился дома, а я ему охотно помогал. Но страх за свою работу (в стоматологии Р часто применяли золото) всегда был.

Впервые мы стали мечтать об Израиле свободном еврейском государстве.

А пример нас уже звал. Первыми добрались до

*Гимельштейн Фима, Рубенчик Абрам и Левкович
Лиза*

благословенной израильской земли Ёха и Гинда. Им повезло, что у них были мужья - польские евреи. У Ёхи - Зелик Либерман, у Гинды - Борис Тасман. По установленному правилу польские евреи выезжали в Израиль беспрепятственно.

Потом мама Нахама побывала у Ёхи в гостях, очень рада была встрече с бывшими партизанами. Дочь показала ей страну, а прощаясь, спросила:

- Приедешь насовсем?

- Не знаю, - уклончиво ответила мама.

- Если не приедешь, - предъявила дочь ультиматум, - то считай, что у меня матери нету. Я пошлю вызов Авремелэ и его семье. Я уверена - они эту страну полюбят.

Ёха была права. Мы полюбили Израиль всей душой. Но сколько трудностей и унижений пришлось испытать, прежде чем мы добрались до этой земли. В 1966 году маму и папу выпустили, а нашу семью - нет.

Желание быстрее уехать подстегивали рассказы моих дочерей - школьниц. В 14 лет старшая Бэлла уже спрашивала: „Мама, где ты нашла себе мужа, которого зовут Абрам Израилевич?“ Она стеснялась имени своего отца. Или взять младшую, Раечку. Придя из школы, она вдруг мне говорит:

- Ты знаешь, папа, какая я умная?

- Ну, скажи, - с любопытством интересуюсь я.

- А я этой девочке не сказала, что я еврейка...

Эти слова всколыхнули во мне воспоминания, как в гетто мы завидовали русским ребятам. „Боже, - подумал я, - с чего начинается сознательная жизнь моих детей... Они уже стесняются и скрывают свою принадлежность к нашей еврейской нации... А что

будет дальше?“

Снова подаем заявление в ОВИР. Вызывают на собеседование. Разговор сотрудник ведет в издевательском и антисемитском тоне:

- Мальчик нашелся, к маменьке в Израиль захотел. Что тебе здесь не хватает? Имеешь жену -детского врача, дети занимаются в английской школе. Что еще надо? Апельсинчиков захотел?

Но я не отступал. Стал отказником. Снова и снова требовал разрешение на выезд. И в 1967 году наконец, разрешение получено. Заплатил за визу. И надо же - в этот же день в Израиле началась шестидневная война. Разорваны дипломатические отношения с СССР... Опять неудача. Визу аннулировали.

Живем надеждами. Наконец в 1969 году наша мечта осуществилась. После долгого перерыва моя семья из четырех человек, одна из первых среди евреев-минчан напрямую репатриировалась в Израиль.

Это произошло после шестидневной войны. Примерно в это же время из Минска власти выпустили сиониста Анатолия Рубина. Он тоже Пережил все муки ада в Минском гетто и хотел жить в своем государстве.

А я хочу поделиться с людьми радостью своего тридцатилетнего пребывания на израильской земле. Я счастливейший из счастливых и горжусь своей страной, ее богатой природой, красивыми городами, прекрасными дорогами и полным изобилием всего того, что нужно человеку.

Несколько слов о своей семье. Жена Софа врач, сейчас на пенсии. Старшая дочь Бэлла тоже имеет медицинское образование, живет хорошо. Муж ее Гидон - высококлассный специалист в области орт-

опедии. В их семье растут трое детей. Старший сын получил высшее образование в Америке, остался там работать, и дед имеет от него много „нахес“. Старшая дочь Дана отслужила в армии, младшая Натали хорошо успевает в школе.

Вторая дочь - Рая. Она учительница и имеет вторую профессию диетолога. Муж Шломо - бизнесмен. И в их семье растут трое детей. Старшая Карина учится в Тель-Авивском университете, будет гигиенистом. 14-летняя Имбаль занимается в школе и помогает маме воспитывать младшую сестренку - Амитик.

Всем им я завещаю одно - упорно трудиться. Трудиться так, как всю жизнь делает их дедушка. И я своим внукам даю все то, что мне не досталось в детстве! Вспоминаю, что только за то, чтобы подержаться за колесо велосипеда, соседскому мальчику я должен был заплатить две копейки или дать горсть монпасье.

А сегодня у моих внуков не только велосипеды, на которых я их всех научил кататься. Обучил я их и плаванию и катанию на роликовых коньках.

Теперь о Ёхе и ее семье здесь в Израиле. У моей сестры, живущей в Петах-Тикве двое детей: сын Алекс и дочь Хая. Более тридцати*лет бывшая отважная партизанка Ёха проработала учительницей в израильской школе. Многим детям дала она образование. А ныне растит и воспитывает своих шестерых внуков. Слава Богу, все живы и здоровы.

Брат ее мужа Зелика - Миша рассказал мне, как он спасся, когда в сорок первом в его родном местечке Куринец немцы во время праздника Симхат Тора собрали всех оставшихся 54 евреев и повели на расстрел. Мише было десять лет и из этой колонны ему единственному удалось убежать в лес. Потом он

жил в гетто в семье дяди, а в 1943 году его приняли в партизанский отряд. И белоголовый мальчик Миша Либерман оказался смелым и смысленным разведчиком.

- Так как я не был похож на еврея, - вспоминает он, - меня партизанский командир неоднократно посылал в разведку прямо к немцам. И я всегда выполнял задания партизан.

Моя двоюродная сестра Гинда, та самая, что уцелела при убийстве семьи тети Тайбы, тоже из Минска уехала в Израиль одной из первых. Сейчас она живет в Бат Яме. У нее двое детей: старший Илюша, младший Эдуард. И шесть внуков. Своим невесткам она помогает их растить.

Я поддерживаю хорошие отношения со всеми родными, живущими в Израиле и Америке. Более ста Рубенчиков и Узлянов сгорели в пламени той большой войны. Малая горсточка из нашей „мишпохи“, к счастью, уцелела.

Родной дядя Лазарь Рубенчик, тот самый, который вернулся в сорок пятом с войны и помог мне учиться зубоврачебному делу, живет в настоящее время в Иерусалиме. Хочу ему низко поклониться и поблагодарить за все, что он сделал для меня. В 2005 году ему исполнится 95 лет. А я желаю дяде, как евреи говорят, до 120!

Второй брат отца дядя Лева Рубенчик живет в Штатах в Чикаго. Ему тоже больше 90 лет. Ухаживает за ним его жена Лиза. А их дочери Алла и Геня дважды приезжали к нам в Израиль в гости. Живут хорошо. У Левы трое взрослых внуков. Все имеют университетское образование.

Еще до войны дядя Лева был в Минске извест-

ным мастером кладки печей. В нашей семье он научил этому делу брата Хаима Рубенчика, шурина Лейбу Шифрина, каменщика Пиню Добина, о котором я рассказал в последней главе. А в 1942 году я был свидетелем, как гнали по Обувной улице арестованного Лейбу Шифрина. Эсэсовцы собрали всех, кто строил печи в Тростенце, и первыми их там сожгли...

Большинство моих родственников, слава Богу,-долгожители. И родители тоже. Папа прожил здесь в Израиле до 88 лет, мама - до 84. Оба они похоронены на кладбище в Петах-Тикве. А на могильных плитах родителей написаны имена моих пятерых братьев и сестер, погибших в Минском гетто. На памятнике моей матери еще выбиты имена всех погибших ее братьев Узлянов.

Снова вспоминаю двоюродную сестру Майю. Девичья ее фамилия Соловейчик. Она живет сейчас в США. Спаслась она в войну благодаря тому, что вовремя из Минска ушла в партизаны. Родители ее мужа живут в Израиле, поэтому они с детьми бывают в нашей стране.

В Минске тоже есть у меня двоюродная сестра. Это Шура Осипова, дочь младшей сестры отца -Симы. Симе удалось в последний момент вырваться из гетто, и она стала партизанкой...

Не могу не вспомнить мамину сестру Фрейду Узлян. О ее удивительной жизни можно было бы написать отдельную книгу. Вся её жизнь - это сплошная трагедия. Ее первый муж не вернулся с войны, пропал без вести. Маленькая её дочурка была задушена в малине, а старшая шестилетняя Хая была убита во время погрома. Фрейда после войны вторично вышла замуж. Ее второй муж Мотэ отсидел 10 лет в тюрьме

по обвинению в троцкизме. У них родились после войны две дочери - Циля и Софа. Эти мои двоюродные сестры имеют Циля - двух сыновей, а Софа -сына и дочь. Все живут в Израиле.

Еще из Узлянов на сегодняшний день живы родственники в Америке. Они приезжали в Израиль, и я с ними встречался. Еще в двадцатые годы мамыны двоюродные сестры и братья выехали из Минска в США. Мне известно, что среди них были Авремл, Хьене, Ейхл Узляны, Тэма Каган.

Конечно, читателя интересует судьба наших партизанских командиров, а также боевых друзей: Фани Каплан, Хаима Гольдина, Янкеля Купера, с которыми мы пережили смертельные годы минского гетто, а потом прошли эпопею в партизанских отрядах...

Шолом Зорин был уже пожилым человеком, когда репатриировался в Израиль - ему шел семьдесят первый год. С почестями командира еврейского партизанского отряда встречал министр обороны Моше Даян, он был принят премьер-министром Голдой Меир. Поселился Зорин в Ришон ле Ционе.

Еще несколько слов о боевых товарищах. Мой взводный командир Гирш Цофин, который бежал из местечка Городок, закончил войну в Германии. Он умер уже в Израиле. Сейчас у него здесь живут дети и внуки. У его сестры, которая поселилась в Петах-Тикве, мы нашли партизанские документы Цофина и его фотоснимки.

А отважный Михл Лйцкий погиб на войне. Уже заканчивая книгу, я нашел его родную сестру Шейне, живущую в Кфар-Сабе. Она сообщила мне, что после партизанского отряда брат сразу ушел на фронт. Он

дослужился до сержантского звания. Вместе с Лицким воевал в одном полку Шепсл Шпрингер. Он рассказал мне, что при наступлении на запад Польшу они прошли, и Лицкий был после этих боев невредимый. Затем их полк бросили штурмовать в Восточной Пруссии Кенигсберг. Вот там под крепостью он и погиб.

О Хаиме Гольдине читатель все уже знает. Добавлю лишь, что несмотря на свои восемьдесят, он по-прежнему бодр, любит своим сильным голосом петь песни, рассказывать смешные истории и анекдоты.

Добрим словом хочу вспомнить всех евреев-партизан из местечка Городок. Двое из них Брайне Рабинович и Шепсл Шпрингер живут в нашем городе Петах-Тиква. У Шпрингера, кроме партизанского фото 1942 года, сохранилась послевоенная фотография группы городокских партизан вместе с женами и детьми. В трудную минуту они пришли мне на помощь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Говоря о трагедии евреев в Минском гетто, я задаюсь вопросом: сколько всего моих единокровных братьев и сестер погибли? Страшные цифры называются в разных источниках.

Доктор истории Леонид Смиловицкий (научный сотрудник Института диаспоры при Тель-Авивском университете) называет цифру: 85 тысяч уничтоженных евреев-минчан и 10 тысяч жителей из окружающих город еврейских местечек. Сюда же нужно приплюсовать более 35 тысяч евреев, вывезенных в Минск из других стран Европы.

Вдумайся, читатель, в этот подсчет! 130 тысяч. Конечно, никто не может ручаться за точность названных цифр. Важнее другое. За каждым таким подсчетом стоят людские судьбы. Кто вспомнит и напишет о них, безвременно павших, если не мы?

Я попытался сделать лишь небольшой шаг в этом направлении. И от всего сердца хочу поблагодарить редактора Григория Розинского, который своей работой и помощью при написании книги, придал мне силы и уверенность. Надеюсь, что вслед за мной найдутся и другие участники незабываемых событий. Они расскажут новые подробности и отдадут дань памяти погибшим в оккупированном Минске.

Такую инициативу уже проявил доктор исторических наук минчанин Эммануил Григорьевич Иоффе. Он написал брошюру о Тростенецком лагере

смерти. В ней он задается вопросом: сколько евреев погибло там? Много цифр имеется в этой брошюре, но я хочу процитировать лишь две „Анализ многочисленных источников дает основание сделать вывод, что в Тростенецком лагере смерти погибло не менее 80 тысяч иностранных евреев, а также не менее 60 тысяч евреев Беларуси”.

Еще хочу сослаться на профессора Э.Гиоффе. После того, как он познакомился с моей книгой, прислал мне отклик на нее: „Эту книгу нельзя читать равнодушно. Особенно интересна и полезна она будет тем, кто изучает историю Шоа, историю борьбы евреев против нацизма. Верю, что не будет равнодушных читателей-школьников...”

* * *

Хочу еще рассказать о своей инициативе, которую я проявил пару лет тому назад. Я давно мечтал как-то отметить роль жителей Старого Села в спасении минских евреев. И вот во время последних двух приездов в Минск я занялся этим вплотную: дважды побывал в Старом Селе, встретился там со старожилами и юными жителями. Тогда же родилась идея установить мемориальную доску на местной школе.

Вся эта идея вылилась в интересную и запомнившуюся церемонию не только для нас, но и для юных старосельских жителей.

Это произошло накануне дня Победы в 2002 году. На митинг по этому случаю собралось очень много жителей Старого Села и гости из Минска и Израиля. Мы установили мемориальную доску на

здании школы, отмечающую события прошедшей войны и вклад, который внесли жители Старого Села в спасение евреев Минска.

В ответ на это я получил из Старого Села много писем. Одно из них я хочу кратко процитировать:

„Меня зовут Ольга, я учусь в Старосельской школе. Я прочитала Вашу книгу. Душа рвется поблагодарить Вас.. После Вашего приезда я, можно сказать, узнала всю историю и жизнь своей деревни в годы войны. Я даже подумать не могла, что на нашей земле было такое горе.

А открытием мемориальной доски Вы доказали привязанность и теплую любовь к нашей деревне... О Вашей книге нельзя сказать по другому, а только: „Правда и ничего кроме правды”. В ней написано о страданиях евреев в Минском гетто, а ведь евреи - это обыкновенные люди, такие, как я, он; все те страдания, с которыми им приходилось сталкиваться вызывают сочувствие в наших сердцах... Читая Вашу книгу, я плакала: зачем в мире есть война.

Я хочу пожелать, чтобы каждый человек прочитал Вашу книгу и понял, что такое война! И сделал все, чтобы больше не было войны...

Огромное спасибо за то, что Вы есть! До свидания!”

* * *

Сегодня, живя в свободном государстве при изобилии продуктов, дети не могут себе представить ужасы голодного и несправедливого существования за колючей проволокой.

Наши дети и внуки мало знают о размерах и последствиях Катастрофы. Лозунг „Никогда больше!” воплотится в жизнь, если поколения, идущие за нами, из школьных уроков истории узнают о страданиях и мужестве своих предков в середине XX „цивилизаци-

ванного века". Тогда они поймут, что нет на планете другой страны, где бы их не считали чужаками, где их защитят, так как они в своем доме, на своей земле. Если в школе на уроках истории им будут шаг за шагом объяснять, какую великую трагедию пережил их народ, как его обманывали, как он остался один против всего мира, как его уничтожали, а он выстоял тогда наши потомки будут чтить память о страданиях и мужестве евреев и тогда они не допустят повторения подобного ада.

Без прошлого нет будущего, а настоящее - только мост между прошлым и будущим. Будем помнить!

* * *

Перед самым выходом первого издания книги я побывал в кибуце Сде-Нахум под Афулой, где жил 90-летний писатель и переводчик Шломо Эвен-Шошан. Он бывший минчанин и редактировал двухтомную книгу о Минске, вышедшую на иврите в Израиле. С какой сердечностью и готовностью он вызвался мне помочь в переводе моей книги на иврит. И помог!

Эвен-Шошан сказал:

- Да, это обязательно нужно сделать и прежде всего для молодежи. Книги о Катастрофе необходимо изучать на уроках истории в школах...

И он перевел мою книгу на иврит. В один из моих приездов к нему Эвен-Шошан сел за стол и написал несколько напутственных слов, посвященных моей работе:

„Моему земляку - Абраму Рубенчику, написавшему правдивую книгу о Минском гетто: сопротивлении евреев нацистам в родном городе и в партизанском отряде, я желаю творческой удачи, - чтобы его книга пользовалась успехом у читателей“.

Шломо Эвен-Шошан.

Абрам Рубенчик и Шломо Эвен-Шошан